

ISSN 2500-2988

УДК 32:93:316

ЛОКУС

 ЛЮДИ
 ОБЩЕСТВО
 КУЛЬТУРЫ
 СМЫСЛЫ

2022. Т. 13. № 1

**Учредитель
и издатель:**

 Московский
 педагогический
 государственный
 университет

Издается с 2010 г.

Выходит 4 раза в год

 Свидетельство
 о регистрации СМИ:
 ПИ № ФС 77–67762
 от 17.11.2016 г.

Адрес редакции:

 109240, Москва,
 ул. В. Радищевская,
 д. 16–18, каб. 223

 Журнал входит в Перечень ведущих
 рецензируемых научных журналов
 и изданий ВАК РФ:

Исторические науки

- 07.00.02 – Отечественная история
- 07.00.03 – Всеобщая история
- 07.00.09 – Историография,
источниковедение и методы
исторического исследования
- 07.00.15 – История международных
отношений и внешней политики

Политические науки

- 23.00.01 – Теория и философия политики,
история и методология
политической науки
- 23.00.02 – Политические институты,
процессы и технологии
- 23.00.03 – Политическая культура
и идеологии
- 23.00.04 – Политические проблемы
международных отношений,
глобального и регионального
развития
- 23.00.05 – Политическая регионалистика.
Этнополитика
- 23.00.06 – Конфликтология

Сайт журнала: j-locus.ruE-mail: izdat_mgopu@mail.ru
**Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85007**

ISSN 2500-2988

LOCUS | PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

2022. Vol. 13. No. 1

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research

The journal has been published since 2010

The journal is published 4 times a year

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
Information on journal can be accessed via: j-locus.ru

Редакционная коллегия

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*)

Фёдор Александрович Михайловский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*)

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*)

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета

Игорь Валентинович Бочарников – доктор политических наук; руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, г. Москва

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; директор Центра политических исследований, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва; профессор кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета

Иван Георгиевич Жиряков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Историко-филологического института Московского государственного областного университета

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент кафедры ЮНЕСКО «Востоковедение и африканистика: современные методы изучения и преподавания» Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Кристофер Рид – PhD (история); профессор исторического факультета Университета Уорвика, г. Ковентри, графство Уэст-Мидлендс, Великобритания

Джованни Савино – PhD (история); доцент Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва; доцент департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск

Николай Иванович Смоленский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Историко-филологического института Московского государственного областного университета

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва

Дмитрий Борисович Фролов – доктор политических наук, доцент; профессор кафедры «Защита информации» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; заместитель директора Института истории и политики, доцент кафедры социально-политических исследований и технологий факультета прикладной политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Алек Давидович Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; старший научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль

Александр Иванович Юрьев – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Editorial Board

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*editor-in-chief*)

Fedor A. Mikhailovsky – Dr. Hab. in History; Head at the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*deputy editor*)

Denis N. Sergovantsev – PhD in History; Associate Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*executive secretary*)

Irina A. Batanina – Dr. Hab. in Political Sciences; Director at the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University

Igor V. Bocharnikov – Dr. Hab. in Political Sciences; Head, Research Center of the National Security Studies, Moscow, Russian Federation

Elena V. Brodovskaya – Dr. Hab. in Political Sciences; Director at the Center for Political Studies, Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Hab. in Sociology; Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Russian Federation

Alek D. Epstein – PhD in Sociology; Leading Researcher at the ORT Israel Research and Development Center, ORT Israel; Scientific Director, Center for Research and Development of Contemporary Art, Israel

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. in History; Leading Researcher at the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Dmitry B. Frolov – Dr. Hab. in Political Sciences; Associate Professor at the Chair “Computer Law”, National Research Nuclear University “Moscow Engineering Physics Institute” (MEPhI), Russian Federation

Tatyana V. Karadze – Dr. Hab. in Philosophy; Professor, Head at the Department of Political Science of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Andrey V. Manoilo – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Vladimir D. Nechaev – Dr. Hab. in Political Sciences; vice president, Russian Association of Political Science; Rector, Sevastopol State University, Russian Federation

Vyacheslav L. Parkhimovich – PhD in History; Assistant Professor of the UNESCO Chair on Asian and African Studies “Modern methods of studying and teaching of Institute of Asian and African Studies”, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Christopher Reed – PhD in History; Professor at the Department of History, University of Warwick, Coventry, West-Midlands, United Kingdom

Giovanni Savino – PhD in History; Associate Professor at the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir L. Shapovalov – PhD in History; Deputy Director of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Vladimir B. Slatinov – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of State Policy and Territorial Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Nikolai I. Smolensky – Dr. Hab. in History; Professor, Head at the Department of General History, Archeology and Methodology of Historical Science of the Institute of History and Philology, Moscow Region State University, Russian Federation

Alexander I. Yuriev – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Ivan G. Zhiryakov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of General History, Archeology and Methodology of Historical Science of the Institute of History and Philology, Moscow Region State University

Содержание

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

А.Е. Виноградов

К происхождению этнонима *славяне*. 11

Э.Р. Полатханова

Граф А.А. Аракчеев
и становление системы начальных школ
в военных поселениях (1815–1825 гг.). 23

И.Е. Кознова

Культурные аспекты
сельско-городского взаимодействия
(на материалах крестьянского отходничества
начала XX века) 39

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

М.Д. Петров

Развитие западноевропейского военного дела
как фактор трансформации
политических институтов Англии
в 1485–1547 гг. 56

М.А. Ковалёв

Исторические взгляды Э. Бёрка
(по материалам «Краткой истории Англии») 76

К.А. Белоусова

Баасистская революция в Ираке 1968 г.
и ее влияние на внутреннюю и внешнеполитическую
ситуацию 88

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Н.С. Иванов

Британия и независимость Уругвая
(1814–1830 гг.). 103

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*А.А. Орлов*

Образ Западной Европы

в сознании русских писателей XIX века:

Н.В. Гоголь, И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой 121

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ,
ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ*С.М. Захаров*

Российская молодежь в протестных акциях

2017 и 2021 гг.: сравнительный анализ 141

IN MEMORIAM

Памяти Аркадия Ивановича Комиссаренко

(1937–2021). 154

Contents

RUSSIAN HISTORY

A.E. Vinogradov

To the origin of the ethnonym *Slavs* 11

E.R. Polatkhanova

Count Alexei Arakcheev
and the rise of primary school system
in the Russian military colonies (1815–1825) 23

I.E. Koznova

Cultural aspects of rural-urban interaction
(based on the materials of the peasants' seasonal work
at the beginning of the XX century) 39

GENERAL HISTORY

M.D. Petrov

The development of Western European military affairs
as a factor in the transformation of political institutions
in England 1485–1547 56

M.A. Kovalyov

E. Burke's historical views (on the materials
of "An abridgment of English history") 76

K.A. Belousova

The Baathist Revolution
in Iraq in 1968 and its impact on the domestic
and foreign policy situation 88

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

N.S. Ivanov

Britain and the independence of Uruguay
(1814–1830). 103

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY
AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

A.A. Orlov

The image of Western Europe in the minds
of Russian writers of XIX century:

N.V. Gogol, I.A. Goncharov, L.N. Tolstoy. 121

POLITICAL INSTITUTIONS,
PROCESSES AND TECHNOLOGIES

S.M. Zakharov

Russian youth in protests in 2017 and 2021:

A comparative analysis 141

IN MEMORIAM

In memory of Arkadiy I. Komissarenko

(1937–2021). 154

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-11-22

А.Е. Виноградов

Независимый исследователь,
119313 г. Москва, Российская Федерация

К происхождению этнонима *славяне*

Происхождение этнонима *славяне* давно является предметом оживленной научной дискуссии. Большинство исследователей принимают за основу форму **Slovene*, считая зафиксированные в первых источниках варианты *Σκλάβηνοι*, *Sclaveni* производными, связанными с особенностями греческой и латинской артикуляции. Анализ источников, историко-лингвистических и географических данных показывает, что такой подход является ошибочным: раннесредневековые авторы точно воспроизвели самоназвание этноса, связанное с особенностями его первоначального расселения в горных, скальных районах Карпат. Вследствие дальнейшего распространения славян на равнинные территории первоначальная семантика имени забылась, и этноним видоизменился в соответствии с народными этимологиями от *слава*, *слово*.

Ключевые слова: славянский этноним, венеты, анты, Иордан, пражская культура, топонимия Карпат, народные этимологии

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Виноградов А.Е. К происхождению этнонима *славяне* // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 1. С. 11–22. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-11-22

© Виноградов А.Е., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-11-22

A.E. Vinogradov

Independent researcher,
Moscow, 119313, Russian Federation

To the origin of the ethnonym *Slavs*

The origin of the ethnonym *Slavs* has long been the subject of lively scientific discussion. Most researchers take the form **Slovene* as a basis, considering the variants *Σκλάβηνοι*, *Sclaveni* recorded in the first sources as derivatives associated with the peculiarities of Greek and Latin articulation. An analysis of sources, historical, linguistic and geographical data shows that this approach is erroneous; early medieval authors accurately reproduced the self-name of the ethnic group, associated with the peculiarities of its initial settlement in the mountainous, rocky regions of the Carpathians. Due to the further spread of the *Slavs* to the plains, the original semantics of the name was forgotten and the ethnonym changed in accordance with folk etymologies from *slava* 'glory', *slovo* 'word'.

Key words: Slavic ethnonym, Venets, Antes, Jordan, Prague culture, toponymy of the Carpathians, folk etymologies.

FOR CITATION: Vinogradov A.E. To the origin of the ethnonym *Slavs*. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 1. Pp. 11–22. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-11-22

Происхождение названия *славяне* является одной из ключевых проблем лингвистики и этнической истории Европы, решением которой вызывает ученые споры не одну сотню лет. Их длительность и в целом малопродуктивность в последнее время рождает крайние конструктивистские концепции, например, Ф. Курты, в рамках которой имя славян (как и собственно этнос) является «чисто византийским конструктом», «изобретением» [25, р. 118–119]. Соответственно, даже если в основе этнонима все-таки лежит название какого-то мелкого племени, важность проблемы его происхождения настолько снижается, что сам Курта в своей монографии и не находит нужным ее рассматривать.

На наш взгляд, подобная постановка вопроса скорее является попыткой уйти от многовековой проблемы, нежели ее решить. Тем не менее,

появление упомянутой концепции само по себе свидетельствует о наличии определенного кризиса в решении этой проблемы и отсутствии свежих идей. В общем мы уже касались вопроса о генезисе названия *славяне* [3, с. 269–281], но теперь считаем необходимым более точно обозначить ряд моментов.

Исходным материалом для споров выступают, как правило, нарративные источники. Первые надежные упоминания этнотермина *славяне* (*Σκλάβηνοι, Σκλάβοι, Sclaveni*) в греческих, сирийских и латинских текстах относится ко времени вскоре после 550 г. [32, р. 365–367].

Наиболее подробное описание ареала ранних славян дал готский историк Иордан, согласно которому *Sclaveni* – наименование части народа венетов (*Venetharum natio*), живущих к востоку от Днестра, за которым, в свою очередь расселяется другая часть венетов – анты. На севере ареал *Sclaveni* доходил до северных склонов Карпат и истоков реки Вистулы (Вислы), на юге – до города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским (*laco qui appellatur Mursiano*) [28, р. 62].

Какова бы ни была география последних, из источников следует, что славяне (скламены) и их родственники анты имеют разное местоположение, но общее наименование венетов. О венетах (*Veneti*) или венедах, живущих в Восточной Европе, рассказывал еще Тацит, это племя, образом жизни похожее на германцев, обитало и совершало набеги на соседей где-то «между певкинами и феннами» [38, р. 77]. Несмотря на известные еще с XVII в. попытки удревнить этноним *славяне*, возвести его к тем или иным известным из античной географии племенным названиям [1; 13], вырвать его из контекста венетской этноистории не удалось. В рамках заявленной в начале проблемы остается выяснить, каким образом, когда и на какой территории часть венетов приобрела новое имя.

Литература версий происхождения этнонима *славяне* весьма обширна и труднообозрима [30]. С польских хроник XV в. вплоть до XIX в. широко распространена точка зрения о происхождении его от слова *слава*. Не меньшую историографическую глубину имеет концепция, связывающая этот этноним с лексемой *слово*.

Однако уже Н.М. Карамзин, излагая «версию *славы*», прибавлял: «историк не поручится за истину сей этимологии» [7, с. 17]. Так, действительно связанный со *славой* (или – в польских хрониках неким «отцом Славо» (*pater Slavo*) [29, S. 469]), антропонимический формант *-слав* в подавляющем большинстве случаев в латинских текстах представал как *slauus, szlauus*, а вставка «к» была скорее исключением, хотя в этнониме *славяне* почти все средневековые эта вставка была неизменной. По-другому выраженная, но все же похожая дихотомия в таких

случаях наблюдалась и в греческих текстах [13, с. 51]. Нельзя не обратить внимание, что уже в XV в. западнославянские авторы, например, составители и переписчики чешской Хроники Пулкавы, путались в этих этимологиях, возводя это этническое название то к *slowo*, то *slawa*, но в любом случае с такой же наивной непосредственностью, с какой они же, например, хороним *Богемия* производили от славянского «Boh, бог» [26, р. 4]. Все это слишком напоминало народные этимологии, и, хотя, например, версия изначального *слово* имеет сторонников и поныне [18, с. 3–12], многие ученые сосредоточились на поисках иных объяснений.

М. Фасмер предположил, что в основе названия народа производное от названия разбросанных по уголкам славянского мира рек типа *Слуя*, *Славица*, *Славница* [20, с. 665]. По Г. Шрамму, этноним произошел только от одного из этих гидронимов, который он реконструировал как **Slovuta* и соотнес с Днепром или его верхней частью [35, S. 105–113]. Предлагается и иной вариант этой гидронимической концепции, исходной точкой которой объявляется название реки *Sala/Zala* в древней Паннонии [24]. Польский лингвист С. Роспанд эту концепцию обобщил: дескать, предки славян занимали вообще низины, влажные речные долины, поэтому и имя их надо выводить из древнего индоевропейского корня **k'leu*, трансформировавшегося уже у славян в **slov-* ‘влажный’ [33, S. 8].

Однако, во-первых, нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что последняя часть этнонима *-ene*, *-jane* трактуется лингвистами как топонимический формант, производный от названий местности и только видимое отсутствие местности **slovy* на географических картах заставило того же М. Фасмера сосредоточиться на «речной» версии [20, с. 665].

Кроме того, все эти построения фактически игнорируют указания источников, прежде всего детальное описание Иордана – географии расселения ранних славян. Б.А. Рыбаков справедливо указывал, что славяне появляются в источниках не ранее времени великого расселения славян в VI в. и только вне прародины их предков-венетов, «в областях, колонизированных выходцами из коренных территорий венетов» [14, с. 200]. Действительно, именно венеты, но никак еще не славяне обитали ранее, по Тациту, «между певкинами и феннами» в центре Восточной Европы, а значит, в том числе и в верховьях Днепра.

А народ по имени *Sclaveni* (в усеченной форме *Sclavi*), *Σκλάβηνοι* впервые отмечался во многих сотнях километров от берегов Днепра, да и от большинства рек с вышеупомянутыми названиями. Река же *Sala*, даже если бы путем хитроумных лингвистических упражнений

из ее названия в теории удалось сконструировать этноним *славяне*, кажется слишком небольшой, чтобы в действительности дать имя народу, уже в раннем средневековье занявшим пол-Европы.

Влажные районы в ареале расселения этого народа действительно присутствовали, Иордан отмечал там «леса и болота» (*paludes silvasque*). Но связать их с термином **k'leu*, **k'leu* трудно, т.к. он соотносился только с очищающей, движущейся влагой («струить», «промыть») [18, с. 185; 31, S. 607], но никак не с болотами. В целом же территория от истоков Вислы до Подунавья, исключая занятые еще в середине VI в. германцами паннонские равнины, представляла собой Карпаты и их отроги, горную местность.

«Карпаты были общеславянским гнездом, из которого впоследствии славяне разошлись в разные стороны, – считал В.О. Ключевский, – ...[славяне] долго оставались на карпатских склонах; здесь была промежуточная их стоянка» [8, с. 32]. Отмечается, что даже наиболее разветвленные племенные объединения внутри славянского этноса – хорваты – все в раннем средневековье локализуются на территориях, находящихся поблизости от горных массивов [2] (попытки объяснить этот феномен вытеснением славян с паннонских равнин аварами носят чисто теоретический характер).

Эти данные полностью подтверждаются археологическими находками. Наиболее ранние памятники первой единодушно признаваемой учеными славянской пражской культуры отмечены в Западной Словакии [4, с. 18–19], т.е. в Малых Карпатах, в гористой местности. Более восточные ранние славянские памятники также разбросаны вдоль горных хребтов от Бескид до Яблоницкого перевала [17, с. 193]. Подавляющее большинство ранних славянских фибул найдено в Карпатах [25, р. 288]. Именно по высоким горам славяне огибали занятые другими племенами территории. Например, Трансильванию, т.к. до падения господства гепидов у них не было шансов закрепиться там [22, с. 320].

Кажется очевидным, что в этих географических условиях славяне скорее получили бы имя, связанное с горным рельефом, в отличие от своих родственников антов и венетов, последние из которых, если обратиться к ранним описаниям, как раз занимали бассейны больших рек между певкинами и феннами.

Главным же аргументом против вышеперечисленных концепций является сама форма *Σκλάβηνοι*, *Sclaveni*, отличающаяся наличием строгих согласных. Большинство современных исследователей, по сути, игнорирует данный лингвистический феномен, ограничиваясь кратким объяснением, что он-де вызван невозможностью сочетания *sl* в греческих и латинских текстах и необходимостью эпентезы (т.е. вставки

в данное сочетание дополнительной согласной) [15, с. 127]. Однако, как справедливо замечает А.А. Романчук, специфика греческих правил воспроизведения этнонима не означает, что самоназвание славян началось именно на *сл-*, а не на три согласные [13, с. 50].

Кроме того, эпентеза совсем не была обязательной в соответствующих сочетаниях в многочисленных негреческих источниках. В средневековых латинских памятниках сочетание *sl* и в середине, и в начале слова встречалось нередко и в отношении нелатинских антропонимов (*Ghislemarus* в «Хронике Фредегара») и этнонимов, в частности мелких славянских (*Vuislane*, *Sleenzane* у Баварского географа). Саксон Грамматик фиксировал топонимы *Slaglosa*, *Slyngbond* и др., при неизменности передачи имени славян и их земель как *Sclauia*, *Sclauica* [34, с. 607, 665, 714–715].

Форма этнонима *Slavi* упоминается и в ранних латинских текстах чешского, словацкого, польского происхождения, при этом переход к названию *Slavi* в более позднее время объясняется не игнорированием правил латинского языка, а желанием славянских авторов уйти от формы, которая у западных соседей стала обретать негативно-социальную, «рабскую» семантику [40]. При этом такие латиноязычные источники славянского происхождения, как Летопись попа Дуклянина или Польско-венгерская хроника, созданные в XII–XIII вв., когда западноевропейская негативная семантическая линия уже обозначилась, явно отстаивали тему славянского достоинства, но при этом – во всяком случае, в ранних списках – сохраняли написание *Slavi*, как бы подчеркивая ее исконность.

И в древневерхненемецких текстах наряду с традиционным обозначением славян как *Wenden* встречается форма *Sclauenie* (например, в «Хронике императоров») и даже в XVIII в. в обстоятельном «Лексиконе» Цедлера их наречие именуется *sclavinisch*. Хотя, казалось бы, немцы, знавшие даже названия мелких славянских племен, могли бы отразить «большой» этноним более точно, если бы он соответствовал реконструируемому ныне **Slovene*. Даже исследователей, не склонных рассматривать форму *Slaveni* как исходную, не может не поразить ее «редкая устойчивость» [13, с. 52].

Примечательно, что и арабы, которые познакомились со славянами еще в середине – второй половине VII в. лицом к лицу, т.к. поселенные в Малой Азии славяне массово перебежали на их сторону [12, с. 103–105], совершенно очевидно без всякого греческого посредничества неизменно (за исключением Ас-С(а)лавийа, одного из загадочных центров Руси, который, однако, мог быть и не связан со славянами, словенами) писали

их этноним как «сакалиба». И это заставляет предположить, что данная форма отражала именно самоназвание этноса.

Наконец, учитывая близость балтийских и славянских языков, явной параллелью к славянской этнонимии выглядит средневековый этноним и хороним *Scalowia*, *Skalawo* (и даже *Sclawonia*, что полностью соответствует обобщающему названию «земли славян» в ряде средневековых хроник) в низовьях Немана, который, тем не менее, в латинских текстах и литовско-прусской традиции никогда не терял второй согласной.

В этой связи этнограф В.П. Кобычев высказывал соображение, что форма *Slaveni* «является не простым приспособлением исконно славянского термина к артикуляционной базе греческого, латинского и арабского языков, а отражает подлинное произношение этого слова самими славянами в ту эпоху» [9, с. 7]. С ним соглашался А.Г. Манаков, предполагавший, что именно древняя славянская форма *scla-*, *скла-*, впоследствии *-слав*, была развитием индоевропейской основы ‘быть чистым’, а также ‘слышать’, отраженной в древнегреческих именах с корнем *-κλεε*, *-κλ* (*Перикл*, *Софокл*) [11, с. 143]. Однако факт, что никаких следов такой древней формы в данном значении в богатой собственно славянской лексике не сохранилось, не придает этой версии убедительности.

В свою очередь, О. Прицак, также признававший изначальность строчных согласных в этнониме, не видел объяснения им в индоевропейской лексике и читал феномен формы *склавен* влиянием тюрков (у которых *saklaw* ‘охранять’, ‘защищать’) [32, р. 405–407].

Таким образом, решение проблемы этнонима *славяне* упирается, во-первых, в объяснение его древней формы **склаvene*, во-вторых, в поиск географической местности, которая могла бы дать имя такой форме. В отличие от М. Фасмера, безуспешно пытавшегося обнаружить хороним **slovy*, отталкивающиеся от формы *-scla*, *-skla*, изыскания дают, на наш взгляд, достаточно очевидный результат.

География Центральной и запада Восточной Европы дает нам множество примеров топонимов, чрезвычайно близких упомянутой форме: *Skalowka*, *Skaliu*, *Scalnica*, *Skalów*, *Derava Skala*, *Скала-Подольска*, *Сколе* и др. [5, с. 193, 195; 36, S. 437–458; 37, с. 7, 8, 74]. В массе своей они относятся к Карпатам и Прикарпатыю и происходят от названия скал, но и схожие названия в равнинно-холмистой местности, как правило, совпадают с районами выхода осадочных пород (бывшие Волковысский и Россиенский повяты). Не случайно в этой связи М. Фасмер производил название реки Оскол от церковнославянской формы названия скалы *оскол* [20, с. 160], что связано со спецификой правого берега реки, где обнажаются меловые породы.

При этом «скальное» именование получали целые регионы, в частности, в той самой Западной Словакии, выступавшей авангардом пражской археологической культуры, один из краев в латинских источниках XIII в. именовался *Terra Skalza* (ныне *Skalica*) [27, S. 425]. Примечательно, что славянская или даже балтославянская (др.-пруссск. *skalwa* ‘осколок’) *скала*, *скалва* в топонимах и гидронимах могла принимать и вид, фонетически совсем уже идентичный **scla*: *Sklawcze*, *Sklawscie* и, возможно, *Шклов/Шкловка*, географически сопутствующим выходам известняка или песчаника, из которого и высечен т.н. Шкловский идол. Этот вид соответствует и глагольным близкородственным формам *скалиться/скалбиться*.

При этом такие современные словацкие топонимы, как *Sklabinský zámok*, *Sclabina*, *Sklabiňa* пытаются объяснить славянизацией этника *Sclavi*, поскольку в средневековых латинских документах эти названия выступали как *Sclabonia*, *Zklabonia* [39, S. 265–266]. Однако примеров, когда выступающее топонимом чужое название своего этноса не меняется на самоназвание (самоназвание словаков *sloveny*), а лишь приспосабливается под родную речь, достаточно мало. Скорее, речь идет о том, что латинские тексты, как и в случае с *Terra Skalza*, отражали лишь славянское обозначение скального ландшафта: не случайно непосредственно рядом со *Sklabiňa* отмечается топоним *Modry Kamen* (Синий камень).

Обилие соответствующих названий в Карпатах, по всей видимости, связано не только с наличием скал, но и с проблемой самой праславянской речи, в которой «горная» лексика поначалу практически отсутствовала [21, с. 121]. Лексемы, связанные с новой географической средой, появившиеся в горах исконные жители равнин либо заимствовали (*бескиды*), либо приспособливали под новые понятия старые слова: так, «горную» семантику приобрели *брег*, *склеп* и др. [10, с. 42–43, 51]. Соответственно, лексема *скала*, помимо изначальных значений ‘осколок’, ‘щепа’ и др., приобретала, например, у восточных славян семантику ‘утес, каменная круть’, или просто ‘сплошная каменная толща’ (В.И. Даль), ‘глыба камня’ (М. Фасмер).

Вероятно, что и первые увиденные «выходцами из коренных территорий венетов» горы (современное значение ‘гора’, по-видимому, является уже производным [23, с. 30]) могли именоваться *скалы*. И до сих пор многие вершины в западных Карпатах носят имя *Skalka*, а в восточных Карпатах существует горная цепь Сколівські Бескиди. По той же схеме, возможно, и ранее развивалась топонимия Центрально-Восточноевропейского региона. Так же появилось само название Карпаты, которое на древнем иллирийском или фракийском, судя по албанскому *karpë* ‘скала’, ‘утес’ [19, с. 202], означало ‘Скалы’, и соответственно, упомянутое Птолемеем племя *карпы* могло значить «жители скал». Позже и «выходцы из коренных территорий венетов» таким же образом

получили имя и, скорее всего, самоназвание *славяне*, поначалу относившееся именно к поселенцам в Карпатах. Не случайно еще Ибн Са'ид ал Магриби (писавший в XIII в., но опирающийся на ранние источники) описывает истоки Днестра в большой и изогнутой «горе славян» (*джебель ас-Сакалиба*) [6, с. 149]. Именно древнюю форму этнонима, не сильно ее искажив, успели зафиксировать греки и «латиняне».

Впоследствии к выпал из самоназвания этноса, что, возможно, было связано с расширением территории его расселения – в том числе вновь на равнинные территории (в ходе которого исходный смысл этнонима подзабылся). Нельзя не учитывать и то, что от расселения праславян в Карпатах до создания первых славянских письменных памятников, тем более памятников, отражавших этническую историю, прошло немало столетий. С учетом обострения в средневековье противостояния между германо-латинскими книжниками, придававшим этнониму *Sclavi* негативную семантику, и идеологами славянства, последним было явно не до исторических воспоминаний и поисков настоящих корней названия *славяне*, поэтому в ход пошли вышеперечисленные народные этимологии – *слава*, *слово*.

Тем не менее, следы языковой эволюции (выпадения *к*) остались и их можно проследить и по топонимическому ряду: например, в Восточных Карпатах выше города Сколе с его скальными окрестностями в каменистую реку Опір впадает не менее каменистая речка Славсько. Представляется, что и гидроним *Словенские ключи* близ Изборска гораздо проще объяснить связью ключей со 'скалой', т.к. они бьют непосредственно из известняковой скалы, чем искать корни названия в легендарном *Словене*, брате Руса, или *словенах*.

Таким образом, этноним *славяне* не был каким-то чужеродным «конструктом». В нашем представлении его генезис тесно связан с динамикой и географией расселения части исторического племени венетов после краха Римской империи. Обретение новой родины на склонах Карпатских гор было связано с обретением и нового имени. На какое-то время «склаvene» стали относиться к своим родственникам, оставшимся на равнинах Восточной Европы, примерно также как шотландские хайлендеры к лоулендерам, горные марийцы к луговым и др. Ситуация новой волны расселения, в рамках которой «скальный» народ распространился уже на равнины Центральной, а затем и вновь Восточной Европы (радимичи и вятичи «от ляхов», височные кольца этих племен имеют дунайское происхождение [16, с. 538]) сохранила название, но лишила его прежнего смысла. Причем чем дальше от Карпат уходили славяне, тем быстрее прежняя семантика уходила из памяти: если западнославянские анналисты еще цеплялись за *Sclavi*, то в Повести временных лет этноним фиксируется исключительно как *словене*.

Библиографический список / References

1. Александров А.А. Народ ставаны на карте Птолея (старые идеи и новые разработки) // Кирилло-Мефодиевские традиции в Пскове / Отв. ред. И.М. Андреева. Псков, 2015. С. 25–46. [Alexandrov A.A. The people are placed on the map of Ptolemy (old ideas and new developments). *Kirillo-Mefodievskie traditsii v Pskove*. I.M. Andreeva (ed.). Pskov, 2015. Pp. 25–46. (In Rus.)]
2. Алимов Д.Е. Хорваты и горы: о характере хорватской идентичности в Аварском каганате // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 2 (8). С. 125–156. [Alimov D.E. Croats and mountains: On the nature of Croatian identity in the Avar Kaganate. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. No. 2 (8). Pp. 125–156. (In Rus.)]
3. Виноградов А.Е. От индоевропейцев к славянам. М., 2016. [Vinogradov A.E. *От индоевропейцев к славянам* [From Indo-Europeans to Slavs]. Moscow, 2016.]
4. Гавритухин И.О. «Дунайский страт» раннеславянской археологии // *Stratum plus*. 2015. № 5. С. 17–26. [Gavritukhin I.O. “Danube stratum” of early Slavic archeology. *Stratum plus*. 2015. No. 5. Pp. 17–26. (In Rus.)]
5. Географічна енциклопедія України. Т. 3. Київ, 1993. [Geografichna enciklopediya Ukraїni [Geographical Encyclopedia of Ukraine]. Vol. 3. Kiev, 1993.]
6. Древняя Русь в свете зарубежных источников / Отв. ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, А.В. Подосинов. Т. 3. М., 2009. [Drevnyaya Rus v svete zarubezhnyh istochnikov [Ancient Russia in the light of foreign sources]. T.N. Dzhakson, I.G. Konovalova, A.V. Podosinov (ed.). Vol. 3. Moscow, 2009.]
7. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1833. Т. I. [Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossijskogo* [History of Russian State]. St. Petersburg, 1833. Vol. I.]
8. Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1993. [Klyuchevsky V.O. *Kurs russkoj istorii* [Course of Russian history]. Moscow, 1993.]
9. Кобычев В.П. В поисках прародины славян. М., 1973. [Kobychev V.P. *V poiskah prarodiny slavyan* [In search of the ancestral home of the Slavs]. Moscow, 1973.]
10. Куркина Л.В. Названия горного рельефа (на материале южнославянских языков) // *Этимология*. М., 1987. С. 39–54. [Kurkina L.V. The names of the mountainous relief (based on the material of the South Slavic languages). *Etimologiya*. Moscow, 1987. Pp. 39–54. (In Rus.)]
11. Манаков А.Г. Топонимические свидетели этногенеза славян. Псков, 2008. [Manakov A.G. *Топонимические свидетели этногенеза славян* [Toponymic witnesses of the ethnogenesis of the Slavs]. Pskov, 2008.]
12. Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002. [Mishin D.E. *Sakaliba (slavyane) v islamskom mire v rannee srednevekovye* [Sakaliba (Slavs) in the Islamic World in the Early Middle Ages]. Moscow, 2002.]
13. Романчук А.А. *Стлавене как исходная форма этнонима славяне. Контуры гипотезы // *Філологічний часопис*. 2016. Вип. 1 (7). С. 48–59. [Romanchuk A.A. *Stlavenes as the original form of the ethnonym Slavs.

- Contours of the hypothesis. *Filologichniy chasopis*. 2016. Vol. 1 (7). Pp. 48–59. (In Rus.)]
14. Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1979. [Rybakov B.A. Gerodotova Skifiya [Herodotus Scythia]. Moscow, 1979.]
 15. Свод древнейших письменных свидетельств о славянах / Комментар. Л.А. Гиндина, Г.Г. Литаврина. М., 1994. [Svod drevnejshih pismennykh svidetelstv o slavyanah [The collection of the oldest written evidence of the Slavs]. L.A. Gindin, G.G. Litavrin (eds.). Moscow, 1994.]
 16. Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. [Sedov V.V. Slavyane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research]. Moscow, 2002.]
 17. Станчу И. Ранние славяне в румынской части Карпатского бассейна // *Stratum plus*. 2015. № 5. С. 163–216. [Stanchu I. Early Slavs in the Romanian part of the Carpathian basin. *Stratum plus*. 2015. No. 5. Pp. 163–216. (In Rus.)]
 18. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования. М., 2003. [Trubachev O.N. Ethnogenesis i kultura drevnejshih slavyan: lingvisticheskie issledovaniya [Ethnogenesis and culture of the Ancient Slavs: Linguistic research]. Moscow, 2003.]
 19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1986. [Vasmer M. Etimologicheskij slovar russkogo yazyka [Russisches etymologisches Wörterbuch]. Vol. 2. Moscow, 1986.]
 20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1987. [Vasmer M. Etimologicheskij slovar russkogo yazyka [Russisches etymologisches Wörterbuch]. Vol. 3. Moscow, 1987.]
 21. Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М., 1962. [Filin F.P. Obrazovanie yazyka vostochnyh slavyan [Formation of the language of the Eastern Slavs]. Moscow, 1962.]
 22. Шютц И. Албано-валахский симбиоз // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2009. Vol. V. P. I. С. 305–321. [Schütz I. Albanian-Wallachian symbiosis. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2009. Vol. V. P. I. Pp. 305–321. (In Rus.)]
 23. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. Т. 7. М., 1980. [Etimologicheskij slovar slavyanskih yazykov [Etymological dictionary of Slavic languages]. O.N. Trubachev (ed.). Vol. 7. Moscow, 1980.]
 24. Vačić J. Slav: The origin meaning of the ethnonym. *Slovene Studies*. 1987. No. 1-2. Pp. 33–41.
 25. Curta F. The making of the Slavs. History and the archaeology of the lower Danube region. Cambridge, 2001.
 26. Fontes rerum Bohemicarum. Praga J. Emler, J. Gebauer, 1893.
 27. Hlavačková M. Skalica. Štefánik M., Lukačka J. *Lexicon stredovekých miest na Slovensku*. Bratislava, 2010. S. ??–??.
 28. Jordanis Romana et Getica. T. Mommsen (ed.). Berolini, 1882.
 29. Kronika Boguchwała i Godysława Paska. *Monumenta Poloniae historica*. 1882. T. 2. Pp. 454–498.
 30. Mesiarkin A. The name of the Slavs: Etymology and meaning. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. No. 1 (21). Pp. 3–20.
 31. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Vol. II. Bd. I G-N. Bern; München, 1969.
 32. Pritzak O. The Slavs and the Avars. *Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo*. 1983. No. XXX. Pp. 355–435.

33. Rospond S. Patronimiczne nazwy miejscowe na Śląsku. Issue 89–94. Wrocław, 1964.
34. Saxo Grammaticus Gesta Danorum. Strassburg, 1886.
35. Schramm G. Nordpontische Ströme: Namen philologische Zugänge zur Frühzeit des europäischen Ostens. Göttingen, 1973.
36. Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. X. Warszawa, 1889.
37. Štandardizácia geografického názvoslovia. Bratislava, 2010.
38. Tacitus. C. Cornelii Taciti Germania. Ins. F.D. Gerlach. Basel, 1835.
39. Uhlár V. Toponymá utvorené etnických mien a názvy Slovanov, Slovinky a Sklabiňa. *Slovenská reč*. 1989. Roč. 54. No. 5. S. 257–266.
40. Uličný F. Latinské etnonymá Slovákov v stredoveku a novoveku: Sclavi, Pannoni, Slavi. *Historický časopis*. 2016. Vol. 6. Issue 3. S. 497–509.

Статья поступила в редакцию 19.10.2021, принята к публикации 17.11.2021
The article was received on 19.10.2021, accepted for publication 17.11.2021

Сведения об авторе / About the autor

Виноградов Алексей Евгеньевич – кандидат исторических наук; независимый исследователь, г. Москва

Aleksey E. Vinogradov – PhD in History; independent researcher, Moscow, Russian Federation

E-mail: alwynor@mail.ru

Э.Р. Полатханова

Московский педагогический государственный университет,
119435, г. Москва, Российская Федерация

Граф А.А. Аракчеев и становление системы начальных школ в военных поселениях (1815–1825 гг.)

В статье дан анализ малоизученного аспекта истории военных поселений в России 1810–1825 гг. – процесса создания и функционирования начальных учебных заведений для военных поселян. Представленный материал позволяет пересмотреть негативные оценки военных поселений, доминирующие в научной и популярной литературе. Введение военных поселений предполагало, в частности, существенное расширение системы начального обучения, ориентированной на приобретение учащимися практических навыков и учитывавшей зарубежный опыт. В случае успеха система школ в военных поселениях могла стать шагом к всеобщему начальному образованию в России. Свертывание этих планов после смерти императора Александра I и отставки гр. А.А. Аракчеева еще более дискредитировало военные поселения в глазах современников и будущих поколений.

Ключевые слова: военные поселения, всеобщее начальное образование, образовательная реформа, подготовка учительских кадров, граф А.А. Аракчеев, император Александр I, белл-ланкастерская система взаимного обучения

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Полатханова Э.Р. Граф А.А. Аракчеев и становление системы начальных школ в военных поселениях (1815–1825 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 1. С. 23–38. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-23-38

© Полатханова Э.Р., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-23-38

E.R. PolatkhanovaMoscow Pedagogical State University,
119435, Moscow, Russian Federation

Count Alexei Arakcheev and the rise of primary school system in the Russian military colonies (1815–1825)

The article examines one of the lesser-known aspects of the military colonies in Russia in 1810–1825, the emergence and functioning of primary schools for the colonists. Historical evidence presented in the article prompts one to reconsider negative assessments of the military colonies that persist in historical literature and popular works. The introduction of the military colonies meant the expansion of primary education system that took into account other countries' educational experience and aimed at teaching the colonists important practical skills. The success of the system was seen by its organizers as an initial step in the move to general primary-level education in Russia. The demise of the project after Emperor Alexander I' death and Count Arakcheev's resignation, however, further discredited the military colonies in the opinion of the contemporaries and the succeeding generations.

Key words: military colonies, general education, educational reform, teacher training, Count Alexei Arakcheev, Emperor Alexander I, Bell-Lancaster system of mutual instruction

FOR CITATION: Polatkhanova E.R. Count Alexei Arakcheev and the rise of primary school system in the Russian military colonies (1815–1825). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 1. Pp. 23–38. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-23-38

Инициативы, связанные с распространением системы всеобщего начального образования в России, редко связывают с эпохой Александра I и тем более – с деятельностью гр. А.А. Аракчеева по созданию военных поселений.

Между тем, шаги по созданию начальных школ для военных поселян могут рассматриваться в контексте перехода ко всеобщему начальному образованию и заставляют усомниться в привычной историографической схеме, согласно которой планы преобразований первых лет царствования Александра I сменились эпохой реакции второй половины царствования.

Военные поселения начали создаваться в 1810 г. и стали одним из важных начинаний той эпохи [23, с. 41]. Известно, что на протяжении двух последних столетий деятельность Аракчеева и военные поселения ассоциируются в общественном сознании с деспотизмом, солдафонством и муштрой. Именно так оценивали их и многие современники [1].

У исследователей имеются основания с осторожностью отнестись к крайним оценкам феномена военных поселений. Ведь военные поселения ставили в повестку дня необходимость решения проблемы крепостного права, побуждали правительство заняться насущными проблемами здравоохранения и озаботиться переходом к всеобщему начальному образованию. Например, сторонниками развития ланкастерской системы в России были как Александр I и ряд высокопоставленных сановников, так и многие декабристы. Поэтому необходимо тщательно исследовать каждый конкретный аспект устройства и функционирования военных поселений.

Целью настоящей статьи является анализ становления системы начальных школ в военных поселениях в 1815–1825 гг. и роль Аракчеева в этом процессе.

Дореволюционная историография в целом критически оценивала практику устройства военных поселений, но при этом не содержала отдельных исследований по проблематике начального образования в военных поселениях [3; 19; 20].

Изучение «аракчеевщины» в советский период было возобновлено в первой половине 1930-х гг. Н.А. Константинов впервые пытался осмыслить сущность, формы и эффективность системы обучения в военных поселениях. Правда, политические события в Европе того времени, особенно приход к власти в Германии нацистов в 1933 г., наложили отпечаток на авторские суждения и оценки. Советский педагог сравнивал «пруссские» порядки, царившие в военных поселениях, с общественным устройством нацистской Германии, а самого Аракчеева – с Гитлером, полагая, что оба видели образ идеального учителя в лице тупого и жестокого солдафона-офицера [11, с. 12]. Смысл обучения кантонистов, по мнению Константинова, заключался в воспроизводстве «бессловесной серой скотинки» [Там же, с. 13].

Однако факты и статистические сведения, на которые ссылается Константинов, говорят о противоположном. Опираясь на архивные данные, автор сообщал, что в военных школах обучалось в общей сложности 30 002 человек в возрасте от 10 до 18 лет. Иными словами, в «аракчеевские» времена бесплатное начальное образование в военных поселениях получали более 30 тыс. детей, в основном, выходцев из солдатских семей.

В 1980–1990 гг. доминирование негативных оценок деятельности Аракчеева и «аракчеевщины» сменяется более взвешенными суждениями о его важной государственной деятельности и о ценном опыте организации военных поселений. Некоторые авторы приступили к развенчанию мифов об Аракчееве. С конца 1990-х гг. по настоящее время на постсоветском пространстве вышел целый ряд специальных работ по истории военных поселений.

Б.Б. Давыдов [4; 5], Т.Н. Кандаурова [7–9], В.К. Ячменихин [21; 22], К.М. Ячменихин [23] уделяли особое внимание специфике образовательной системы военных поселений, видя в ней, с одной стороны, результат реформ военно-учебной сферы, а с другой – способ решения задач подготовки офицеров-педагогов и актуализации проблем введения всеобщего начального образования. Наибольший интерес для указанных авторов представляли военные и бытовые аспекты обучения поселян. Между тем, эскадронные и ротные школы давали реальную возможность получения начального образования детям из разных сословий – и офицерским, и крестьянским [8, с. 74].

Для изучения развития ланкастерской системы обучения в России немаловажную роль сыграли работы А.А. Орлова, в которых были вскрыты причины постепенного отказа государства от данной методики обучения [14; 15].

Особенностью зарубежной историографии по проблеме военных поселений является незначительное (по сравнению с отечественной историографией) количество специальных работ, посвященных этой теме. Однако зарубежная историография не сводится к биографиям Александра I [24; 26; 29; 30; 33] и других видных деятелей его царствования (см., например [28; 32]), в которых упоминается деятельность Аракчеева и военные поселения. Напротив, она содержит работы с новаторским подходом к изучению данной проблематики.

Научное исследование темы военных поселений в США и Великобритании становится особенно интенсивным в 1950–1960-е гг. с появлением диссертаций К.Р. Уитинга «Алексей Андреевич Аракчеев» [35] и А. Фергюсона «Военные поселения в России, 1810–1866 гг.» [25], а также статьи Р. Пайпса «Военные поселения в России, 1810–1830 гг.» [31]

и книги английского дипломата М. Дженкинса «Аракчеев: Великий визирь Российской империи» (1969 г., перев. на русский язык – 2004 г.) [27]. Особенностью этих исследований был их оригинальный характер. Работы Уиттинга и Дженкинса стали первыми крупными трудами, посвященными политической биографии Аракчеева. Подобных исследований до этого не знала ни зарубежная, ни советская историография.

В статье Пайпса и исследовании Фергюсона представлена характеристика идеологии, устройства и деятельности военных поселений. Примечательно, что и сама фигура Аракчеева оценивается в них взвешенно и объективно. Поскольку авторам были недоступны советские архивы, приходится констатировать относительную ограниченность источниковой базы. С другой стороны, они досконально изучили опубликованные источники (законодательные акты, воспоминания, переписку) и широко использовали их в своих работах.

Впрочем, и современные исследователи, имеющие неограниченный доступ к российским архивам и изучающие историю школ в военных поселениях по нормативным документам, сталкиваются с вопросом о том, в какой степени официальные предписания влияли на реальное положение дел в школах для кантонистов. Действительно, порядок и содержание обучения, воспитание и быт кантонистов основывались на соответствующих нормативных актах 1817 г.¹ Аракчеев лично руководил разработкой отдельного «Проекта положения о военных кантонистах» [21, с. 43]. Кантонистами становились сыновья военных поселян и коренных сельских жителей. Они делились на три «возраста»: «малый» (до 7 лет), «средний» (с 7 до 12 лет) и «большой» (с 12 до 18 лет). Кантонисты, достигшие семилетнего возраста, должны были посещать школу. Своя школа, как правило, имелась при каждой поселенной роте или эскадроне.

Те кантонисты, которые достигли «большого возраста», предназначались в дальнейшем для несения строевой службы или признавались негодными к ней по состоянию здоровья. Последних надлежало обучать различным ремеслам в своих полках и у мастеров в Москве. При этом выпускникам кантонистских школ предстояло, так или иначе, передавать знания и навыки своим младшим товарищам [8, с. 74].

Основными предметами являлись: закон Божий, русский язык, арифметика, первоначальные понятия геометрии, рисование и пение [21, с. 72]. На военные и строевые занятия допускались только кантонисты «старшего возраста», годные к строевой службе.

¹ Учреждение о военном поселении регулярной кавалерии. СПб., 1817. Т. 1–3.

Особое внимание уделялось воспитанию. Главным принципом, лежавшим в основе воспитания, считался «добрый пример» [22, с. 153].

Детей в военных поселениях приучали к дисциплине, которую называли «душой всякой службы»². Аракчеев заботился о том, чтобы ни в коем случае не держать постоянно на казарменном положении кантонистов «большого возраста» (подробнее см. [Там же]). В одном из писем к командиру поселенных батальонов 2-й и 3-й гренадерских дивизий генералу С.И. Маевскому он замечал: «Вы, отобрав от родителей детей кантонистов большого возраста, собрали оных в учебный батальон, что совершенно противно коренным правилам военного поселения, ибо главное правило – соединять семейства, а не отделять их от родителей» [3, с. 27]. Иными словами, разлучение детей с родителями он, как начальник военных поселений, считал грубым нарушением им самим заведенного распорядка [Там же, с. 232].

Выпускник Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса П.П. Карцов в своих мемуарах выражал убежденность в том, что «кантонистские школы военных поселений приносили несомненную пользу народному образованию вообще и военному ведомству в особенности» [10, с. 100]. Эта польза заключалась, прежде всего, в распространении образования среди сельского населения. Кроме того, девочки также получали возможность учиться [Там же]. Британский врач, путешественник, ученый Роберт Лайелл (1789–1831), отмечал роль школ, существовавших в военных поселениях, в развитии женского образования, которое ранее «находилось в пренебрежении»³.

Правда, поначалу не везде удавалось устроить помещения для обучения и открыть школы. И, конечно, не всегда школьное обучение кантонистов находилось на требуемом уровне [22, с. 157–158]. Но, несмотря на нехватку учителей, в военных поселениях строились и открывались новые школы: так, только с 1822 по 1824 гг. в кавалерийских полковых округах было построено и открыто 65 школ [Там же, с. 158].

Заведуя всеми военно-сиротскими отделениями, Аракчеев ввел там другое деление на возрастные категории. «Младший возраст» в военно-сиротском отделении заканчивался в 9 лет, «средний возраст» теперь включал в себя детей от 10 до 15 лет, а «старший возраст» – воспитанников от 15 до 18 лет [3, с. 230–232]. Чтобы улучшить общее состояние военно-сиротских отделений, переполненных детьми, было предписано отправлять детей потомственных дворян и офицеров не в эти отделения, а непосредственно в кадетские корпуса и Дворянский полк. Благодаря

² Учреждение о военном поселении регулярной кавалерии. СПб., 1817. Т. 2. С. 27.

³ Lyall R. An account of the organization, administration, and present state of the military colonies in Russia, with an appendix, containing statistical tables. L., 1824. Pp. 27–29.

этому, в военно-сиротских отделениях удалось сократить количество больных детей.

Аракчеев отводил огромную роль наставнической работе. Его письма к генералу Маевскому чаще всего носили неформальный характер. Аракчеев указывал оптимальные пути решения проблем, хвалил за достигнутые успехи и критически оценивал допущенные ошибки [3, с. 252–308]. С одним из писем граф возвратил Маевскому его небрежно составленный рапорт с прилагаемым «списком» и добавил: «Я рассмотрением вашим по сему списку недоволен; видно вы очень легко оный рассматривали, а где касается до людей, то оные делать нужно гораздо обстоятельнее, рассуждать» [Там же, с. 273]. В конце письма Аракчеев напоминал, что офицер имеет дело с живыми людьми. Это, по его словам, «гораздо труднее учебного шага и всего фронта» [Там же, с. 274].

Аракчеев сам составлял правила и приказы, содержащие служебные наставления и инструкции. Офицер как наставник должен был не только заниматься обучением, но и «наблюдать за нравственным и учебным образованием военных кантонистов и детей женского пола» [Там же, с. 225]. Аракчеев строго очерчивал круг служебных обязанностей офицера – желал видеть его кротким, терпеливым, справедливым и человеколюбивым; офицеру важно «быть деятельным» во всем и старательно заниматься обучением нижних чинов [Там же, с. 226]. Надлежащими правилами и обязанностями граф снабдил и нижних чинов. Тесно взаимодействуя, офицеры и солдаты, как он полагал, призваны служить примером для военных поселян и прочего местного населения. Тем самым приобретался опыт совместной деятельности военных и гражданских лиц, нацеленной на решение военных, хозяйственных и образовательных задач.

Вопрос о масштабах применения метода взаимного обучения Э. Белла и Дж. Ланкастера (белл-ланкастерской системы) в военных поселениях, неоднократно затрагивавшийся в исторической литературе [8; 9; 14; 21; 22], по-прежнему остается открытым. Введение ланкастерских школ, вероятнее всего, происходило, главным образом, по инициативе императора, который, как отмечает А.А. Орлов, руководствовался «идеей реформирования своего государства с учетом британского опыта» [15, с. 22]. Энергичным пропагандистом этой системы являлся в тот период публицист и издатель Н.И. Греч, что нашло отражение и в написанном им «Руководстве к учреждению школ для кантонистов среднего возраста по методу взаимного обучения и к управлению оными»⁴.

⁴ Руководство к учреждению школ для кантонистов среднего возраста по методу взаимного обучения и к управлению оными. СПб., 1819.

Гораздо труднее проследить отношение Аракчеева к белл-ланкастерской системе. Известно, что гр. Ф.П. Толстой пытался заручиться поддержкой Аракчеева в деле организации школ взаимного обучения и пригласил его лично осмотреть школы, обучение в которых велось по ланкастерской системе. Когда Аракчеев одобрительно отозвался об этой системе [14, с. 26], Толстой предложил ему стать почетным членом Общества учреждения училищ по методу взаимного обучения [6, с. 232, № 220]. Вскоре Аракчееву были присланы книги, посвященные методу взаимного обучения.

В самом деле, в каталоге библиотеки Аракчеева (в разделе о нравственности и воспитании) упоминаются книги о белл-ланкастерской системе: «Взаимное обучение Истории, введенное в употребление и распространенное Г. Доктором А. Беллем, И. Ланкастером и другими в Английских и Французских училищах», «Руководство ко взаимному обучению, изданное Николаем Гречем», «Таблица для взаимного обучения: одна для училищ военного поселения»⁵. Метод взаимного обучения мог выглядеть привлекательным в силу видимого родства с правилами, распространенными в тогдашних учебных заведениях и усвоенными графом еще в бытность кадетом. Эти правила предусматривали шефство старших над младшими, большую роль лучших учеников в учебном процессе и их высокую степень ответственности.

Но в письмах Аракчеева, в составленных им правилах и инструкциях метод взаимного обучения практически не упоминается. Это могло быть вызвано резким охлаждением самого государя к ланкастерской системе после восстания в Семеновском полку в октябре 1820 г. Александр I напрямую связывал солдатский бунт не со злоупотреблениями полкового командира, а с антиправительственной пропагандой, ведению которой могла способствовать система взаимного обучения [13, с. 42]. Греч подвергся опале и был отстранен от дел народного просвещения. В секретной записке, касающейся событий восстания, командир Отдельного гвардейского корпуса генерал-адъютант И.В. Васильчиков писал: «Удаление г. Греча нахожу нужным и представлю к приезду Государя новое образование сим школам» [Там же, т. 2, с. 542]. Греча также изгнали из комиссии «для составления учебных пособий» [21, с. 83], которую возглавлял инженер-генерал-майор гр. Е.К. Сиверс. Состав комиссии был существенно обновлен. После этого комиссия проделала большую работу по подготовке новых учебников,

⁵ Каталог книг Грузинской библиотеки графа Алексея Андреевича Аракчеева, составленный флигель-адъютантом его императорского величества подпоручиком Шумским. СПб., 1824. С. 51–52.

по переводу иностранных книг и уставов, по отработке новой методики обучения [21, с. 83].

Для подготовки учителей школ, открытых в военных поселениях, было решено создать Военно-учительский институт, который должен был способствовать распространению и развитию всей системы начального образования. На одном из первых заседаний комиссия пришла к заключению, что «для воспитания и учения солдатских детей не довольно составить одни учебники, но еще и необходимо приготовить способных учителей» [цит. по: 21, с. 78]. Военно-учительский институт был основан еще в 1818 г. при военно-сиротском отделении в Петербурге, он становился площадкой для усвоения и внедрения передового опыта обучения солдатских детей.

Идея создания такого учебного заведения принадлежала Сиверсу. Аракчеев, являясь куратором комиссии, полностью одобрил это начинание и воплотил его в конкретных положениях, штатах учебного заведения. Наконец, он заручился поддержкой Александра I. В августе 1821 г. Сиверс предложил начальнику военных поселений перенести Военно-учительский институт в округ поселения Гренадерского графа Аракчеева полка. Он так объяснял пользу своего замысла: «Кантонисты, при образовании их в учителя, имели бы непрерывно перед глазами образцовые школы, точно такие, каковые впоследствии устраивать надлежит. При сем они заблаговременно знакомились бы со своими будущими обязанностями» [цит. по: 21, с. 84]. Аракчеев взял на вооружение идею Сиверса. 29 сентября 1821 г. последовал высочайший указ. Вслед за тем были утверждены штаты института и положение о нем⁶; на их основании строился дальнейший образовательный процесс.

В положении, которое было разработано Е.К. Сиверсом и П.А. Клейнмихелем, целью создания Военно-учительского института было названо образование для школ поселенных войск «добронравных, сведущих и опытных учителей»⁷. Поначалу в штат института входили 2 обер-офицера, фельдфебель, каптенармус, 70 кантонистов, 6 учителей, унтер-офицер и 10 рядовых из «инвалидов» (т.е. отслуживших солдат) поселенных войск в качестве прислуги. При этом 10 лучших кантонистов (из 70), становились исправляющими унтер-офицерскую должность. Институт делился на два отделения. Нижнее отделение, в свою очередь, состояло из двух *кланов*, в нем числилось 40 кантонистов 14–16-летнего

⁶ Положение о Военно-учительском Институте, при Отдельном корпусе военных поселений // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 1. Д. 99. Л. 676–689.

⁷ Там же. Л. 676.

возраста; а высшее отделение представляло собой один клан, в нем состояло 20 кантонистов 16–18 лет⁸.

Учебная программа института предполагала изучение в нижнем отделении тех же самых дисциплин, которые изучали кантонисты «большого возраста» в своих школах в военных поселениях. Это закон Божий, чистописание, правила грамматики, арифметика, начала геометрии, упражнение глазомера, черчение и рисование, церковное пение по нотам и военная экзерциция. В верхнем отделении программа включала в себе те же предметы, что и в нижнем, но была расширена за счет более глубокого изучения арифметики и геометрии, а также предполагала появление новых дисциплин – стереометрии и фехтования. Комиссия Сиверса ведала составлением программы, снабжала учителя по каждому предмету «особыми руководствами» и обеспечивала институт учебными пособиями⁹.

В институте, равно как и в других заведениях, которые находились под патронажем Аракчеева, была открыта библиотека¹⁰, где кантонисты могли самостоятельно брать книги по русской и всемирной истории, артиллерии, фортификации и другим дисциплинам.

На первый взгляд, справедливым является замечание Константинова о том, что в институте не преподавались педагогические дисциплины [12, с. 118]. Однако в то время педагогическая литература не была широко распространена. Комиссия сама разрабатывала и издавала учебные пособия, в т.ч. относящиеся к процессу обучения и воспитания. Например, член комиссии по учебным пособиям капитан Н.И. Глинка выпустил труд «О долге воина». Делались переводы иностранных книг по дидактическим вопросам – «Руководства к упражнению детей в непосредственном размышлении, следуя естественному порядку и постепенности», «Материал для упражнения детей в непосредственных размышлениях» [21, с. 83] и др.

Воспитанник Военно-учительского института Ф.А. Пенкин подчеркивал в своих воспоминаниях, что «имея в виду педагогическое направление института, а равно и то, что воспитанники были уже близки к возмужалости, граф Сиверс принял за основные начала – кротость и убеждение, поставив неперменным правилом» [18, с. 391]. Таким образом, обучение и воспитание в институте носили, прежде всего, сугубо практический характер и не предусматривали слишком

⁸ Положение о Военно-учительском Институте, при Отдельном корпусе военных поселений // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 1. Д. 99. Л. 676 об. – 677.

⁹ Там же. Л. 677 об.

¹⁰ Там же. Л. 677 об. – 688.

детального знакомства с разными педагогическими теориями. Наряду с учебной работой, учителя института должны были уделять большое внимание физическому и нравственному воспитанию¹¹.

Военно-учительский институт, тесно связанный с работой комиссии по учебным пособиям, стал местом апробации методов обучения кантонистов. В ту эпоху он оказался по-своему уникальным учебным заведением. Пенкин отмечал, что «институт в смысле заведения учебно-рабочего характера был поставлен графом Аракчеевым на такую степень, что впоследствии служил образцом для всех военно-сиротских отделений» [18, с. 401].

После экзамена, на котором присутствовали начальник военных поселений и члены комиссии по учебным пособиям, «смотря по успеху каждого ученика»¹², производился перевод из нижнего отделения в высшее. По окончании курса в высшем отделении выпускники оставались в институте еще на два года – для практических занятий. Затем лучшие из них назначались учителями и их помощниками для обучения кантонистов старшего возраста, остальные же предназначались для среднего возраста. Учебная программа обеспечивала подготовку учителей по всем предметам – арифметике, геометрии, русской словесности, черчению, военно-уголовному делу и др. [8, с. 75].

Поощряя инициативы своих подчиненных, Аракчеев энергично воплощал их в жизнь. Военно-учительский институт стал его любимым детищем.

К делу создания Военно-учительского института не остался равнодушным и сам Александр I. Так, сохранилась его короткая записка, адресованная Аракчееву. Царь пожелал, чтобы тот не отправлял в печать положение об институте «до личного нашего свидания, ибо нужно будет самую малую поправку сделать»¹³. Таким образом, монарх не только одобрил проект, но и лично участвовал в его итоговой корректировке.

Еще одним важным начинанием Аракчеева в сфере военного образования стало устройство полковых библиотек в военных поселениях. Имея пристрастие к собиранию библиотек в различных военных учреждениях, включая кадетские корпуса, граф в 1817 г. занялся созданием библиотек в поселенных полках 1-й гренадерской дивизии Отдельного корпуса военных поселений [15, с. 69]. Поставив дело на широкую ногу,

¹¹ Положение о Военно-учительском Институте, при Отдельном корпусе военных поселений // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 1. Д. 99. Л. 678 об.

¹² Там же. Л. 684.

¹³ Там же. Л. 681.

он подготовил проекты правил и положений о библиотеках, а затем внес их на высочайшее утверждение. Эти нормативные акты подробно регламентировали всю библиотечную работу.

Горячий сторонник развития самообразования в офицерской среде, Аракчеев в написанном им «Положении о полковой библиотеке в поселениях 1-й гренадерской дивизии» так сформулировал смысл библиотечного дела для военных: «Чтение полезных книг в свободное от службы время есть, без сомнения, одно из благороднейших и приятнейших упражнений каждого офицера. Оно заменяет общество, образует ум и сердце и способствует офицеру приуготовлять себя наилучшим образом на пользу службы Монарху и Отечеству» [2, т. 2, с. 630].

Все состоящие на службе в полку офицеры были записаны в библиотеку. Посещение «сего полезного заведения» дозволялось также полковым священникам, лекарям и другим служащим. Библиотекарем, по выбору командира полка, становился один из ротных командиров учебного батальона. В помощь ему направляли четырех кантонистов, один из которых ведал делопроизводством библиотеки. Аракчеев также составил правила пользования книгами. Так, читателям разрешалось держать у себя книгу сроком не более месяца и получать на руки не более трех книг. За утрату книги полковой командир, по докладу библиотекаря, должен был «иметь у себя на особом замечании» провинившегося офицера и штрафовать его путем вычета из жалования [16, с. 70]. Вскоре библиотеки приобрели большую популярность среди офицеров, их радовало обилие самых разных книг и периодических изданий.

В библиотеку Гренадерского графа Аракчеева (после его смерти – Ростовского) полка от книгопродавца И.И. Глазунова по подписке поступали журналы «Вестник Европы», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Отечественные записки», а также газеты «Санкт-Петербургские ведомости» и «Русский инвалид» [17, с. 153]. Журнал «Сын Отечества» и газету «Северная пчела» библиотека получала от управляющего делами Комитета министров действительного статского советника Ф.Ф. Гежелинского. Сам Аракчеев за свой счет присылал для чтения «Исторический и политический журнал», журналы «Благонамеренный» и «Московский телеграф» [16, с. 71]. В военных поселениях выпускали периодический «Семидневный листок», также становящийся собственностью полковых библиотек. Пенкин вспоминал, что в этом журнале помещались заметки о быте офицеров поселенных войск и учеников института, но журнал просуществовал недолго [18, с. 411].

Таким образом, не ставя под сомнение критические оценки, которые даны военным поселениям в исторической литературе и обусловлены

царившими в них муштрой и произволом начальства, тем не менее, необходимо отметить, что они внесли свою лепту в процесс становления в России системы начального образования. Школы, созданные в военных поселениях, выходили далеко за узкоспециальные рамки, становясь, по сути, общеобразовательными заведениями. Большое внимание уделялось воспитательной работе, успехи которой всегда были необходимым условием роста успеваемости. Аракчеев лично проявлял заботу об офицерах-наставниках, стремясь всячески повышать их авторитет и престиж. Венцом его деятельности на ниве просвещения стали создание Военно-учительского института, призванного обеспечить школы в военных поселениях необходимым количеством учителей, и открытие полковых библиотек, стимулировавших развитие самообразования в офицерской среде. При этом положение дел в образовательной системе военных поселений находилось под постоянным наблюдением Александра I, лично вникавшего во многие подробности устройства учебных заведений и учебного процесса. Аракчеев и в этом случае выступал в роли энергичного и последовательного исполнителя монаршей воли.

Библиографический список / References

1. Аракчеев: свидетельства современников / Вступ. ст. Е.А. Ляминой; сост. Е.Е. Давыдова, Е.Э. Лямина, А.М. Песков; Подгот. текста и коммент. Е.Е. Давыдовой и Е.Э. Ляминой. М., 2000. [Arakcheev: svidetelstva sovremennikov [Arakcheev as seen by his contemporaries]. E.A. Lyamina, E.E. Davydova, A.M. Peskov (eds.). Moscow, 2000.]
2. Борисевич А.Б. Аракчеев, граф, Алексей Андреевич // Военная энциклопедия / Под ред. В.Ф. Новицкого, А.В. фон Шварца, В.А. Апушкина, Г.К. фон Шульца. СПб., 1911. С. 628–644. [Borisevich A.B. Arakcheev, Count, Alexei Andreevich. *Voennaya entsiklopediya*. V.F. Novitsky, A.V. von Schwartz, V.A. Apushkin, K.G. von Schulz (eds.). St. Petersburg, 1912. Vol. 2. Pp. 628–644. (In Rus.)]
3. Граф Аракчеев и военные поселения. 1809–1831. СПб., 1871. [Graf Arakcheyev i voennye poseleniya. 1809–1831 [Count Arakcheev and the military colonies, 1809–1831]. St. Petersburg, 1871.]
4. Давыдов Б.Б. Военные поселения в России первой половины XIX века в оценках современников: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. [Davydov B.B. *Voennye poseleniya v Rossii pervoj poloviny XIX veka v ocenках sovremennikov* [Military colonies in Russia in the first half of the 19th century as seen by contemporaries]. PhD dis. Moscow, 1993.]
5. Давыдов Б.Б. Военные поселения в России XIX века. Очерки истории. М., 2015. [Davydov B.B. *Voennye poseleniya v Rossii XIX veka. Oчерки istorii* [Russia's 19th century military colonies. Historical outlines]. Moscow, 2015.]
6. Дубровин Н.Ф. Письма главнейших деятелей в царствование Императора Александра I (1807–1829 год). М., 2006. [Dubrovin N.F.

- Pisma glavneyshih deyatelei v carstvovaniye Imperatora Aleksandra I (1807–1829 god) [Correspondence of first-rank statesmen under Emperor Alexander I, 1807–1829]. Moscow, 2006.]
7. Кандаурова Т.Н. Давыдов Б.Б. Военные поселения в оценке современников // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1992. № 2. С. 44–55. [Kandaurova T.N., Davydov B.B. Military settlements as seen by contemporaries. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8: History. 1992. No. 2. Pp. 44–55. (In Rus.)]
 8. Кандаурова Т.Н. Система образования в военных поселениях России в XIX в. // Педагогика. 2000. № 7. С. 73–78. [Kandaurova T.N. Education system in 19th century Russia Military Colonies. *Pedagogika*. 2000. No. 7. Pp. 73–78. (In Rus.)]
 9. Кандаурова Т.Н. Образование и повседневная жизнь военных кантонистов и учащихся: учебные заведения полковых поселенных округов // XVI Петербургские военно-исторические чтения: Всероссийская научная конференция. СПб., 2021. С. 19–34. [Kandaurova T.N. Education and everyday life of military cantonists and learners studying at schools in the military settlements. *XVI Peterburgskie voenno-istoricheskie chteniya*. St. Petersburg, 2021. Pp. 19–34. (In Rus.)]
 10. Карцов П.П. О военных поселениях при графе Аракчееве // Русский вестник. 1890. № 2. С. 139–172; № 3. С. 82–115; № 4. С. 75–121. [Kartsov N.P. On the military colonies under Count Arakcheev. *Russkiy vestnik*. 1890. No. 2. Pp. 139–172; No. 3. Pp. 75–121; No. 4. Pp. 75–121. (In Rus.)]
 11. Константинов Н.А. Аракчеевщина // История в средней школе. 1934. № 3. С. 12–25. [Konstantinov N.A. Arakcheev's Regime. *Istoriya v sredney shkole*. 1934. No. 3. Pp. 12–25. (In Rus.)]
 12. Константинов Н.А. Школьная система военных поселений // Советская педагогика. 1938. № 6. С. 34–42. [Konstantinov N.A. School system in the military colonies. *Sovetskaya pedagogika*. 1938. No. 6. Pp. 34–42. (In Rus.)]
 13. Николай Михайлович, великий князь. Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. 1–2. [Romanov N.M., Grand Duke. *Imperator Aleksandr I. Opyt istoricheskogo issledovaniya* [Emperor Alexander I. A historical essay]. St. Petersburg, 1912. Vol. 1–2.]
 14. Орлов А.А. «Школы для всех». Ланкастерская система обучения в России в первой четверти XIX века (1814–1826 гг.). М., 2014. [Orlov A.A. «Shkoly dlya vseh». *Lankasterskaya sistema obucheniya v Rossii v pervoi chetverti XIX veka (1814–1826 gg.)* [“Schools for all”. The Lancaster system of instruction in Russia in the first quarter of the XIX century (1814–1826). Moscow, 2014.]
 15. Орлов А.А. Ланкастерские школы в России в начале XIX в. // Педагогика и психология образования. 2013. № 1. С. 11–20; № 2. С. 9–23. [Orlov A.A. Lancaster schools in Russia at the beginning of XIX century. *Pedagogy and Psychology of Education*. 2013. No. 1. Pp. 11–20; No. 2. Pp. 9–23. (In Rus.)]
 16. Панченко А.М. Граф А.А. Аракчеев и его деятельность по устройению полковых библиотек // Библиотековедение. 2008. № 1. С. 66–73. [Panchenko A. M. Count Arakcheev's activities concerning the creation of libraries in the regiments. *Bibliotekovedenie*. 2008. No. 1. Pp. 66–73. (In Rus.)]
 17. Папешин В.Н. Библиотека графа А.А. Аракчеева // Сквозь века и судьбы. Библиотеки Новгородского края XI–XX вв. Великий Новгород,

2002. С. 144–166. [Papeshin V.N. Count Arakcheev's library. *Skvoz veka i sudby. Biblioteki Novgorodskogo kraja XI–XX vv.* Velikiy Novgorod, 2002. Pp. 144–166. (In Rus.)]
18. Пенкин Ф.А. Воспоминания о Военно-учительском институте (1818–1832) // Военный сборник. 1864. Т. 40. № 12. С. 389–414. [Penkin F.A. Memoirs on the Military Teachers Training Institute. *Voyenny sbornik.* 1864. Vol. 40. No. 12. Pp. 389–414. (In Rus.)]
 19. Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1897–1898. Т. 1–4. [Schilder N.K. Emperor Aleksandr Pervyi, ego zhizn i tsarstvovanie [Emperor Alexander the First, his life and reign]. St. Petersburg, 1897–1898. Vol. 1–4.]
 20. Щебальский П.К. Военные поселения и граф Аракчеев // Русский вестник. 1871. № 10. С. 495–496. [Shchebalskiy P.K. Military colonies and Count Arakcheev. *Russkiy vestnik.* 1871. No. 10. Pp. 495–496. (In Rus.)]
 21. Ячменихин В.К. Военные кантонисты русской армии (1797–1836): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. [Yachmenihin V.K. Voennye kantonisty russkoj armii (1797–1836) [Military cantonists of the Russian army, 1797–1836]. PhD dis. Moscow, 2000.]
 22. Ячменихин В.К. Подготовка армейского резерва в военных поселениях // Украина і Росія в панорами: збірник наукових прац на пошану проф. К.М. Ячменихіна. Чернігов, 1998. С. 151–163. [Yachmenihin V.K. Army reserve training in the military colonies. *Ukraina i Rosiya v panorami: zbirnik naukovix prac na poshanu prof. K.M. Yachmenihina.* Chernigov, 1998. Pp. 151–163. (In Rus.)]
 23. Ячменихин К.М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006. [Yachmenihin K.M. Armiya i reformy: voennye poseleniya v politike rossijskogo samodержaviya [The army and the reform: Military colonies in the policies of the Russian autocracy]. Chernigov, 2006.]
 24. Almedingen E.M. The Emperor Alexander I. N.-Y., 1964.
 25. Ferguson A. D. The Russian military settlements, 1810–1866. PhD. dis. New Heaven, Conn., 1953.
 26. Hartley J.M. Tsar Alexander I. L., 1994.
 27. Jenkins M. Arakcheev: Grand vizier of the Russian Empire: A biography. N.-Y., 1969.
 28. Martin A.M. Romantics, reformers, reactionaries: Russian conservative thought and politics in the reign of Alexander I. Dekalb, Ill., 1997.
 29. McConnell A. Tsar Alexander I: Paternalistic reformer. N.-Y., 1970.
 30. Palmer A. Alexander I: Tsar of war and peace. N.-Y., 1974.
 31. Pipes R.E. The Russian military colonies, 1810–1831. *The Journal of Modern History.* 1950. Vol. 22. No. 3 (September). Pp. 205–219.
 32. Raeff M. Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia: 1772–1839. The Hague, 1957.
 33. Rain P. Un tsar idéologue : Alexandre Ier : (1777–1825) : ouvrage orné de 8 gravures. Paris, 1913.
 34. Rey M.-P. Alexander I: The tsar who defeated Napoleon. S. Emanuel (transl.). Dekalb, Ill., 2012.
 35. Whiting K.R. Aleksei Andreevich Arakcheev. PhD. dis. Harvard; Cambridge, Mass, 1951.

Статья поступила в редакцию 09.08.2021, принята к публикации 10.09.2021
The article was received on 09.08.2021, accepted for publication 10.09.2021

Сведения об авторе / About the author

Полатханова Эльмира Руфатовна – аспирант кафедры истории России Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Elmira R. Polatkhanova – postgraduate student at the Department of History of Russia of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: polathanchik@gmail.com

И.Е. КозноваИнститут философии Российской академии наук,
109240 г. Москва, Российская Федерация

Культурные аспекты сельско-городского взаимодействия (на материалах крестьянского отходничества начала XX века)

На основе различных документов коллективного и личного происхождения начала XX в., исходящих из деревенской среды Европейского Центра России, рассматриваются представления крестьян о собственной неземледельческой деятельности, главным образом в связи с отходничеством в города. Выявляются социальные, культурные, поколенческие, психологические проявления последствий урбанизации и миграции крестьян. Они свидетельствовали о начавшемся цивилизационном сдвиге, связанном с универсализацией и усложнением общественных связей, их индивидуализацией. Обращается внимание на антропологические аспекты культурно-исторических изменений. Отходничество делало актуальной проблему личного выбора крестьянина в отношении его хозяйства, семьи, традиции, культурных ориентиров. Основное внимание уделяется восприятию крестьянами новаций, явившихся следствием сельско-городского взаимодействия в изменившихся исторических условиях. Показывается, как это взаимодействие влияло на деревенскую среду, закладывая предпосылки для постепенного формирования в стране массового общества потребления.

Ключевые слова: Россия начала XX века, Европейская часть России, русское крестьянство, крестьянское хозяйство, патриархальный уклад, земледельческая культура, неземледельческая деятельность, промыслы, отходничество, Московская губерния, крестьянское сознание, российский цивилизационный процесс, городская культура

© Кознова И.Е., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кознова И.Е. Культурные аспекты сельско-городского взаимодействия (на материалах крестьянского отходничества начала XX века) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 1. С. 39–55. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-39-55

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-39-55

I.E. Koznova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 109240, Russian Federation

Cultural aspects of rural-urban interaction (based on the materials of the peasants' seasonal work at the beginning of the XX century)

The article deals with the peasants' ideas about non-agricultural activities in the early XX century in the European Center of Russia. The main attention is paid to migrants to the cities. Various peasant documents of collective and personal origin are used. Social, cultural, generational, and psychological manifestations of the consequences of urbanization and peasant migration are revealed. They are evidence of civilizational shifts. Attention is paid to the anthropological aspects of cultural and historical changes. Work in the city made the problem of the peasants' personal choice in relation to his economy, family, tradition, and cultural landmarks urgent. The article considers the peasants' perception of innovations in rural-urban interaction. This interaction laid the prerequisites for the gradual formation of a mass consumer society in Russia.

Key words: Russia at the beginning of the 20th century, the European part of Russia, Russian peasantry, peasant economy, patriarchal way of life, agricultural culture, non-agricultural activities, crafts, seasonal work, Moscow province, peasant consciousness, Russian civilizational process, urban culture

FOR CITATION: Koznova I.E. Cultural aspects of rural-urban interaction (based on the materials of the peasants' seasonal work at the beginning of the XX century). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 1. Pp. 39–55. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-39-55

Промыслово-отходническая деятельность русских крестьян была важной составляющей частью экономики их хозяйств в дореволюционной России. Самые разнообразные формы неземледельческой занятости формировали различные поведенческие стратегии, способствовали взаимному культурному обмену между городом и деревней, регионами страны.

В современной историографии продолжается обсуждение вопроса о содержании понятия «неземледельческая деятельность» крестьян в конце XIX – начале XX вв., места и роли подобной деятельности в хозяйственной организации крестьянского двора, соотношении его производственной и потребительской структуры; на общероссийском и региональном материале изучаются формы крестьянской неземледельческой занятости, их локальное разнообразие; анализируется влияние промыслов и отходничества на социально-экономическую эволюцию деревни; рассматривается связь отходничества с процессом формирования промышленного пролетариата в стране [1; 6; 10; 16; 17; 26]. Неземледельческая деятельность исследуется в контексте складывания кластерно-промысловой социокультурной среды с ее типичными чертами и особенностями [3]. Что касается культурных факторов, то внимание исследователей привлекают вопросы влияния неземледельческого отхода на трансформацию культурной традиции города и деревни в пореформенный и предреволюционный периоды, механизмы адаптации крестьян в новой культурной, преимущественно столичной, среде; на примере изменения предметного мира, семейных отношений, образа жизни исследуются социально-культурные последствия отходничества для российской деревни [14, с. 327–359; 23; 24; 27; 28].

Вместе с тем, вопрос о поведении крестьянства в контексте его промыслово-отходнических занятий нуждается в развитии и дополнении с точки зрения восприятия крестьянами взаимодействия, новаций, вызванных цивилизационными сдвигами в стране. В настоящей статье ставится задача проследить антропологические аспекты подобного взаимодействия.

Если судить по воспоминаниям сельских жителей второй половины XX в., неземледельческая деятельность – при определенных различиях в промышленном и земледельческом регионах – представляла собой

в начале XX в. густую сеть, охватывающую значительное пространство Европейской России. Привнося новые моменты в деревенскую и городскую повседневность, способствуя формированию разнообразных навыков населения, она постепенно меняла хозяйственный строй страны [2; 20].

Проблема неземледельческой деятельности крестьян обсуждалась местными комитетами о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Как правило, своды постановлений губернских и уездных комитетов содержали конкретные предложения, направленные на поддержание кустарных и отхожих промыслов крестьян, отмечалась и их непосредственная связь с земледелием (пункты Щ и Ю). Не останавливаясь на них специально, коснемся антропологических аспектов проблемы, которые выражены в адресованных в комитеты записках крестьян. Представляют интерес записки, поступившие в Московский губернский комитет, при этом они содержали целый спектр мнений. Так, в записках крестьян Звенигородского уезда содержались критические оценки сложившейся системы кустарного производства. Как отмечал неграмотный крестьянин И.Г. Крюков, соображения которого были изложены по его просьбе другим лицом, главная причина подобного положения состояла в «круглом невежестве и темноте нашего брата»¹. И в земледелии, и в кустарных занятиях крестьянин привержен традиции: «Отец мой так делал, и я так делаю, это у нас исстари ведется»². Его записка содержала конкретные предложения, направленные на развертывание крестьянской промыслово-кустарной и земледельческой деятельности в их тесной взаимосвязи, включая развитие специального образования³. Нелишне отметить, что подобная мысль содержалась и в материалах комитетов других регионов.

Высказывалась и охранительная позиция в отношении неземледельческой деятельности, в том смысле, что поддержание кустарных промыслов рассматривалось в качестве возможности удержания крестьян в деревне. В Московской губернии она была достаточно развернуто представлена соображениями уездного исправника Н.А. Зверева (Верейский уезд)⁴. Он с убежденностью писал, что «нужно не поощрять, а положительно затруднить отхожие промыслы, т.к. все, не только молодые, но и пожилые, уходя на сторону и *живя там без всякого надзора* (курсив наш. – И.К.), большей частью не только ничего не зарабатывают, но и возвращаются оттуда крайне избалованными, нравственно

¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXIII. СПб., 1903. С. 306.

² Там же. С. 307.

³ Там же. С. 306–308.

⁴ Там же. С. 170–171.

развращенными и уже к крестьянскому труду нерачительны («от дела отбился»)»⁵. Зверева возмущало и пугало отсутствие власти отца над сыном-отходником, волновало, что хозяйство ведет женщина, в этом он видел одну из причин упадка крестьянского хозяйства, он упрекал деревенское начальство в бездеятельности. Крестьянин Звенигородского уезда И.Г. Горбачёв также был склонен негативно оценивать отход: «молодое поколение “проживают деньги”»⁶.

Записки других крестьян Звенигородского уезда оценивали положение иначе. П.Т. Медведев тоже сформулировал возникающие в связи с урбанизацией и миграцией крестьян в города проблемы социокультурного свойства, однако акценты расставлял по-другому. Главную проблему отхода он видел в тех требованиях, которые город, «современные усложнения экономической и общественной жизни»⁷ предъявляли индивиду-отходнику. Его не просто волновало положение, что новоявленный горожанин «становится предоставлен сам себе»⁸, а отсутствие образования, знаний и опыта у крестьян в ситуации разрыва патриархальных связей, когда человек сам отвечает за себя. Крестьянин П.С. Разорёнов видел выход в просвещении крестьян, позволяющем понять невозможность «жить во всем только по старине»⁹. Увеличение крестьянского землепользования и развертывание агротехнического образования способны поднять доходность земледелия и избавить от поиска сторонних заработков¹⁰.

Проблема неземледельческой деятельности затрагивалась в наказах и приговорах сельских сходов периода Первой русской революции. При анализе содержащихся в них крестьянских требований следует иметь в виду «закон жанра» – риторику обращенных к верховной власти документов. Стержневой в крестьянских требованиях была тема «земли и воли»; тема неземледельческих занятий крестьян и отходничества шла вторым планом. Тем не менее, из 300 опубликованных в сборнике документов десятая часть приговоров обращалась именно к ней. В научной литературе отмечается, что в условиях аграрного перенаселения (особенно в черноземных губерниях) и высоких земельных платежей (особенно в нечерноземных губерниях) «посторонние» заработки оставались не только самыми доступными, но и наиболее прибыльными

⁵ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXIII. СПб., 1903. С. 170.

⁶ Там же. С. 310.

⁷ Там же. С. 309–310.

⁸ Там же.

⁹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXIII. СПб., 1903. С. 311.

¹⁰ Там же. С. 170–171, 308–314.

(прежде всего в столичных губерниях) [10, с. 309–315]. В приговорах заметно стремление привлечь внимание власти к положению крестьянских хозяйств в связи с промыслово-отходнической деятельностью и рассматривать последнюю в качестве составляющей крестьянских нужд (наряду с малоземельем). Актуальность ее была различной для крестьян земледельческих и промышленных губерний (приговоров, где затрагивалась данная тема, от последних было в три раза больше).

В понимании крестьян малоземелье лишало новые поколения основного источника существования, а потому несло угрозу привычному образу жизни, нарушало традицию, а также исполнение социальной миссии «кормильца». Между тем, крестьяне представляли себя перед лицом власти как «господ земли» [18, с. 56, 70, 143, 155, 178]. Поэтому большинство приговоров, в которых речь велась о неземледельческой деятельности крестьян, рассматривало последнюю как вынужденную, как альтернативу хлебопашеству, которая в случае получения крестьянами достаточного количества земли может быть свернута («крестьяне за трудоспособностью в люди не пойдут» [Там же, с. 35]; «неужели и дети, и внуки наши должны... продавать на сторону свои силы и труд, нужные для нашей земли» [Там же, с. 56]; «главной основой всего крестьянского благосостояния все-таки является хлебопашество») [Там же, с. 163]. Отмечалось негативное влияние отходничества и города, особенно на молодежь. В этом плане особенно показательны приговоры крестьян Петербургской губернии, в которых отмечалось, что «Питер их (детей. – И.К.) губит, они часто возвращаются домой больные и развращенные, не способные к земледелию» [Там же, с. 176]. Кстати, в трудах Санкт-Петербургского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности также говорилось о свободных рабочих руках, которые «будучи неподготовленными, подвергаются опасностям и искушениям городской жизни»¹¹. В целях противостояния негативным тенденциям орловские крестьяне предлагали изменить паспортную систему, усилить патриархальную власть большака, «предоставив полное право главе семейства держать в надлежащем подчинении своих детей и воспитанников» [Там же, с. 352].

Существовали приговоры, в которых «фабричный труд» представлялся важным дополнением к «труду земледельческому». Наконец, звучала мысль о необходимости рационализации неземледельческой деятельности крестьян. Владимирские крестьяне рассматривали подобную деятельность в качестве желательной перспективы для крестьянских детей.

¹¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXXVI. СПб., 1903. СПб., 1903. С. 18–19.

Из Тверской губернии высказывалось пожелание устройства постоянных зимних заработков; при этом характерно как позитивное восприятие города, так и стремление к интенсификации крестьянского хозяйства [18, с. 33, 56, 69–70, 272].

Проблема оценки влияния отходничества на крестьянское хозяйство до сих пор остается дискуссионной. Отходничество наряду с другими «сторонними» доходами создавало противоречивое положение: оно подрывало патриархальный уклад деревни, и оно же до поры до времени поддерживало его существование [1; 8; 17, с. 42–43, 199–239; 19, с. 121]. Крестьяне в ряде регионов, например, в Рязанском крае, воспринимали промыслы и отход во многом как нечто временное, характеризуя сложившуюся ситуацию следующим образом: «От сохи на время». Доходы от местных промыслов были такими, что сельские жители только формально принадлежали к крестьянскому сословию. Занятие промыслами заметно сказывалось на благосостоянии крестьянских хозяйств Рязанского края (обзаведение каменным домом, городской одеждой и обувью, предметами быта, самоваром и пр.), а также на уровне грамотности. Но одновременно отходники приносили к себе в деревню «долю дурного влияния»; отходничество, прежде всего молодых людей, негативно сказывалось на крестьянской семье и общественной жизни села. Отмеченное подрывало крестьянский уклад, способствовало раскрестьяниванию [8]. Схожая ситуация фиксируется и по другим регионам [1; 17]. Вместе с тем, в литературе обращается внимание на ротационный характер отходничества, способствующего поддержанию крестьянского хозяйства, но одновременно порождавшего в деревне новый образ жизни. Последний обладал чертами особого социума, имевшего характер социального симбиоза и циклическую динамику [13].

Город (особенно столицы), если судить по источникам, привлекал крестьян двумя обстоятельствами. Во-первых, возможностью высоких заработков, во-вторых, другим образом жизни, зачастую воспринимаемым как сытый и праздный. Характерно суждение одного рязанского мужика 28–30 лет по этому поводу: «Жалованье там большое и ходят (одеваются) там хорошо и всего там много, чай питье, еда не такие как в деревне... и всего, дескать, много...» [22, с. 103–104]. Как писал в своих воспоминаниях уроженец одного из ярославских сел, на вопрос матери, «ну, что, скотину пасти начнешь аль в Москву булки есть поедешь?», он, 12-летний подросток, ответил: «Кто от беленького-то откажется?» [23, с. 43]. И все же привлекательность города не ограничивалась потребительским измерением его потенциала (в том числе изменявшего быт деревни); приходило осознание невозможности «жить во всем только по старине» [15; 25].

Отходничество меняло личность крестьянина, особенно в неземледельческом регионе. Тверского крестьянина 1900-х гг. отличала от крестьян чисто аграрных губерний определенная развитость, бывалость, практическая сметка и любознательность, отсутствие деревенской робости [2, с. 252–253]. Возможно, в каких-то случаях возникала ситуация социокультурного раскола, когда по возвращении крестьянские мигранты не могли следовать своим новым взглядам и привычкам и вместе с тем уже были не в состоянии полностью принять старый распорядок жизни. Преодоление искушением городом решалось каждым крестьянином по-своему. На вопрос О.П. Семёновой-Тян-Шанской мужику, жалеет ли тот, что в свое время не попал в Москву, поскольку его, 25-летнего, не пустила мать, он ответил: «Хотелось, знамо; оно бы и теперь иной раз пошел, особливо как “наши” (деревенские) из Москвы придут – все рассказывают. Бывает и завидно станет. А не слышишь про Москву – и забудешь, что Москва такая есть. Живешь себе и не “вздумаешь” про нее» [22, с. 112].

По воспоминаниям уроженца Холмского уезда Псковской губернии (ныне – Торопецкий район Тверской области) Ф.А. Виноградова (1896–1987), в середине 1910-х гг. по совету родственников мать отправила его в Петроград, где Виноградов обучился сапожному ремеслу и городской культуре мещанского образца. В один из приездов домой он на многочисленных гуляньях в родной деревне и в соседних селах с большим щегольством демонстрировал перед местными девушками себя-франта («при шляпе, с тросточкой, белый шарфик» [5, с. 5]) и свою питерскую «культурность» (в частности, пройтись под ручку, угостить пивом, вином, печеньем, конфетами). Благодаря мастерству шить не только удобную, но и изящную обувь, а также своему облику («высокий, стройный, танцует» [Там же]), Виноградов быстро сделался привлекательным женихом. Многие матери из зажиточных семей стремились познакомить с ним своих дочерей. Однако, не оставляя гуляний, молодой Виноградов думал о другом: «Нет, надо оглядеться, что будет дальше, свой дом надо поднять, еще мать и брат, надо и поддерживать, пока я еще работать хорошо могу и денег заработать тоже, поднять свое хозяйство, а это дело – идти в чужие дома – это всякое время не поздно» [5, с. 6]. Город научил Виноградова не только франтовским манерам, но и мудрости. Он даже в онегинском духе дал отповедь юной и неразумной барышне: «Установить себя, сделаться самостоятельной девочкой, чтобы и соседи сказали, что вот наша познакомилась с молодым человеком, какая умная стала, уважительная, и разговор приятный стал, слушать интересно стало» [Там же, с. 7]. Виноградов даже дал девушке слово «держат ее в уме» [Там же, с. 8], пока будет

зарабатывать для подъема хозяйства. Вскоре он стал мастером-заготовителем леса, работа приносила неплохой заработок, он практически перестал сапожничать, но главное – «всех барышень знакомых стал забывать, все заводил свое сельское хозяйство» [5, с. 8]. Мать с братом работали дома, он помогал им деньгами. А потом мать нашла ему невесту в родной деревне: «Она рабочая, спокойная девушка, будет мне помогать» [Там же]. Пока Виноградов работал в лесной части, он построил хороший дом, которому и соседи завидовали, «стал хозяйство поднимать, заработки стали повышать, и дело пошло в гору. И вот и хозяйка молодая, рабочая, все старалась, и мамы легче стало, все за меня Богу молила, что я вина не пил, все старался в доме» [Там же].

Показательны также записки С.Т. Семёнова. Родившийся в Волоколамском уезде Московской губернии в конце 1860-х гг., он рано уехал на заработки сначала в Москву, потом в Петербург, жил и в других городах. Сильное впечатление на 18-летнего Семёнова произвело творчество Л. Толстого, особенно «народные рассказы», под их влиянием молодой человек покинул город, занялся крестьянским трудом, прожив в деревне более четверти века. Его дебют в качестве земледельца совпал по времени с возвратом многих крестьян Московской губернии к земле, когда они ощутили выгодность ведения сельского хозяйства, хотя им двигали иные мотивы [19, с. 112–113]. С.Т. Семёнов представлял собой новый тип «умных людей» – «интеллигентного крестьянина» [9, с. 38–40], развитого, образованного, критически мыслящего. Он был талантливым писателем, и в материальном смысле литературная деятельность стала для него своего рода подсобным промыслом, но прежде всего им владело стремление рационально хозяйствовать на земле. Это обстоятельство делало возможным использовать разные оптики при описании сельской жизни, представить ее одновременно как изнутри, так и со стороны.

Наблюдения Семёнова позволяют конкретизировать различные аспекты взаимодействия традиций и новаций в связи с земледельческой и неземледельческой деятельностью крестьян. Для Семёнова характерно неоднозначное восприятие города и отходничества, как, впрочем, и самой деревенской жизни. Это обстоятельство важно, поскольку он смог преодолеть существовавшую вначале идеализацию крестьянства и деревни.

Записи Семёнова охватывали значительный период в истории России – от Великих реформ до 1910-х гг. Это время «освоения» крестьянами городского пространства, «примеривание» его на себя, когда преимущественно внешнее приобщение к городской культуре, часто –

простое подражание городским нравам, сопровождалось изменениями более глубокого свойства. Все эти моменты предстают в воспоминаниях Семёнова в разных аспектах. Одно видение города пронизано скепсисом и негативизмом. Город с его «омертвляющей, механической жизнью среди людей, связанных одними материальными интересами» [21, с. 9] противопоставлялся деревне и «праведному трудами земледельцу» [Там же]. Фабричные с точки зрения их способности участвовать в сельскохозяйственных работах представлялись деревенским ущербными. Яркие примеры того, как город выявлял, оттенял в крестьянской натуре многие низменные и темные стороны, среди которых двойная мораль в отношении чужой собственности, хамство, рвачество и пр. [21, с. 6–13, 39–40]. Любопытны суждения Семёнова о влиянии крепостничества на село-городское взаимодействие, которые позволяют задаться вопросом: город делает крестьян такими или крестьяне со своими стандартами меняют городское социокультурное пространство? Нелишне напомнить, что подобная проблема – сквозная для всего периода российской модернизации, включая и советский период.

Влияние города на деревню было двойственным. По воспоминаниям Семёнова, городские привозили в деревню новые игры и песни, в которых не было «ни мелодии, ни содержания, ни смысла, ни движения человеческой души» [Там же, с. 24]. Среди них, в частности, следующая: «Не на то мальчик родился, чтоб работу работать, а на то мальчик родился, чтоб попить и погулять» – выражение «вольной» городской жизни [Там же]. Действительно, миграция в города актуализировала проблему «свободы», «воли» и сознательного выбора собственной судьбы [23, с. 89–90; 28, р. 451–452].

Когда «Великий перелом» рубежа 1920–1930-х гг. привел в движение значительные массы села, увеличивая городское население и усиливая проблему адаптации бывших крестьян в новой социокультурной среде, неслучайно появление в опубликованных тогда воспоминаниях о дореволюционном отходничестве наставлений отца сыну: «Письма пиши, книжки хорошие почитывай. В кабак совсем дорожку забудь. Иной раз в киятр сходи, газету почитай, уму-разуму научит» [7, с. 13–14]. Думается, напутствия насчет «киятра» были в данном случае, скорее, элементом советской пропаганды.

Семёнов писал и о том, что приезд отходников в деревню значительно оживлял местную жизнь, особенно в преддверии праздников. «Москвичи» приносили массу новостей, новые лубочные картины, которыми к Пасхе украшались избы, новые книги, обнови, наконец – деньги. Разумеется, близость столицы сказывалась: приобщение к тем или иным сторонам городской жизни проходило более быстрыми темпами.

Особенно это касалось городской моды и стремления деревенской молодежи пощеголять. Вместе с тем, рост потребностей отмечался Семёновым как важный стимул развития крестьянского хозяйства [21, с. 19–29, 128–130].

В контексте сельско-городской дихотомии представлены в воспоминаниях и сюжеты, связанные с влиянием отходничества на организацию крестьянского хозяйства. С.Т. Семёнов писал о нем в позитивном ключе. При этом благополучие для отходников начиналось со строительства нового, как правило, кирпичного, дома, а продолжением мог быть выход на хутора и отруба. Развитие нововведений шло главным образом при поддержке молодых хозяев, грамотных, поживших на стороне, «способных попроворней шевелить мозгами» [11, с. 115]. Не стоит забывать, что это ситуация Московской губернии, где три четверти хуторских и отрубных дворов имели в своем составе «промышленников» [Там же, с. 108].

Проблема традиций и новаций с точки зрения земледельческой и неземледельческой деятельности была представлена Семёновым как конфликт поколений, что отмечается и в исследованиях [8, с. 199–200]. Следует подчеркнуть, что культуре Модерна свойственно введение поколенческой проблематики, наполнение идеи поколения новым содержанием. Понятие «поколение» было переведено из родового (связанного с характеристиками жизненного цикла в рамках традиционалистски ориентированной малой локальной общности) в социально-исторический аспект, когда поколение связывалось с концептом культуротворчества. Традиция и новация – неотъемлемые составляющие поколенческой преемственности, тем не менее, Модерн их жестко противопоставил, декларируя разрыв поколений [12, с. 99–127].

Перу С.Т. Семёнова принадлежал ряд рассказов о т.н. «женской доле». Так, один из них, «Солдатка», повествовал о «падшей» женщине Агафье.

Однако существует возможность посмотреть на ситуацию Агафьи с другой стороны, обратившись к рукописи воспоминаний 66-летней уроженки с. Ярополец Волоколамского уезда, так называемому «тексту бытовой словесности». Публикаторы и комментаторы текста озаглавили его «Дневник бабушки Марфы» и датировали 1910–1915 гг. [4].

Повествование начинается с рассказа о смерти мужа автора записок, пожаре в доме и обстоятельствах, вынудивших ее уехать из деревни в Москву. Отходничество стало серьезным испытанием для героини, оставившей дома четверых детей и нанявшейся горничной в дом терпимости, что не поколебало, однако, ее основных моральных принципов. По мнению комментатора публикации, оказавшись на границе

традиционной крестьянской и городской жизни, Марфа приняла поэтику «жесточкого романа» для своего жизнеописания, которое предьявлялось с разными целями: пожаловаться, покаяться, оправдаться, поделиться знанием. Одним рефреном ее воспоминаний о нравах «заведения» стала фраза: «А я думаю я попала заживо во адъ». Вторым – «никакова выхода нету нада жить и нада детей растить да и строица нада» [4].

При этом одним из ключевых слов воспоминаний Марфы является слово «чай». Чай был одним из критериев хорошей жизни, и она включала возникшие жизненные затруднения, выразившиеся в невозможности пить чай, в число других, трагических, связанных со смертью мужа и пожаром. Заработок же позволял поддерживать традицию чаепития среди оставшихся в деревне детей. Чай был также той матрицей, которая определяла степень душевных и физических страданий Марфы-горничной: «Я вьсегда говорила что я нестоля чаю выпила за ети года (курсив наш. – И.К.) сколка слесь пролила» [Там же]. Жалея оторванных от дома и родных девушек, Марфа, сообразно со своей святой покровительницей Марфой Вифанской, пыталась наставить их на истинный путь, читала им вслух Евангелие при первой возможности. По большим праздникам «боже боже ты звонишь молица а у насъ лазливаная моря самый разгул» [Там же]. Марфа переживала, что девушками в «заведении» распоряжаются как собственностью, уговаривала их бросить свои занятия.

Результаты ее отходнических усилий были в общем впечатляющими: при заработке, доходившем в некоторые месяцы до 20 рублей («то что мне девица за мои услуги выпьросить у гостя то и мое»), она смогла и хозяйство поддерживать, и детей поднять, сына отдать в учение: «Годъ пожила избу покрыла другой пожила дворъ построила третий пожила аньбарь для хлеба поставила четвертай пожила детей всех адела» [Там же]. Еще хватало на уплату «аброку» и на наем в хозяйство трех работников. Марфа землю «некидала а работала я нанимала а дочери работали» [Там же]. Ее кредо: «чтоба дети приучалися к работи ато замушь не возьмутъ» [Там же]. Марфа ездила домой ежегодно на две недели; этот срок поднимал жизненную планку на новый уровень, хотя движение было подобно замкнутому кругу: потребности вырастающих детей и хозяйства были постоянными. Ближе к старости Марфа поселилась в одной из пустынь около Москвы. По-монастырски скромная, но более-менее сытная жизнь с чтением духовных книг Марфу устраивала. А жизнь повзрослевших детей не складывалась. Воспринимая свою прежнюю работу как греховную, она видела возмездие свыше в том, что

в своем возрасте, когда, как вероятно полагала она, после всего пережитого, можно было рассчитывать на определенное жизненное устройство, судьба наносила ей новые удары. Марфа считала заплаченную ею символическую цену высокой, не могла примириться с несправедливостью и выставляла свои аргументы: «Но я жила вьсю жись трезва и чужова мужа незнала богъ меня сохраниль оть блуда. Вино пила когда устану пиридь абедомь и ужинамь. Но не покупала а пила хозяйское и то невьсегда. Я не съела коньфеты когда мне давали девицы а берегла детямь. Я сыта а оне голоднаи и я посылала имь все что мне давали какой абносок старой тоже имь» [4]. Однако шлейф от «неправедного» заработка тянулся и дальше: «И теперя кто съпросит где жила вь Москве стыдна сказать да и болши молчишь. А то соврешь...», вынуждая признаваться себе (и другим, поскольку воспоминания, адресовались ближним и дальним потомкам – «детушкам») в чем, собственно, заключался грех – в том, что «я тамо видила и слышила» [Там же].

К слову, по свидетельству И. Столярова, крестьяне его родного воронежского села Карачун считали постыдной и позорной работу полового, присутствовавшего при «богомерзких сценах», причем не только для того, кто нанимался служить половым, но и для всей его семьи [25, с. 434].

Хотя Марфа не требовала от судьбы невозможного, ее жизнь сложилась не лучшим образом. Она рассчитывала на помощь любимого младшего сына, на здоровье и обучение которого не жалела сил и средств, однако тот с женой «хлеба не дают а посылають кь дочери на зиму на хлебы» [4]. Дочь оказалась «бедная и самая нещасная изь женьщинь и сичась страдаить», а что Марфа «пирижила у дочери вьсего не опишишь» [Там же]. Подъем хозяйства в надежные руки оказался под вопросом, а крестьянская традиция – под угрозой.

Сельско-городское взаимодействие в начале XX в., в которое крестьянство активно втягивалось благодаря промысловой миграции, имело неоднозначные последствия для российской деревни. Оно порождало особый образ жизни отходника и его семьи, содействовало росту его благосостояния и знаний, урбанизации его сознания, меняло нормы права в отношениях личности и земельной общины, трансформировало систему ценностей, расшатывало и подрывало сельскую патриархальность, традиционную культуру «малого общества», все интенсивнее включая его в «большое общество». Это взаимодействие способствовало как воспроизводству крестьянственности, так и раскрестьяниванию. Отходничество поставило на повестку дня актуальную для «века масс» проблему самосознания, ответственности человека за себя, сохранения им чувства собственного достоинства. Еще

один момент представляется важным с точки зрения тенденций общественного развития – новые формы неземледельческой занятости крестьян закладывали те импульсы, которые выводили российский социум на путь «общества потребления».

Библиографический список / References

1. Александров Н.М. Отхожие промыслы крестьян Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX века. Ярославль, 2007. [Aleksandrov N.M. Otkhozhiye promysly krestyan Verkhnego Povolzhya v kontse XIX – nachale XX века [Seasonal works of the peasants of the Upper Volga region in the late 19th – early 20th centuries]. Yaroslavl, 2007.]
2. Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964. [Anokhina L.A., Shmeleva M.N. Kultura i byt kolkhoznikov Kalininskoy oblasti [Culture and life of collective farmers in the Kalinin region]. Moscow, 1964.]
3. Верняев И.И. Промысловые кластеры как локальные этнографические группы: хозяйство, социум, культура и идентичность (Европейская Россия, середина XIX – первая треть XX в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2011. Вып. 1. С. 47–84. [Vernyaev I.I. The handicraft industry clusters as the local ethnographic groups: Economy, society, culture, and identity (European Russia, mid 19th – the first third of the 20th century). *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2011. No. 1. Pp. 47–84. (In Rus.)]
4. Веселова И.С. «Дневник бабушки Марфы» как образец бытовой словесности. Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/veselova4.htm> (дата обращения: 04.05.2021) [Veselova I.S. “The Diary of grandmother Marfa” as a sample of everyday literature. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/veselova4.htm> (In Rus.)]
5. Виноградов Ф.А. «Ну теперь, барышни, пройдемте по гуляню...» / Публ. О.Р. Виноградова // Живая старина. 2000. № 4. С. 4–8. [Vinogradov F.A. “Well, now, young ladies, let’s go through the walk...”. Publication by O.R. Vinogradov. *Zhivaya starina*. 2000. No. 4. Pp. 4–8. (In Rus.)]
6. Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М., 2004. [Vodarsky Ya.E., Istomina E.G. Rural handicrafts of European Russia at the turn of the XIX–XX centuries]. Moscow, 2004.]
7. Горячев И.В. Один из многих. М., 1930. [Goryachev I.V. Odin iz mnogikh [One of many]. Moscow, 1930.]
8. Иникова С.А. Промысловая деятельность рязанских крестьян и крестьянская торговля // Русские Рязанского края. Т. 1. М., 2009. С. 168–211. [Inikova S.A. The commercial activity of Ryazan peasants and peasant trade. *Russkiye Ryazanskogo kraja*. Vol. 1. Moscow, 2009. Pp. 168–211. (In Rus.)]
9. Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX в. М., 1999. [Kabytov P.S. Russkoye krestyanstvo v nachale XX v. [Russian peasantry at the beginning of the XX century]. Moscow, 1999.]

10. Кесслер Х. Крестьянская миграция в Российской империи и Советском Союзе. Отходничество и выход из села // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 309–336. [Kessler H. Peasant migration in the Russian Empire and the Soviet Union. Otkhodniki and exit from the village. *Sotsialnaya istoriya. Yezhegodnik*. Moscow, 1999. Pp. 309–336. (In Rus.)]
11. Ковалёв Д.В. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века (на материалах Московской губернии). М., 2004. [Kovalev D.V. Agrarnyye preobrazovaniya i krestyanstvo stolichnogo regiona v pervoy chetverti XX veka (na materialakh Moskovskoy gubernii) [Agrarian transformations and the peasantry of the capital region in the first quarter of the XX century (based on the materials of the Moscow Province)]. Moscow, 2004.]
12. Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М., 1999. [Kozlova N.N. *Sotsialno-istoricheskaya antropologiya* [Socio-historical anthropology]. Moscow, 1999.]
13. Курцев А.Н. Ротационный характер отходничества крестьян России на рубеже XIX–XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. № 8 (39). Вып. 4. С. 93–97. [Kurtsev A.N. Rotary character of peasants, deviation in Russia at the border of the XIX–XX centuries. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 2007. No. 8 (39). Issue 4. Pp. 93–97. (In Rus.)]
14. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Изд. 3-е. Т. 1. СПб., 2003. [Mironov B.N. *Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social history of Russia during the period of the empire (XVIII – early XX century)]. Vol. 1. St. Petersburg, 2003.]
15. Моисеев А.Г. Прошлое села Кузьмина. Хроника семьи Моисеевых. М., 1999. [Moiseev A.G. *Proshloye sela Kuzmina. Khronika semi Moiseyevykh* [Past of the village of Kuzmin. Chronicle of the Moiseev family]. Moscow, 1999.]
16. Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. XXX сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М., 2006. [Nezemledelcheskaya deyatel'nost' krestyan i osobennosti rossiyskogo sotsiума. XXX sessiya simpoziuma po agrarnoy istorii Vostochnoy Yevropy. Tezisy докладov i soobshcheniy [Non-agricultural activities of peasants and features of the Russian society. XXX session of the symposium on the agrarian history of Eastern Europe]. Abstracts of reports. Moscow, 2006.]
17. Никулин В.Н. Крестьянские промыслы на Северо-Западе России (вторая половина XIX – начало XX века). СПб., 2017. [Nikulin V.N. *Krestyanskiye promysly na Severo-Zapade Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Peasant crafts in the North-West of Russia (the second half of the XIX – beginning of the XX century)]. St. Petersburg, 2017.]
18. Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905–1907 гг.: Сб. документов / Сост. Л.Т. Сенчакова. М., 2000. [Prigovory i nakazy krestyan Tsentralnoy Rossii. 1905–1907 gg. [Sentences and orders of the peasants

- of Central Russia. 1905–1907]. Collected documents. L.T. Senchakova (ed.). Moscow, 2000.]
19. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. (Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983. [Ryndzyunskiy P.G. Krestyane i gorod v kapitalisticheskoy Rossii vtoroy poloviny XIX veka. (Vzaimootnosheniye goroda i derevni v sotsialno-ekonomicheskom stroye Rossii) [Peasants and the city in capitalist Russia in the second half of the 19th century (The relation-ship between the city and the countryside in the socio-economic system of Russia)]. Moscow, 1983.]
 20. Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М., 1958. [Selo Viryatino v proshlom i nastoyashchem. Opyt etnograficheskogo izucheniya russkoy kolkhoznoy derevni [The village of Viryatino in the past and present. The experience of ethnographic study of the Russian collective farm village]. Moscow, 1958.]
 21. Семёнов С.Т. Двадцать пять лет в деревне. Пг., 1915. [Semenov S.T. Dvadsat pyat let v derevne. [Twenty-five years in the country]. Petrograd, 1915.]
 22. Семёнова-Тян-Шанская О.П. «Жизнь Ивана»: Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. Рязань, 1995. [Semenova-Tyan-Shanskaya O.P. «Zhizn Ivana»: Ocherki iz byta krestyan odnoy iz chernozemnykh guberniy [“The Life of Ivan”: Essays from the life of the peasants of one of the Chernozem provinces]. Ryazan, 1995.]
 23. Смурова О.В. Между городом и деревней: образ жизни крестьянина-отходника во второй половине XIX – начале XX века. Кострома, 2008. [Smurova O.V. Mezhdu gorodom i derevney: obraz zhizni krestyanina-otkhodnika vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Between city and country: The way of life of a peasant-otkhodnik in the second half of the XIX – early XX century]. Kostroma, 2008.]
 24. Смурова О.В. Неземледельческий отход крестьян в столицы и его влияние на трансформацию культурной традиции в 1861–1914 гг. Кострома, 2003. [Smurova O.V. Nezemledelcheskii otkhod krestyan v stolitsy i yego vliyaniye na transformatsiyu kulturnoy traditsii v 1861–1914 gg. [Non-agricultural withdrawal of peasants to the capitals and its influence on the transformation of the cultural tradition in 1861–1914]. Kostroma, 2003.]
 25. Столяров И. Записки русского крестьянина // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., 1989. С. 323–484. [Stolyarov I. Notes of the Russian peasant. *Zapiski ochevidtsa: Vospominaniya, dnevniki, pisma*. Moscow, 1989. Pp. 323–484. (In Rus.)]
 26. Тарновский К.Н. Мелкая промышленность дореволюционной России. Историко-географические очерки. М., 1995. [Tarnovskiy K.N. Melkaya promyshlennost dorevolyutsionnoy Rossii. Istoriko-geograficheskiye ocherki [Small industry in pre-revolutionary Russia. Historical and geographical essays]. Moscow, 1995.]
 27. Энгел Б. Бабыя сторона // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 75–91. [Engel B. Woman’s side. *Mentalitet i agrarnoye razvitiye Rossii (XIX–XX vv.)*. Moscow, 1996. Pp. 75–91. (In Rus.)]
 28. Engel B.A. Russian Peasant Views of City Life, 1861–1914. *Slavic Review*. 1993. Vol. 52. No. 3. Pp. 447–459.

Статья поступила в редакцию 04.06.2021, принята к публикации 23.11.2021
The article was received on 04.06.2021, accepted for publication 23.11.2021

Сведения об авторе / About the autor

Кознова Ирина Евгеньевна – доктор исторических наук, доцент; ведущий научный сотрудник Сектора философии культуры, Институт философии Российской академии наук, г. Москва

Irina E. Koznova – Dr. Hab. in History; Leading Research Fellow at the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of RAS, Moscow, Russian Federation

E-mail: i.koznova@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-56-75

М.Д. ПетровМосковский городской педагогический университет,
129226 г. Москва, Российская Федерация

Развитие западноевропейского военного дела как фактор трансформации политических институтов Англии в 1485–1547 гг.

Известно, что развитие военного дела во многом определяет технический прогресс в гражданской сфере. В связи с этим становится актуальным вопрос, может ли оно влиять и на другие сферы общества, в частности, на трансформацию политических институтов или генезис политических идеологий. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к периоду XVI–XVII вв., когда в Европе проходил процесс, названный историками «военной» или «огнестрельной революцией». Авторы концепции «военной (огнестрельной) революции», утверждали, что изменения в военном деле, произошедшие в XVI–XVII вв., стали значимым фактором в трансформации политических институтов западноевропейских стран. Однако подробного сопоставления процессов развития западноевропейского военного дела эпохи «Великой огнестрельной революции» и трансформации систем государственного управления ими и их последователями проведено не было. Данная работа посвящена изучению первого периода «военной революции», совпавшего по времени с началом правления династии Тюдоров, и его влияния на усиление института монархии в Англии

© Петров М.Д., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

конца XV – первой половины XVI вв. Применяя институциональный и факторный анализ, а также историко-генетический и историко-сравнительный методы, автор ставит перед собой цель выяснить, можно ли считать процессы, происходившие в западноевропейском военном деле, значимым фактором в изменении английской политической системы этого периода. В ходе исследования проведено сопоставление указанных выше процессов, а также доказано, что изменение военного дела стало значимым фактором, повлиявшим на усиление королевской власти в Англии в первой половине XVI в.

Ключевые слова: «Огнестрельная революция» XVI–XVII вв., ренессансная модель армии, Генрих VII, Генрих VIII, английские политические институты раннего Нового времени, английская монархия XVI в., английский парламент XVI в., военные субсидии английского парламента в XVI в., англо-французские войны первой половины XVI в., Реформация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Петров М.Д. Развитие западноевропейского военного дела как фактор трансформации политических институтов Англии в 1485–1547 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 1. С. 56–75. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-56-75

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-56-75

M.D. Petrov

Moscow City University,
Moscow, 129226, Russian Federation

The development of Western European military affairs as a factor in the transformation of political institutions in England 1485–1547

It is known that the development of military affairs largely determines the technical progress in the civilian sphere. In this regard, the question becomes relevant, can it also influence other spheres of society, in particular, the transformation of political institutions or the genesis of political

ideologies? In order to answer this question, it is necessary to turn to the period of the 16th–17th centuries, when a process was taking place in Europe, called the “military” or “firearms revolution” by historians. The authors of the “military revolution” concept argued that the changes in military affairs that occurred in the 16th–17th centuries became a significant factor in the transformation of political institutions in Western European countries. However, no detailed comparison of the processes of development of Western European military affairs of the era of the “Great firearms Revolution” and the transformation of state administration systems by them and their followers was carried out. This work is devoted to the study of the first period of the “military revolution”, which coincided with the beginning of the reign of the Tudor dynasty, and its influence on the strengthening of the institution of the monarchy in England at the end of the 15th – the first half of the 16th centuries. Using institutional and factor analysis, as well as historical-genetic and historical-comparative methods, the author sets a goal of finding out whether the processes that took place in Western European military affairs can be considered a significant factor in changing the English political system of this period. In the course of the study, a comparison of the above processes was carried out, and it was also proved that the change in military affairs became a significant factor that influenced the strengthening of royal power in England in the first half of the 16th century.

Key words: “Firearms revolution” of the 16th–17th centuries, Renaissance model of the army, Henry VII, Henry VIII, English political institutions of the early modern period, English monarchy of the 16th century, English Parliament of the 16th century, military subsidies of the English Parliament in the 16th century, Anglo-French wars of the first half of the 16th century, the Reformation

FOR CITATION: Petrov M.D. The development of Western European military affairs as a factor in the transformation of political institutions in England 1485–1547. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 1. Pp. 56–75. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-56-75

Британский историк Джеффри Паркер, один из авторов концепции «военной революции», во введении к одной из своих статей упоминает высказывание знаменитого ученого Чарльза Омана о том, что «шестнадцатый век представляет собой самый неинтересный период в европейской военной истории» [19, р. 195]. Многие наверняка согласятся с ним, говоря и об истории политической, в частности английской. Действительно, по сравнению с событиями середины и конца XVII в., значению

трансформационных процессов XVI в. уделяется значительно меньшее внимание. Однако предпосылки описанных выше значительных исторических событий были заложены именно в предыдущий период. С одной стороны, «долгий шестнадцатый век» положил начало активным трансформационным процессам внутри устоявшейся для средневековой Англии военной системы. Начиная с первой половины XVI в. она должна была приспособиться не только к новым реалиям ведения войны, но и к современным методам комплектования армии. С другой стороны, именно с этого периода начинает оформляться конфликт между различными политическими институтами Англии, которому затем будет суждено вылиться в открытое вооруженное противостояние. Предметом его станет в том числе и вопрос о контроле над постоянной армией. А сам его исход в итоге определит, по какому типу государственного строительства пойдет английское королевство – оформления абсолютной монархии континентального (французского) образца или окончательного ограничения полномочий королевской власти [6, с. 160–161].

В отношении развития западноевропейского военного дела в целом «долгий шестнадцатый век» не является периодом, для которого характерен один и тот же доминирующий процесс. В рамках «Великой огнестрельной революции» он занимает большую часть ее хронологического отрезка (с конца XV в. до начала XVII в.) и воплощает в себе два совершенно разных периода развития военного дела. Первый период (конец XV – середина XVI вв.) характеризуется окончательным оформлением в странах Западной Европы «ренессансной» модели армии, ставшей вершиной развития средневекового военного дела. Второй период (середина XVI – начало XVII вв.) характеризуется сменой парадигмы в теории и практике военного искусства: новые тактические и стратегические элементы, появившиеся еще в рамках «ренессансной» армейской модели, начинают вытеснять на полях сражений традиционные, что приводит к полномасштабному кризису всего западноевропейского военного дела. Лишь с середины XVII в. окончательно оформляется новая парадигма ведения войны, основным элементом которой становится регулярная армия модели Нового времени [13, с. 192–193].

Для того, чтобы понять, как повлияли процессы, происходившие в западноевропейском военном искусстве XVI–XVII вв., на оформление в Англии конституционной (парламентской) монархии, для начала необходимо обратиться к первому периоду развития военного дела эпохи «огнестрельной революции», затем следует проследить взаимосвязь политических и политико-экономических событий и явлений, а также процессов, протекавших в рамках развития военного дела эпохи первых Тюдоров (1485–1547).

Здесь необходимо сделать уточнение. Несмотря на ряд региональных и национальных специфических особенностей, военное дело в рамках всего западноевропейского региона было единым. В разные периоды «огнестрельной революции» в его границах доминировали различные национальные «военные школы», распространявшие свои тактические и стратегические концепции на все страны Западной Европы. Поэтому говорить о специфическом и обособленном от континентального влияния «английском военном деле», естественно, не приходится. В первой половине XVI в. Англия, находясь на «периферии» западноевропейских процессов внедрения передовых элементов в современную тактику и стратегию, была вынуждена перенимать опыт и проводить армейские реформы по образцу «военных школ» передовых стран и регионов: Швейцарии – на конец XV – начало XVI вв., а затем пиренейских и германских государств. Именно военачальники и военные теоретики этих стран стали основателями «ренессансной» армейской модели, распространившейся на протяжении первой половины XVI в. на весь западноевропейский регион и заложившей основу будущих кардинальных изменений в военном деле [12, с. 48–49].

У «ренессансной» армейской модели были следующие особенности.

1. Преобладание на поле битвы наемных пехотинцев-пикинеров, использующих специальные боевые построения и тактику, позволяющие им эффективно противостоять рыцарской коннице.

2. Уменьшение значения в полевых сражениях тяжелой конницы, выразившееся как в сокращении ее процентного соотношения в армиях, так и в придании ей вспомогательной роли на поле боя.

3. Активное использование в сражениях не только осадной, но и полевой артиллерии, что привело к возникновению и распространению новой школы фортификации – *trace italienne*. Основными ее элементами стали не высокие и относительно узкие каменные или кирпичные стены, а низкие, но широкие и практически не подвергаемые разрушению от орудийного огня земляные укрепления [Там же, с. 63].

4. Распространение в армиях вспомогательных отрядов современного типа – пехотинцев, вооруженных ручным огнестрельным оружием, и рейтарской кавалерии.

5. Появление во флоте крупных боевых кораблей – карак и галеонов, ставших на море «плавучими артиллерийскими фортами».

6. Постоянный рост численности армии (но не полевых войск в отдельных сражениях) и флота в целом, что влекло за собой рост государственных военных расходов.

Заимствование с континента этих основных элементов «ренессансной» армейской модели в конце XV – первой половине XVI вв. позволило

Англии не только активно участвовать в основных западноевропейских международных конфликтах, но и привело к значительному укреплению позиций королевской власти на внутривнутриполитической арене.

Начало последнему процессу положила еще война Алой и Белой роз (1455–1485), в результате которых в системе государственного управления произошли значительные изменения. Во-первых, в этот период существенно уменьшилась роль парламента. Его сессии стали теперь главным образом собраниями группировки победителей на очередном этапе этого длительного внутривнутриполитического конфликта. Парламентские же акты, изданные в период войн и после их окончания, законодательно закрепляли насилия, которым подвергались побежденные [3, с. 382]. Во-вторых, на послевоенной внутривнутриполитической арене произошло ослабление позиций наиболее влиятельных аристократических родов, многие представители которых погибли на полях многочисленных сражений междоусобных войн. После восшествия на английский трон Генриха VII (1485–1509), первого короля из династии Тюдоров, в его домен вошли земельные владения наиболее могущественных семей времен войн Роз: Ланкастеров, Йорков и Невиллей, а также в руках короля оказались представители двух крупнейших аристократических семей – граф Нортумберленд и граф Сэррей, что склонило баланс отношений «грандов» и монархии в пользу последней [2, с. 25].

Такое усиление института королевской власти, происходящее на фоне ослабления позиций Парламента и представителей высшей аристократии, стало возможным в том числе и за счет того, что период правления Генриха VII не был ознаменован многочисленными войнами за пределами Англии. Именно для ведения внешних конфликтов монархии требовались многочисленные парламентские субсидии или крупные займы у купечества или дворянства, а продолжительные периоды внешнего мира способствовали пополнению королевской казны. Это позволило финансово независимому королю, к тому же известному своей бережливостью, усилить положение института королевской власти в системе английского государственного управления. С другой стороны, монарх теперь мог более жестоко наказывать аристократов за совершенные ими «незаконные» действия по отношению к победившей в Войне Роз партии.

В качестве наказаний, направленных против неугодных дворян, король зачастую назначал крупные штрафы, что также укрепляло финансовую независимость короны. Однако, помимо этого, королевская власть начала укрепляться и благодаря созданию принципиально нового и подотчетного монархии политического института. Парламентским актом 1487 г. на базе Тайного совета был создан суд Звездной палаты,

состоящий из назначенных монархом судей. Его задачей стало вынесение приговоров бунтовщикам, в основном пэрам, епископам и их сторонникам, проявившим себя в оппозиции Генриху VII во время междоусобных войн. Звездная палата была призвана действовать как суд справедливости, который мог ввести наказание за действия, считавшиеся морально предосудительными, но не связанными с нарушением буквы закона. Это могло привести как к субъективным решениям со стороны королевских чиновников не в пользу подсудимых, так и к возможности монархии специально обходить устоявшиеся нормы общего права. Вплоть до XVII в. данный суд пользовался популярностью у низших сословий как за простоту и быстроту судебных процедур, так и из-за того, что он выносил строгие приговоры представителям высшей аристократии [2, с. 26]. Впоследствии, по мере укрепления в стране института королевской власти, а также переориентации монархии на союз с дворянством против парламентской оппозиции, состоявшей в основном из джентри и мелких землевладельцев, суд Звездной палаты значительно расширил свою юрисдикцию. В итоге к началу XVII в. он превратился в орудие расправы монархов со своими мнимыми и действительными противниками из парламентской и иной оппозиции, по многим делам выступая в качестве единственной инстанции.

Финансовая самостоятельность короны привела к укреплению института монархии не только в институциональном, но и в военном аспекте. С Генрихом VII связано появление в Англии королевской дворцовой (йоменской) стражи, которая, однако, на момент ее основания в 1485 г. насчитывала лишь 50 лучников под командованием капитана, что не позволяет говорить о ней как о серьезной военной силе [3, с. 10–11]. Говорить в связи с этим о возникновении тенденции формирования постоянной армии под непосредственным королевским управлением также не приходится, даже несмотря на то, что в последующем численность йоменской стражи увеличивается. В ноябре 1501 г. во время свадьбы принца Артура и принцессы Екатерины Арагонской численность гвардии на мероприятии составила уже 300 человек, а в 1520 г. общая численность гвардии достигла 1 тыс. [20, р. 36, 94]. Тем не менее, даже при численности стражи в 150–200 человек на момент последних лет правления Генриха VII ее содержание обходилось королевской казне в 20 тыс. фунтов стерлингов ежегодно [15, с. 108]. В последующий же период формирования новых постоянных гвардейских полков не происходит, а основной сухопутной военной силой английского королевства остается милиция графств, созываемая в моменты военной опасности.

Главными задачами йоменской стражи были сопровождение монарха во время походов (500 гвардейцев во главе с капитаном составляли охрану короля во время боевых действий во Франции в 1544 г.) [20, р. 93], монарших поездок по стране и охрана королевских резиденций, а не участие в боевых действиях. Френсис Бэкон в «Истории Генриха VII» отмечает, что король мог видеть в этом условии монаршего достоинства, т.к. подобными отрядами уже обладали многие европейские правители [3, с. 10–11]. К тому же стража была вооружена традиционными для Англии длинными луками даже в период, когда огнестрельное оружие начало активно распространяться на западноевропейских полях сражений, что также говорит скорее о символическом характере нововведения. Тем не менее сильный и многочисленный отряд, вооруженный хоть и не самым современным оружием, стал не только символом усиления в Англии института монархии, но и в действительности оказывал значительную поддержку английским королям в борьбе с их внутривнутриполитическими противниками.

Наиболее же существенным нововведением времен правления Генриха VII, касающимся и военного дела, и политических институтов английского королевства, стала ликвидация так называемых «ливрейных свит» у ослабевших после Войны Роз представителей аристократии. Эта единственная, по мнению М.Е. Козлова, военная реформа Генриха VII, заключалась в том, что феодалы лишились права содержать отряды вооруженных людей, служивших, в отличие от ополчений графств, исключительно им, а неанглийскому королю. Эти многочисленные и хорошо вооруженные свиты были готовыми войсками для феодальных войн и вплоть до начала правления Генриха VII представляли значительную угрозу институту королевской власти. Запрет найма и содержания «свит» также привел к улучшению финансового состояния английской монархии. В условиях укрепления королевской власти представители крупной аристократии зачастую не хотели прощаться с практикой создания частных армий, за что подвергались крупным штрафам в пользу короны. Например, в 1507 г. Суд королевской скамьи оштрафовал на 69 900 фунтов стерлингов Джорджа Невилла, барона Абергавенни, за то, что он нанял на 30-месячную военную службу 471 человек [15, с. 105]. Помимо этого, ослабевшая и поредевшая в ходе междоусобных войн аристократия лишилась права иметь в своих арсеналах артиллерию, что значительно усилило позиции королевской власти. С этого времени монархия получила исключительную монополию на использование самого эффективного на то время средства против стен и башен средневековых замков английской аристократии [11, с. 32].

Однако не только эти нововведения Генриха VII могли повлиять на усиление английской монархии конца XV – начала XVI вв. Бэкон указывает, что политика короля и лояльного ему парламента по сохранению хозяйств размером в 20 и более акров способствовала укреплению в стране слоя зажиточных мелких землевладельцев (фригольдеров). Именно представители данной социальной группы в военное время составляли пешую часть английской армии (милиции) и при использовании современной «ренессансной» тактики могли составить эффективный противовес приходящей в упадок рыцарской коннице. Армии Франции и итальянских государств, пренебрегающие такой политикой по отношению к среднему слою общества, вынуждены были за большие деньги нанимать швейцарских наемников, что, по его мнению, негативным образом отражается на военной и экономической политике этих стран [3, с. 50–51]. В контексте возрастания роли пехоты на полях сражений можно согласиться с Бэконом, однако отряды ополчения графств в конце XV – первой половине XVI вв. все еще представляли собой средневековые боевые единицы, малоспособные на ведение полноценной «ренессансной» войны. Даже в самом конце XVI в. вооруженные традиционными для Англии луками и биллями [16, р. 27–28] и комплектовавшиеся по средневековому принципу отряды английских ополченцев были далеки от знакомой Бэкону профессиональной пехоты конца XVI – начала XVII вв. К тому же милиция, задачей которой была защита родного графства от иноземного вторжения, крайне неэффективно и неохотно, в отличие от профессиональной армии, сражалась за пределами родного графства. Исходя из этого можно сделать вывод, что при Генрихе VII если и предпринимались попытки поддерживать наличие в стране боеспособной пехоты, то они были поверхностными и не переходили на качественно иной, соответствующий «ренессансной» военной системе уровень.

Первые попытки реформирования средневековой по своей сути английской армии были предприняты в годы правления Генриха VIII (1509–1547) его канцлером кардиналом Томасом Уолси во время подготовки английского королевства к ведению войны с Францией, проходившей в 1512–1514 гг., а также в ходе самой кампании. Финансы на эти реформы и кампанию нашлись как в королевской казне, располагающей к началу правления второго Тюдора суммой в 1 млн 800 тыс. фунтов стерлингов, так и благодаря выделению парламентом дополнительной субсидии в размере 600 тыс. фунтов стерлингов. Члены последнего выступали за активизацию внешней политики английского Королевства после длительных внутренних войн, а также из-за желания англичан вновь отторгнуть от Франции территории, принадлежавшие Англии

до последнего этапа Столетней войны [11, с. 38–39]. Сложившаяся ситуация показывает, с одной стороны, финансовую самостоятельность укрепившегося в период правления первого Тюдора института королевской власти, а с другой – сотрудничество с ним парламента во имя общих целей укрепления позиций королевства в Европе. Консенсус короля и парламента, характерный для первых лет правления Генриха VIII, в итоге продлится недолго. Впоследствии нехватка финансов вынудит монарха пойти на конфликт с папством и католической церковью. Однако на первых порах именно согласие двух политических институтов по финансовому вопросу позволило кардиналу Уолси провести в жизнь первые армейские преобразования в соответствии с требованиями «ренессансной» военной модели.

Суть нововведений заключалась в следующем: во-первых, в графства для отбора солдат для предстоящей кампании на континенте впервые были присланы специальные чиновники, лорды-лейтенанты, представляющие интересы королевской власти. Сделано это было, прежде всего, для того, чтобы свести к минимуму лояльность набранных отрядов представителям местной аристократии. Во-вторых, для повышения дисциплины солдат вводились специальные армейские уставы, где четко обозначались наказания за различные преступления, например, грабеж, разбой и несанкционированное вторжение в жилища горожан и крестьян. В-третьих, в королевстве появилась специальная должность руководителя артиллерии и арсенала боеприпасов. Назначенный на эту должность также отвечал за осуществление снабжения армии вооружением, формирование штата артиллеристов и артиллерийской прислуги, а также командование ими на поле боя.

Артиллерии, как и прочему вооружению английских экспедиционных сил, а также доспехам, Генрих VIII уделял особое внимание: в 1511 г. в Гринвиче основываются мастерские по изготовлению доспехов и заключаются контракты на производство орудий различного калибра. Также кардиналом Уолси была организована и система централизованного снабжения войск провиантом [Там же, с. 39–42].

Генрих VIII и его канцлер заботились и о модернизации в Англии такого необходимого, хоть и вспомогательного, элемента «ренессансной» военной модели, как кавалерия. В период правления второго Тюдора в королевстве были издан закон, согласно которому любой подданный, чьи годовые доходы превышали 100 фунтов стерлингов, был обязан иметь и содержать коня, пригодного для участия в военных кампаниях. В связи с изданием этого закона многие подданные стали намеренно занижать уровень своих доходов, в результате чего указ дополнился тем, что подданный, жена которого носила верхнюю

юбку из вельвета или нижнюю юбку из шелка, должен был содержать боевого коня вне зависимости от своего дохода [14, с. 9]. Данное нововведение, хотя и могло привести к увеличению численности конницы, не продолжилось дальнейшими реформами, способными превратить английскую конницу рыцарского типа в современную «ренессансную» кавалерию. О планомерном вооружении конницы пистолетами или аркебузами и создании в королевстве рейтарских подразделений речи не шло.

В отличие от континентальных правителей, король Англии и его министр первоначально также мало уделяли внимание и широкому внедрению ручного огнестрельного оружия в пехотные подразделения. Для военной кампании 1512–1514 гг. было закуплено около 4 тыс. пистолетов и аркебуз, в то время как луков было закуплено приблизительно 5 тыс., а пик и алебард – 9 тыс. Всего в экспедиционной армии, состоящей из около 30 тыс. солдат, оказался лишь незначительный процент стрелков из ручного огнестрельного оружия. Это позволяет сделать вывод о том, что его использование в значительных количествах носило экспериментальный характер. Такая ситуация, впрочем, характерна и для военных кампаний наиболее передовых в техническом отношении стран, произошедших до битвы при Павии в 1525 г. Отряды пехоты, вооруженные ручным огнестрельным оружием, до этого момента играли лишь вспомогательную роль.

Тем не менее, такое пренебрежение вооружением собственных островных войск (прежде всего – милиции) огнестрельным оружием прослеживается и во французской кампании Генриха VIII, состоявшейся в 1544 г. Несмотря на то, что в 1543 г. в английскую армию поступили 4 тыс. аркебуз, основная масса входивших в экспедиционные войска стрелков была вооружена традиционными для Англии длинными луками. В связи с этим короля сильно волновал вопрос своевременного прибытия в его армию отрядов наемных ландскнехтов-аркебузирова [11, с. 44, 90–91].

Описанная выше финансовая ситуация, характерная для начального правления Генриха VIII и выражающаяся в единстве короля и Парламента по вопросу спонсирования военных экспедиций на континент, в середине 1520-х гг. начала складываться не в пользу монархии. Причиной этому стали не только значительные траты самого Генриха на многочисленные предметы роскоши и развлечения, но и большие расходы на содержание армий во времена боевых действий. В начале статьи уже было оговорено, что при переходе от «классической» средневековой армейской модели к «ренессансной» возрастает как численность самих войск, так и бюджетные расходы на их содержание. Например, общая

стоимость боевых действий во Франции в 1512–1513 гг. оценивается в 813 тыс. фунтов стерлингов [8, с. 83]. Показателем дороговизны двухлетнего периода содержания экспедиционных сил стала постепенная перемена настроения депутатов Парламента. Уже в 1514 г. Палата общин не стала выделять сумму, затребованную королем для продолжения боевых действий с французами в полном объеме, а выделила только треть от нее – 160 тыс. фунтов стерлингов [Там же]. Это означало, что во время подготовки к будущим военным кампаниям король мог столкнуться с парламентской оппозицией. В этом случае он мог либо пойти на конфликт с представительным органом, введя военный налог без согласия коммонеров, либо искать для финансирования своих будущих кампаний дополнительный, не зависящий от воли Парламента, источник дохода.

Пойти на масштабную конфронтацию с хоть и утратившим былую силу после Войны Роз парламентом Генрих VIII не мог. Конфликтная ситуация могла повлечь за собой очередное внутривластное противостояние, поэтому в качестве противника был выбран другой политический институт, причем заграничного происхождения и юрисдикции – католическая церковь, а точнее – ее английские владения. Проведенная Генрихом VIII королевская Реформация позволила институту монархии конфисковать в свою пользу монастырские и церковные земли, продажа трех четвертей которых в период с 1535 по 1547 г. позволила пополнить государственную казну на сумму в 789 400 фунтов стерлингов. Этот экстраординарный доход помог покрыть образовавшийся в стране бюджетный дефицит, возникший вследствие огромных трат на более технологически оснащенное, по сравнению с предыдущими конфликтами 1512–1514 и 1522–1526 гг., ведение новой англо-французской войны.

Всего же за период с 1543 по 1546 гг. расходы английской казны на ведение боевых действий в общей сумме составили уже 2 млн 134 тыс. фунтов стерлингов, что было приблизительно в 2,6 раза дороже первой кампании Генриха VIII [10, с. 115]. Из этих средств самая незначительная сумма в 350 263 фунтов стерлингов потребовалась на ведение войны с союзником Франции – отсталой в области ведения современных боевых действий Шотландией. Остальные же средства пошли на войну с передовой армией французского короля Франциска I. Одна осада Булони, ставшая центральным событием английского вторжения на континент, обошлась казне в 586 718 фунтов стерлингов, а большинство средств пошло на выплату жалования солдатам. Помимо расходов на ведение осады, в дальнейшем из казны было выделено еще 426 306 фунтов стерлингов для восстановления укреплений и дальнейшего ее удержания от французского наступления,

что делает сумму, затраченную англичанами на боевые действия за этот город, равной 1 013 024 фунтов стерлингов [15, с. 155]. Увеличивается и размер парламентских субсидий на военные нужды. Если в 1516 г. размер одной субсидии составлял 44 тыс., то к 1545 г. он вырос до 196 тыс. фунтов стерлингов [Там же, с. 138]. Из этого можно сделать вывод, что за три десятилетия ведение военных конфликтов значительно подорожало как за счет дороговизны современных средств и методов ведения войны, так и за счет увеличения числа армий. В будущем это обстоятельство могло подтолкнуть постоянно нуждающуюся в средствах монархию к конфликту с другими политическими институтами, прежде всего с обладающим право вводить новые налоги Парламентом.

Помимо разового приобретения и дальнейшей продажи церковной собственности, король, полностью подчинив себе церковь и став ее верховным главой, согласно Акту о супрематии 1534 г. получил право владеть всеми церковными доходами [1, с. 19]. Это привело к тому, что Генрих VIII, кроме 525 100 фунтов стерлингов дохода от нераспроданных монастырских земель и 79 500 фунтов стерлингов из конфискованной монастырской казны, стал обладателем 712 200 фунтов стерлингов годового дохода от церковных налогов [10, с. 116], что обеспечило институту монархии значительную финансовую «подушку» и относительную независимость от парламентских субсидий. К тому же доходы от церковных налогов, например, десятины, или денег от выплаты аннатов стали поступать в казну Генриха VIII [7, с. 20], что делало количество источников дохода короля-протестанта намного большим, чем у католических правителей.

Королевская реформация, проведенная Генрихом VIII в т.ч. и из-за нехватки в английской казне средств на ведение войны современными, «ренессансными», методами, способствовала к тому же формированию слоя лояльных от короля дворян-землевладельцев, которые получили свои владения за счет секуляризации монархией монастырских земель. Таким образом, процесс продажи короной церковного имущества поспособствовал значительному укреплению позиций института королевской власти не только в финансовой сфере.

Тем не менее, несмотря на появление в результате секуляризации дополнительного источника финансирования для военных преобразований в соответствии с «ренессансной» армейской моделью, английские вооруженные силы под конец правления Генриха VIII все еще были отсталыми как в организационном, так и в техническом аспектах. Отставание королевства в военном аспекте особенно заметно на фоне армий континентальных европейских государств, прежде всего

владений Габсбургов и короля Франции, располагающих первоклассными армиями «ренессансной» модели.

Реформы в военной сфере, предпринятые кардиналом Уолси и самим королем, хотя и были призваны приблизить английскую армию к классической «ренессансной» армейской модели, носили лишь ограниченный характер. Суть этих нововведений заключалась в том, что реформированию подвергалась не военная система в своей полноте, а конкретные армии, набранные для конкретных кампаний, прежде всего на континенте. Преобразования в военной сфере были кратковременными, волнообразными и прекращались после того, как армия распускалась после заключения мира и прекращения боевых действий. Результатом вышеописанных процессов стало отсутствие за период правления Генриха VIII крупномасштабных стратегических успехов. Военные кампании английской армии, особенно экспедиционных сил, вторгавшихся во Францию, целью которых зачастую провозглашался штурм и взятие Парижа, приносили лишь тактические успехи, наибольшим из которых стало дорогостоящее взятие Булони в 1544 г. Исключением из общего правила стала разве что шотландская кампания 1513 г. [11, с. 99], однако северный сосед Англии явно не претендовал на роль передовой военной державы Западной Европы. Описанное состояние английской армии на момент первой половины XVI в. определило и статус королевства во внешнеполитических конфликтах этого периода. Английская правящая верхушка, желавшая восстановить после периода Войны Роз авторитет королевства среди стран Западной Европы, вынуждена была постоянно варьировать между Габсбургами и Валуа, а само королевство играло в их конфликтах вспомогательную роль.

Современный исследователь М.Е. Козлов считает, что этого можно было бы избежать. В том случае, если бы средства, бывшие в руках у Генриха VIII, последовательно направлялись на модернизацию военной системы в целом, к середине XVI в. Англия стала бы обладать если не первоклассной, то гораздо более сильной армией, способной решать важнейшие внешнеполитические задачи и достигать в военных кампаниях не только тактических, но и стратегических результатов [Там же]. Делая предположения подобного характера, важно учесть и тот факт, что из-за длительного периода внутренних междоусобных войн второй половины XV в. Англия на время выпала из процессов дальнейшей трансформации средневековой военной модели. Именно поэтому в начале XVI в. она была вынуждена совершать те же ошибки, что и передовые континентальные страны полувеком раньше. К этому стоит добавить, что стремление английской правящей верхушки к внедрению нововведений в военном деле, в связи с островной спецификой

королевства, затронуло флот. Именно в его модернизации Англия добилась значительно больших успехов.

Создание королевского военно-морского флота началось еще в конце XV в., с первых лет правления Генриха VII. В этот период даже в условиях нехватки средств в королевской казне после опустошительной Войны Роз на английских верфях были заложены два крупных корабля – «Регент» (водоизмещением 600 т) и «Соверен» (450 т). Эти суда, будучи по своей конструкции позднесредневековыми каракками, имели на носу и корме специальные высокие надстройки (кастели), в которых могли располагаться артиллерия и стрелковая пехота. С.Н. Гаврилов в своем исследовании указывает, что Regent на своем борту располагал не менее чем 225 орудиями [5, с. 41, 43], однако ввиду реалий кораблестроения этого периода, скорее всего, это были, помимо нескольких десятков крупнокалиберных орудий, образцы ручного огнестрельного оружия для экипажа, что также представляло внушительную силу. Из этого можно сделать вывод, что оснащению ручным огнестрельным оружием матросов уделялось значительно большее внимание, нежели созданию аналогичных стрелковых подразделений в армии. Это также может говорить о том, что флоту в английской военной доктрине времен Генриха VII предназначалась куда более значимая роль, чем армии, ведь именно со времени потерь земель на континенте и угасания междоусобных войн англичане начали осознавать себя в качестве нации мореходов.

Во время правления следующего короля строительство кораблей, а также создание инфраструктуры для обслуживания флота продолжилось. Уже в 1514 г. количество кораблей королевского флота достигло 30 [20, с. 50]. Среди них был и самый мощный корабль Западной Европы того периода – «Генрих милостью Божьей». Эта каракка, в отличие от многих других, имела, помимо высоких кастлей, и два дека (орудийных палубы), а на ее борту располагалась 21 медная и 103 чугунные пушки (последние, по всей видимости, были орудиями очень малого калибра) [4, с. 190]. Аналогичным, но меньшим по водоизмещению кораблем стала каракка «Мэри Роуз».

Военно-морское строительство, как и реформы в армейской сфере, проводимые Генрихом VIII, «отцом королевского военно-морского флота», совпадали с предвоенными и военными периодами. Всего же за правление второго Тюдора на английских верфях было построено 64 новых корабля различного водоизмещения, 16 кораблей вошло в состав флота в качестве военных трофеев, 23 корабля были куплены за границей [5, с. 197–199]. Помимо этого, в Англии также сохранилась практика найма короной частных купеческих кораблей для

военных нужд, что значительно увеличивало английский королевский флот во время боевых действий.

Помимо количественного увеличения королевского флота, что, естественно, влекло за собой увеличение казенных расходов, произошел значительный рост инфраструктуры (складов и сухих доков), а также числа чиновников, отвечающих за его состояние, вооружение и снабжение. Также Генрихом VIII с 1539 г. по 1547 г. был реализован масштабный проект по возведению на английском южном побережье системы береговой обороны, состоящей из цепи артиллерийских замков, стоимость которой оценивается в 376 тыс. фунтов стерлингов [18, р. 7]. Эти фортификационные сооружения, хоть и не были классическими образцами бастионных инженерных сооружений в соответствии с концепцией итальянской школы (*trace italienne*), тем не менее имели ряд черт, позволяющих говорить о том, что английские замки в целом отвечали требованиям начала раннего Нового времени. В частности, об этом говорят примезистые стены и наличие в них открытых артиллерийских позиций [21, р. 24–30]. Возведение этих замков не только имело внешнеполитическое значение, но и позволило монархии укрепить свое внутривнутриполитическое положение. В отличие от морально устаревших средневековых замков английской аристократии институт королевской власти обзавелся современной цепью укреплений, которая не только символизировала его возросшую силу, но и могла стать серьезным препятствием на пути продвижения войск потенциальных мятежников.

Как и военные кампании на суше, и строительство современной полосы береговой обороны, экспедиции королевского флота также дорого обходились английскому бюджету. Например, только с мая 1545 г. по май 1546 г. обслуживание военных экспедиций флота составило 22 214 фунтов стерлингов [5, с. 76].

Итак, во времена правления первых Тюдоров в Англии оформился постоянный королевский флот, однако постоянной армии, самого необходимого инструмента континентальных монархов для установления абсолютной королевской власти, не возникло. Несмотря на это, траты английских королей на перевооружение иррегулярной армии милиционного типа с целью ее приближения к стандартам «ренессансной» военной модели, а также на ведение продолжительных кампаний с Францией и Шотландией, постоянно росли. Конечно, для полноты картины необходимо отметить, что параллельно росли и ординарные доходы английской монархии. В период с 1485 по 1540 гг. ее среднегодовой доход увеличился с 32 тыс. до 200 тыс. фунтов стерлингов [15, с. 143]. Но, если провести сравнение с военными расходами, приведенными выше, можно заключить, что рост ординарных доходов едва ли мог стать для

короны фундаментом финансовой самостоятельности. К тому же значительная часть этих доходов уходила на жалование королевских слуг, не все из которых имели отношение к военному делу [15, с. 143]. Эта ситуация, в целом характерная и для всего временного отрезка с начала XVI в. по середину XVII в., в итоге привела к открытому столкновению института королевской власти с другими институтами английской политической системы.

На первую половину XVI в. таким институтом стала церковь. Ее многочисленные финансовые накопления, реквизированные короной в результате секуляризации, были не только направлены на обслуживание дорогостоящих армии и флота, приближающихся к современной «ренессансной» модели, но и сама Реформация была проведена в том числе из-за того, что король остро нуждался в деньгах для проведения военных кампаний в соответствии со стандартами Нового времени. Реформация усиливает позиции института королевской власти как перед парламентом, от субсидий которого она становится менее зависима, так и перед аристократией, ставшей более лояльной в результате приобретения земельных владений, ранее принадлежавших церкви. В итоге Генрих VIII не смог воспользоваться как хорошим положением королевской казны, доставшимся ему как в наследство от своего бережливого отца, так и экстраординарными доходами от секуляризации монастырских земель и начать формирование в Англии самой сильной опоры института монархии – постоянной армии.

Будучи порой поверхностными и несистемными, армейские нововведения Генриха VIII все же помогли королевской власти в ее борьбе с внутривластными противниками и поспособствовали утверждению первенства института монархии в системе английского государственного управления. Спустя несколько лет после смерти второго Тюдора в графствах Корнуолл и Девон вспыхнуло антиангликанское «Восстание Книги Молитв», впоследствии жестоко подавленное королевскими войсками. Преимущество королевских войск в ходе боевых действий выразилось в том числе и в том, что в армии Эдуарда VI (1547–1553) активно использовалось ручное огнестрельное оружие. В частности, против восставших ополченцев, в основном использующих длинные луки и билли, командующий королевской армией Джон Рассел, граф Бэдфорд, применял отряды наемных стрелков. В их число входили итальянские конные аркебузиры, а также германские ландскнехты, использующие современное вооружение и тактику. Их использование на полях сражений во многом поспособствовало быстрому подавлению восстания [17, р. 130–131].

Отсутствие в Англии постоянной армии не помешало Генриху VIII создать в королевстве регулярный военно-морской флот. В отличие от средневековых военно-морских сил, он играл самостоятельную роль на войне, а не выступал в качестве вспомогательных сил армии [5, с. 80, 82]. Однако именно наличие постоянной армии на суше, а не постоянного флота на море, обеспечило оформление на континенте абсолютной монархии французского типа.

Необходимо все же сделать оговорку, что основным желанием Генриха VIII было закрепление за Англией статуса значимой европейской державы, поэтому монархия использовала финансы не на укрепление собственной власти в рамках своих границ, а для ведения войн на континенте. В итоге независимый от Парламента источник финансов, каким стали доходы от бывших монастырских владений и их продажи, практически полностью иссяк уже к началу правления Марии I в 1553 г. Это обстоятельство вновь поставило монархию перед очередной дилеммой: либо снова искать альтернативные источники финансирования затратных войн, либо идти на конфликт с Парламентом и попытаться силой отнять у него привилегию одобрения новых налогов. А решить ее предстояло уже наследникам короля Генриха VIII.

Библиографический список / References

1. Акт о Супрематии. 1534 // Английская реформация (документы и материалы) / Под ред. Ю.М. Сапрыкина. М., 1990. [Acto Suprematii. 1534. *Anglijskaya reformatsia (dokumenti i materialy)*. Yu.M. Saprikin (ed.). Moscow, 1990. (In Rus.)]
2. Бельцер А.А. Корона, аристократия и персонал местного управления при первом Тюдоре // Самарский научный вестник. 2013. № 4 (5). С. 24–27. [Belzer A.A. Crown, aristocracy, and local government personnel under the first Tudor. *Samara Journal of Science*. 2013. No. 4 (5). Pp. 24–27. (In Rus.)]
3. Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII / Ст. и общ. ред. М.А. Варга, пер. В.Р. Рокитянского, Н.А. Федорова, А.Э. Яврумяна, коммент. В.Р. Рокитянского. М., 1990. [Bacon F. *Istiriya pravleniya korolya Genriha VII* [The historie of the raigne of King Henry the Seuenth]. M.A. Varg (article and general ed.), V.R. Rokityansky, N.A. Fedorov, A.E. Yavrumyan (transl. into Russian), V.R. Rokityansky (comments). Moscow, 1990.]
4. Военная энциклопедия. Т. VII / Под ред. В.Ф. Новицкого и др. М., 1912. [Voennaja enciklopedia [Military encyclopedia]. Vol. VII. V.F. Novitsky et al. (eds.). Moscow, 1912.]
5. Гаврилов С.Н. Английский флот эпохи Тюдоров как государственный институт: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. [Gavrilov S.N. *Anglijskiy flot epochi Tudorov kak gosudaarstvenniy institute* [The English fleet of the Tudor era as a state institution]. PhD dis. Moscow, 2005.]

6. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. IV. Новое время. СПб., 2016. [Delbrück H. Istoriya voennogo iskusstva v ramkah politicheskoy istorii [Geschichte der Kriegskunst: Im Rahmen der politichen Geschichte: Sechster Teil: Neuzeit: Fortsetzung]. St. Petersburg, 2016.]
7. Дмитриева О.В. Елизавета Тюдор. 2-е изд. М., 2012. [Dmitrieva O.V. Elizaveta Tudor [Elizabeth Tudor]. Moscow, 2012.]
8. Ивонин Ю.Е. Императоры, короли, министры. Политические портреты XVI в.: Исторические очерки. Днепропетровск, 1994. [Ivonin Yu.E. Imperatori, koroli, ministry. Politicheskie portreti XVI v.: Istoricheskie ocherki [Emperors, kings, ministers. Political portraits of the 16th century: Historical essays]. Dnepropetrovsk, 1994.]
9. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. Реформация и политическая жизнь в XVI и XVII веках. М., 2017. [Kareev N.I. Isroriya Zapadnoy Evropi v Novee vremya. Razvitie kulturnih i sotsialnih otnosheniy. Reformatsiya i politicheskaya zhizn v XVI i XVII vekah [History of Western Europe in Modern Times. Development of cultural and social relations. Reformation and political life in the 16th and 17th centuries]. Moscow, 2017.]
10. Клочков В.В. Реформация и эволюция институтов английской монархии // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2011. № 11. С. 114–118. [Klochkov V.V. Reformation and evolution of the institutions of the English monarchy. *Izvestiya SFedU. Engineering Sciences*. 2011. No. 11. Pp. 114–118. (In Rus.)]
11. Козлов М.Е. Развитие военной системы Англии в правление династии Тюдоров в XVI веке: Дис... канд. ист. наук. Смоленск, 2013. [Kozlov M.E. Razvitie voennoy sistemi Anglii v pravlenie dinastii Tudorov v XVI veke [The development of the military system of England during the rule of the Tudor dynasty in the 16th century]. PhD dis. Smolensk, 2013.]
12. Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М., 2010. [Penskoj V.V. Velikaya ognestrel'naya revlutsiya [Great firearms revolution]. Moscow, 2010.]
13. Петров М.Д. Развитие западноевропейского военного дела XVI–XVII вв. как фактор трансформации политических институтов раннего Нового времени (на примере Англии и Франции) // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза: Сб. научных тр. Вып. XI / Под общ. ред. С.Ю. Рафалюк. М., 2020. С. 191–199. [Petrov M.D. Development of Western European military affairs in the XVI– XVII centuries as a factor in the transformation of political institutions in the early modern era (on the example of England and France). *CLIO-SCIENCE: Problemy istorii i mezhdistiplinarnogo sinteza*. Issue XI. S.Yu. Rafalyuk (ed.). Moscow, 2020. Pp. 191–199. (In Rus.)]
14. Шпаковский В.О. Современные британские историки об оружии и доспехах эпохи Генриха VIII // Наука. Общество. Государство. 2014. № 2 (6). С. 1–12. [Shpakovsky V.O. Modern British historians on weapons and armor of the era of Henry VIII. *Science. Society. State*. 2014. No. 2 (6). Pp. 1–12. (In Rus.)]
15. Царева Ю.И. Финансовая политика Тюдоров (1485–1603). М.; СПб., 2020. [Tsareva Yu.I. Finansovaya politika Tudorov (1485–1603) [Financial policy of the Tudors (1485–1603)]. Moscow; St. Petersburg, 2020.]

16. Firearms to be substituted for bows. *Acts of the Privy Council of England*. Vol. 25. 1595–1596. J. Roche Dasent (ed.). London, 1901. Pp. 27–28. British History Online. URL: <http://www.british-history.ac.uk/acts-privy-council/vol25/pp26-5> (date of access: 01.12.2020).
17. Fox E.T. The commotion time. *Tudor rebellion in the West, 1549*. Warwick, 2020.
18. Hale J.R. Tudor fortifications. *Renaissance War Studies*. London, 1983. Pp. 63–98.
19. Parker G. The “Military revolution”, 1560–1660 – a myth? *The Journal of Modern History*. 1976. Vol. 48. No. 2. Pp. 195–214.
20. Rosamund Hewerdine A. *The Yeomen of the King’s Guard 1485–1547*. University of London, 1998.
21. Rutton W.L. Henry VIII’s Castles at Sandown, Walmer, Deal, Sandgate, and Camber. *Archaeologia Cantiana*. 1898. Vol. 23. Pp. 24–30.

Статья поступила в редакцию 25.08.2021, принята к публикации 14.09.2021
The article was received on 25.08.2021, accepted for publication 14.09.2021

Сведения об авторе / About the autor

Петров Михаил Дмитриевич – аспирант общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории, Московский городской педагогический университет; учитель истории и обществознания, общеобразовательная школа № 950, г. Москва

Mikhail D. Petrov – postgraduate student at the General University Department of General and Russian History, Moscow City University; teacher of history and social studies, secondary school No. 950, Moscow

E-mail: petrov1995@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-76-87

М.А. Ковалёв

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
600000 г. Владимир, Российская Федерация

Исторические взгляды Э. Бёрка (по материалам «Краткой истории Англии»)

В статье рассматриваются исторические взгляды британского просветителя и политика Э. Бёрка. Бёрк считается основоположником идеологии консерватизма, основные положения которой он сформулировал в памфлете, обращенном против Французской революции. Однако истоки его взглядов остаются предметом дискуссий. Цель данной статьи – определить позицию просветителя по такому принципиальному для его политической философии вопросу, как история британской конституции. При анализе сочинения Бёрка «Краткая история Англии» автором статьи был использована теория нарратива, позволившая решить следующие исследовательские задачи: выяснить взгляды Бёрка на систему британского права, рассмотреть концепцию исторического развития права, определить роль данной концепции в складывании его политических взглядов. Научная новизна настоящей статьи заключается в реконструкции исторических взглядов Бёрка на основе анализа источника, не являвшегося ранее предметом самостоятельного изучения. По мнению автора статьи, Бёрк приходит к выводу, что английская система права носит исторический и синтетический характер. Данные принципы станут важной составной частью идеологии консерватизма.

Ключевые слова: Эдмунд Бёрк, британский консерватизм XVIII в., английское Просвещение, тори, виги, история британской конституции

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Ковалёв М.А. Исторические взгляды Э. Бёрка (по материалам «Краткой истории Англии») // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 1. С. 76–87. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-76-87

© Ковалёв М.А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

M.A. Kovalyov

Vladimir State University,
Vladimir, 600000, Russian Federation

E. Burke's historical views (on the materials of “An abridgment of English history”)

The article examines the historical views of the British enlightener and politician E. Burke. Burke is considered to be the founder of the ideology of conservatism, the main provisions of which he formulated in a pamphlet against the French Revolution. However, the origins of his views remain a matter of debate. The purpose of this article is to find out the position of the educator on such a fundamental issue for his political philosophy as the history of the British constitution. Analyzing Burke's treatise “An abridgment of English history”, the author of the article used the theory of narrative, which allowed solving the following research tasks: to find out Burke's views on the system of British law, to consider the concept of the historical development of law, to bring to light the role of this concept in the formation of his political views. The scientific novelty of this article lies in the reconstruction of Burke's historical views based on the analysis of a source that was not previously the subject of a study. According to the author of the article, Burke comes to the conclusion that the English system of law has a historical and synthetic character. These principles will become an important part of the ideology of conservatism.

Key words: Edmund Burke, British conservatism of the XVIII century, English Enlightenment, Tories, Whigs, history of the British Constitution

FOR CITATION: Kovalyov M.A. E. Burke's historical views (on the materials of “An abridgment of English history”). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 1. Pp. 76–87. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-76-87

На протяжении длительного исторического периода с конца XVIII в. до первой трети XIX в. в ряде стран Европы, Америки, а также в России происходило формирование политических идеологий. Если говорить о консерватизме, его появление принято связывать с реакцией части британской политической элиты на события Французской революции. В дальнейшем, в результате войн антифранцузских коалиций и установления Венской системы, консерватизм приобрел характер международного политико-идеологического явления [5, с. 138–139]. В каждой стране он имел свои специфические особенности. Несмотря на это, ученые выделяют ряд характеризующих его общих черт, среди которых: критика рационализма, интерес к конкретике, рассмотрение объектов с их качественной стороны, индивидуальный подход к явлениям реальности и, наконец, принцип историчности. Последнее означает необходимость рассмотрения каждого явления в контексте предшествовавших ему процессов [7, с. 8–11].

Основоположник британской (шире – западной) традиции консерватизма – просветитель, член парламента Эдмунд Бёрк (1729–1797). Он выступил с критикой Французской революции в парламентской речи в феврале 1790 г., затем в ноябре того же года опубликовал памфлет «Размышления о революции во Франции». Просветительская парадигма, основанная на рационализме, логически вела образованную публику того времени к одобрению революции. В понимании оппонентов Бёрка, как в Англии, так и во Франции (О. Мирабо, Т. Пейн, Ч.Дж. Фокс и др.), она вела к замене Старого порядка, сформировавшегося вследствие ряда исторических случайностей, сознательно конструируемым «разумным» обществом. Оставляя в стороне вопрос о соотношении понятий «консерватизм» и «Просвещение» [10; 12], остановимся на элементах «антирациональности» во взглядах Бёрка, среди которых принцип историчности занимает важное место. В самих «Размышлениях...» можно найти немало аргументов исторического характера против революции. Отвергая вообще абстрактную свободу, мыслитель противопоставляет ей систему права, развивающуюся в русле национальной традиции. Славная революция 1688 г., по его словам, отнюдь не создала англичанам права, но лишь воспрепятствовала их узурпации монархом. Сами британские свободы уходят корнями вглубь веков, причем важнейшей вехой в их развитии он считает принятие Великой хартии вольностей 1215 г. Исходя из этого положения, автор делает вывод, что изменять политическую систему следует посредством укрепления общественных учреждений или обновления при всецелом к ним уважении, а не их разрушения¹.

¹ Бёрк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993. С. 98.

«Размышления...», написанные за несколько лет до смерти автора, представляют собой итог его творческого пути (наряду с «Письмами о мире с царевыми»). Хотя общественно-политические вопросы остро волновали Бёрка с 1750-х гг., когда он, будучи молодым лондонским адвокатом, опубликовал первые свои тексты, получившие известность (памфлет «В защиту естественного общества» и трактат «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного»). М.В. Белов и В.А. Витальева выделяют несколько этапов творческого пути Бёрка, увязывая его с ответами на общественные кризисы Британии того времени. Первый из них датируется 1750-ми – серединой 1760-х гг. [4, с. 77]. К данному этапу его идейной эволюции относится написание единственного исторического в строгом смысле слова труда – «Краткой истории Англии»². Произведение это осталось незаконченным, возможно, из-за финансовых трудностей автора и отсутствия у него свободного времени, когда тот служил секретарем лорда Галифакса в Ирландии (1761–1765 гг.). Однако идеи, сформулированные в «Краткой истории Англии», получили развитие в более поздних его сочинениях.

Обзор зарубежной и отечественной историографии о Бёрке, а также анализ его концепции консерватизма содержится в работе А.В. Чудинова [11]. Из более поздних трудов следует упомянуть исследования Э. Найджела, О. Оуэна, Т. Хондериха, К. Робина, Э. Джонса [9; 13–16]. Надо признать, что проблема «раннего Бёрка» не часто ставится исследователями и формирование консерватизма связывается, главным образом, с его реакцией на Французскую революцию.

Между тем, историческая рефлексия в Великобритании эпохи Просвещения была довольно распространена. Историческая тематика и проблематика часто использовались в политической полемике тори и вигов и уходили корнями в XVII в. В большом количестве публиковались исторические документы. Шотландские философы формулировали закономерности исторического процесса, закладывали основания для принципа историзма [3, с. 320, 331]. Многотомные исторические труды создавали Д. Юм и Э. Гиббон, дистанцировались друг от друга профессиональное и любительское историописание (Х. Уолпол). Возникли истории отдельных сторон общественной жизни. Необходимость написания своего труда Бёрк обосновывает отсутствием качественного исследования по истории права в Великобритании. Единственное исследование, на которое он указывает, – «История общего права» главного судьи лорда Хейла – на его взгляд, совершенно неудовлетворительно.

² Burke E. An abridgment of English history, from the invasion of Julius Caesar to the end of the Reign of King John. In three books. *Burke E. The works*. Vol. VI. L., 1894. Pp. 184–422.

Оно, по существу, не открывает загадку происхождения системы уникального английского законодательства³.

«Краткая история Англии» доведена своим автором до конца правления Иоанна Безземельного. Она состоит из трех книг, первая из которых посвящена британско-римскому периоду, вторая – англо-саксонскому, третья – нормандскому. Кроме того, произведение сопровождается эссе об истории английских законов. В нем в сжатой форме формулируется основная концепция Бёрковского сочинения, она дает ключ к пониманию отдельных глав и изложенных в них конкретных событий. На наш взгляд, отыскать «сквозные» мотивы в данном произведении Бёрка, с одной стороны, характерные для его эпохи, с другой – повлиявшие на формирование консервативной идеологии, возможно с применением методов интеллектуальной истории. В данном отношении приобретает большую значимость концепция нарратива, предполагающего выявление структуры повествования и особенностей исторического дискурса текста [6, с. 23].

На первый взгляд, Бёрк приписывает историческому труду традиционную функцию – быть учителем жизни. Положение, которое оспаривалось видными мыслителями XVIII в., в частности, виконтом Болингброком и Юмом⁴. Однако позиция Бёрка сложнее. Он рассматривает человеческие деяния как бесконечные попытки подражать Всевышнему в его функции законодателя и творца. С его точки зрения, было бы весьма поучительно отыскать в глубине веков истоки действующих правовых норм, проследить процесс их развития. В конечном итоге, история может дать ответ на фундаментальные общественно-политические вопросы. Прежде всего, как возможно то положение, при котором человек властвует над человеком?⁵ Подобная постановка вопроса перекликается с его памфлетом «Защита естественного общества» 1756 г., в котором он рассмотрел все формы общественного устройства, последовательно развенчав каждую, предостерегая читателя от увлечения рациональными схемами⁶. Здесь, как и в других работах, прослеживается характерное для Бёрка единство моральной и логической аргументации.

³ Burke E. An abridgment of English history, from the invasion of Julius Caesar to the end of the Reign of King John. In three books. *Burke E. The works*. Vol. VI. L., 1894. P. 413.

⁴ Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 9, 12; Юм Д. Об изучении истории // Юм Д. Сочинения. Т. 2. М., 1996. С. 707.

⁵ Burke E. An abridgment of English history, from the invasion of Julius Caesar to the end of the Reign of King John. In three books. *Burke E. The works*. Vol. VI. L., 1894. Pp. 412–413.

⁶ Бёрк Э. Защита естественного общества // Эгалитаристские памфлеты в Англии середины XVIII в. М., 1992. С. 48–50.

Главное положение, с которым полемизирует автор, – представление о неизменности законов. В юриспруденции того времени господствовало убеждение, что английское право в неизменном виде дошло со времен англосаксонских королевств. Более того, миф о «саксонских свободах» вошел в политическую и партийную полемику Англии XVII–XVIII вв. и являлся преимущественно идейным аргументом вигов [2, с. 436]. Сторонники же королевских прерогатив, напротив, ссылались на факт нормандского завоевания Англии и на происхождение прав и свобод англичан от королевских пожалований. Следовательно, они носят условный характер и могут быть ограничены монархом.

Бёрк порывает как с вигскими, так и торийскими традициями в интерпретации происхождения английских свобод. Он выдвигает принцип, который развивался в недрах шотландского Просвещения, но стал общепринятым в исторической науке лишь в XIX в. – принцип историзма. Безусловно, он был весьма эрудированным интеллектуалом своего времени. Историк В.Н. Абрамов отмечает влияние на Бёрка шотландских философов [1, с. 12–13]. По словам Бёрка, варварские учреждения не могли быть достаточно развиты, чтобы ими могли пользоваться англичане XVIII в. Система законодательства, во-первых, представляет собой синтез различных элементов, во-вторых, она менялась на протяжении истории, проходя качественно отличные этапы и переживая драматические скачки, которые, что примечательно, именуются у автора революциями⁷.

Говоря об англосаксонском периоде, Бёрк уделяет большое внимание не только традициям, которые германские завоеватели принесли на Британские острова. Большую роль в системе права сыграло принятие христианства. Каноническое право, помимо адаптации к местным условиям образцов римского права, впитало в себя и некоторые местные обычаи. Кроме того, сами англосаксонские традиции не оставались неизменными. Мыслитель указывает на деятельность королей Этельберта, Инне, Оффы и Альфреда Великого в деле фиксации и кодификации обычного права. Однако даже в таком виде оно не вошло в состав английской правовой традиции, будучи практически полностью утраченным в результате датского завоевания IX в. Ведущей причиной утраты этой традиции являлась ее слабость. «Древнейшая конституция», как утверждает Бёрк, ограничивалась весьма скромным набором положений. К ним относятся: правила заключения мира, определение размера штрафов, формализация церемоний для принесения клятвы, установление церковной

⁷ Burke E. An abridgment of English history, from the invasion of Julius Caesar to the end of the Reign of King John. In three books. *Burke E. The works*. Vol. VI. L., 1894. P. 413.

десятины, нормы преследования воров и ряд других, менее значимых. Здесь не было какой-либо последовательности и системности⁸.

Свои изменения принесла система датского права, охватившая значительную часть территории Британии. Поскольку империя Кнуда Великого простиралась на несколько северных стран, сходство в их законах обусловлено именно взаимовлиянием, а не общностью германского происхождения. Но принципиальные новации были привнесены, по мнению просветителя, нормандским завоеванием. Дело в том, что иноземный закон был навязан местным жителям силой, а не принят добровольно. В результате чего возникли новые суды, новые правовые понятия, новые органы с иными полномочиями, использовался другой язык, сформировалась новая система землевладения, да и, собственно, сами землевладельцы, т.е. элиты, были заменены практически полностью⁹. Поэтому Бёрк удостаивает нормандский период истории Англии особенно тщательного рассмотрения.

Среди монархов из династии Плантагенетов (косвенно связанных с Нормандской династией), которая утвердилась в Англии после серии внутренних конфликтов, наибольший интерес у него вызывают Генрих II и Иоанн Безземельный. Именно с их правлением связаны преобразования, к которым восходят истоки британского парламентаризма.

Бёрк описывает Генриха II в превосходных выражениях. Последнему приписываются такие качества, как мудрость, личное мужество, активность в государственных делах. В целом, рисуется образ «сильного» правителя, восстановившего суверенитет королевской власти. Сложно сказать, насколько подобного рода исторические симпатии соотносились с политической обстановкой времени написания этого труда. Известно, что взошедший на престол в 1760 г. Георг III стремился укрепить личную власть за счет привлечения на свою сторону части лояльных вигов [8, с. 213–216]. Бёрк, разделявший позицию «истинных вигов», очевидно, не считал фракцию «друзей короля» хорошим способом укрепления власти. Исследователи считают, что в тот период просветитель находился под влиянием идей виконта Болингброка (умершего еще в 1751 г.) о равновесии сил как залого крепкого государства¹⁰.

В заслугу Генриху II ставится расширение подвластной территории без кровопролития, путем династических браков (женитьба короля на наследнице графов Гиень, его сына Джеффри – на герцогине

⁸ Burke E. An abridgment of English history, from the invasion of Julius Caesar to the end of the Reign of King John. In three books. *Burke E. The works.* Vol. VI. L., 1894. Pp. 416–421.

⁹ Ibid. P. 422.

¹⁰ Болингброк Г. Идея о Короле-Патриоте // Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 205–206, 216–217.

Бретонской). Другим его достижением названо подчинение мятежной знати. Однако подлинным триумфом короля автор считает его победу в конфликте с церковью. С неожиданной, казалось бы, резкостью ирландец Бёрк, мать и сестра которого исповедовали католицизм, нападает на папство. Его особенно возмущал тот факт, что священники не подлежали гражданскому суду, благодаря чему в церкви скопилось, по его словам, множество одиозных личностей, которых невозможно было привлечь к ответственности. К числу таких мыслитель относит и знаменитого Томаса Бекета. Симпатии автора всецело находятся на стороне короля. Архиепископ же Кентерберийский, пишет Бёрк, «восемь лет запутывал его (короля. – М.К.) дела, отравлял всякую радость, угрожал его власти, наконец, и в смерти одержал победу над силой этого мудрого и могущественного монарха»¹¹.

Конфликт короля с архиепископом Кентерберийским, приведший к убийству последнего в 1170 г., выступает в повествовании как результат длительных и запутанных отношений церкви и государства в Англии. Чтобы объяснить свою промонархическую позицию, автор рассматривает вопрос о причинах возвышения церкви. Первые христиане, рассуждает он, стремились избежать языческих судов, поэтому доверяли свои дела епископам. После принятия Римом христианства императорская власть существенно ограничивала полномочия духовенства. Ситуация коренным образом изменилась после падения империи. Стремясь заручиться поддержкой церкви, варварские народы одаривали ее землями и привилегиями. Смешение церковного и светского права Бёрк считает характерным для англосаксонского периода истории Англии¹².

Другая причина роста влияния церкви – упадок наук, искусств и образования. Именно духовенство стало той корпорацией, которая сохранила за собой монополию на образование. Из этого сословия происходили многие государственные деятели и юристы, которых назначали бейлифами, шерифами, судейскими чиновниками. В силу того, что в аббатствах изучалось право, там же хранились и архивы, Бёрк называет их «палладиумом общественных свобод»¹³. Наконец, упоминаются и такие явления, как попечительство церкви над нищими и право отлучения (что, в частности, освобождало вассалов от службы сюзерену), передача церкви имущества тех, кто умирал без завещания, что в совокупности давало этому учреждению огромную власть.

¹¹ Burke E. An abridgment of English history, from the invasion of Julius Caesar to the end of the Reign of King John. In three books. *Burke E. The works*. Vol. VI. L., 1894. Pp. 354–357.

¹² *Ibid.* Pp. 357–360.

¹³ *Ibid.* P. 358.

Важно отметить, что Бёрк вовсе не оправдывал насильственное подавление церкви. Он осуждает тех монархов, которые пытались отнять церковные земли в пользу короны. Ведь в одних случаях король расхищает церковные владения, в других, стремясь заручиться поддержкой могущественной организации, вновь одаривает ее. Позиция просветителя сложнее: он предлагает исправление характера землевладения, т.е. не ограбление церкви, а подчинение ее закону. Аналогичным образом он интерпретирует борьбу Генриха II и Томаса Бекета не как конфликт личных амбиций или интересов, а как совокупность мер, применяемых монархом против епископа (а не против личности как таковой). И даже гибель Бекета в оценке Бёрка являлась благом для страны. Ведь опасны, по его мнению, не само экономическое и политическое могущество церкви, но его сочетание с идеями о превосходстве духовной власти, которые отстаивал архиепископ¹⁴. Здесь автор стоит на страже интересов общества и государства как органического целого, которым угрожает сословно-корпоративный эгоизм.

В то же время было бы неверно приписывать Бёрку апологию монархии как одной из ветвей власти. Верный своему принципу рассмотрения явлений в их историческом контексте, он указывает на совпадение интересов монарха и третьего сословия. Такой союз неизбежно оказывался направлен против феодальной аристократии, чье господство Бёрк неоднократно называл наихудшей формой правления¹⁵. В ходе политического кризиса 1173–1174 гг., в ходе которого мятеж принцев сопровождался шотландским вторжением, Генриху II пришлось вооружить народ, чего не было со времен нормандского завоевания. Это учреждение стало прообразом народного ополчения (милиции). Другой институт, доживший до эпохи написания исторического труда, – должность окружных судей. Учреждена она была с целью ослабления власти баронов¹⁶.

Но все же решающее столкновение монархического и аристократического элементов власти произошло в годы правления его сына – Иоанна Безземельного. В действительности, Бёрк не занимает позиции защиты какой-либо одной из ветвей власти. Он критикует короля, который, с целью приведения народа к покорности, прибег к помощи наемников и разорил страну, вместо того, чтобы обустроивать ее. Также критики удостоивается и сам народ, отдавший престол сыну Филиппа II Августа

¹⁴ Burke E. An abridgment of English history, from the invasion of Julius Caesar to the end of the Reign of King John. In three books. *Burke E. The works*. Vol. VI. L., 1894. P. 365.

¹⁵ Бёрк Э. Защита естественного общества // Эгалитаристские памфлеты в Англии середины XVIII в. М., 1992. С. 73–74, 76–77.

¹⁶ Burke E. An abridgment of English history, from the invasion of Julius Caesar to the end of the Reign of King John. In three books. *Burke E. The works*. Vol. VI. L., 1894. P. 374.

Французского и поправший собственную свободу, которую собирался защищать. Борьба короля Иоанна с папой привела к резкому ослаблению монархии. Конфликт же с королем Франции лишил его наследственных земель – Нормандии, тем самым сделав зависимым от английской нации. В сочетании с личными качествами самого Иоанна, делавшими его неспособным к управлению, указанные факторы привели к мятежу баронов и принятию в 1215 г. Великой хартии вольностей¹⁷.

Тем не менее, последствия данных событий автор именуется счастливыми, поскольку считает их обеспечившими славу и процветание Англии. Дело в том, что Хартия не закрепляла в стране феодальную анархию. Она носила синтетический характер, учитывавший интересы различных слоев общества и уравнивавший все элементы системы власти. Такую специфику она приобрела благодаря тому, что явилась результатом многовековой эволюции права, его селекции. Прежде всего, те правовые инструменты, с помощью которых бароны отстаивали свои привилегии, были заимствованы из хартий, ранее дарованных королями монастырям. Поэтому сами по себе церковные привилегии Бёрк не считал негативным явлением, если они не подрывали суверенитета короны. Напротив, именно борьба духовенства за свои привилегии показала народу пример борьбы за свободу. Другим источником хартии автор признает «саксонские вольности», из которых сами бароны выводили свои привилегии. Причем сам он иронизирует, что, подчинив себе англосаксов, нормандцы сами себя сделали рабами своего короля. Но такова была традиция, которую использовала в своих интересах нормандская знать¹⁸.

Важное нововведение Хартии состояло в том, что бароны могли предъявлять свои требования только совместно, в виде «конфедерации», как пишет Бёрк, что предотвращало впадение страны в аристократическую анархию. Он полагает уступки короля своим вассалам разумными и справедливыми, поскольку, накладывая на различные субъекты власти взаимные обязательства, они делали невозможным уничтожение конституции законным путем. И хотя после смерти короля Иоанна последуют длительные внутренние конфликты, «великая революция в деле свободы», как определяет эти события просветитель, свершилась. Его предшественники, начиная с Вильгельма I Завоевателя, стремились легитимировать свою власть путем раздачи земельных владений, усиливавших сепаратизм баронов, вследствие чего страна постоянно

¹⁷ Burke E. An abridgment of English history, from the invasion of Julius Caesar to the end of the Reign of King John. In three books. *Burke E. The works*. Vol. VI. L., 1894. Pp. 385, 411–412.

¹⁸ *Ibid.* Pp. 402, 406, 411.

колебалась между анархией и деспотизмом. Только Великая хартия создала прецедент сбалансированной системы власти, практическая реализация которого, правда, займет не одно столетие¹⁹.

Уже на раннем этапе своего творчества Бёрк выступает как интеллектуально зрелый мыслитель. Даже в незаконченном произведении, каким является его «Краткая история Англии», просматривается строгая, хорошо аргументированная система взглядов. Созданный автором нарратив о сбалансированной системе политических институтов, уходящей корнями в раннее средневековье, вошел в виде сжатых тезисов в «Размышления о революции во Франции» и другие работы, которые принято относить к «канону» консервативной мысли.

Библиографический список / References

1. Абрамов В.Н. Политическая философия Эдмунда Бёрка. (У истоков консервативной традиции западной общественной мысли): Автореф. ... канд. филос. наук. М., 1988. [Abramov V.N. Politicheskaya filosofiya Edmunda Byorka. (U istokov konservativnoj tradicii zapadnoj obshchestvennoj mysli) [Political philosophy of Edmund Burke. (At the origins of the conservative tradition of Western social thought)]. PhD theses. Moscow, 1988.]
2. Айзенштат М.П. Исторический миф в политической культуре Британии XVIII в. // Британия: История, культура, образование: Сб. ст. международной научной конференции. Вып. 4. / Под науч. ред. А.Б. Соколова. Ярославль, 2018. С. 434–439. [Ajzenshtat M.P. Historical myth in the political culture of Britain of the XVIII century. *Britaniya: Istoriya, kultura, obrazovanie*. Vol. 4. A.B. Sokolov (ed.). Yaroslavl, 2018. Pp. 434–439. (In Rus.)]
3. Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. [Barg M.A. Epohi i idei. Stanovlenie istorizma [Epochs and ideas. The formation of historicism]. Moscow, 1987.]
4. Белов М.В., Витальева В.А. Эдмунд Бёрк – ранний идеолог Британской империи // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. № 34. 2011. С. 74–99. [Belov M.V., Vitalyeva V.A. Edmund Burke as an early ideologist of the British Empire. *Dialog so vremenem. Almanah intellektuanoj istorii*. 2011. No. 34. Pp. 74–99. (In Rus.)]
5. Гарбузов В.Н. Консерватизм: ценности, идеи, политика // *Метаморфозы истории*. 1997. № 1. С. 136–162. [Garbuzov V.N. Conservatism: Values, ideas, politics. *Metamorfozy istorii*. 1997. No. 1. Pp. 136–162. (In Rus.)]
6. Зверева Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // *Одиссей: человек в истории*. М., 1996. С. 11–24. [Zvereva G.I. Reality and historical narrative: problems of self-reflection of the new intellectual history. *Odissey: chelovek v istorii*. Moscow, 1996. Pp. 11–24. (In Rus.)]

¹⁹ Burke E. An abridgment of English history, from the invasion of Julius Caesar to the end of the Reign of King John. In three books. *Burke E. The works*. Vol. VI. L., 1894. Pp. 407–410.

7. Ионин Л.Г. Консерватизм // Логос. 2005. № 3 (48). С. 3–73. [Ionin L.G. Conservatism. *Logos*. 2005. No. 3 (48). Pp. 3–73. (In Rus.)]
8. Лабутина Т.Л., Ильин Д.В. Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2012. [Labutina T.L., Ilyin D.V. *Anglijskoe Prosveshchenie: obshchestvenno-politicheskaya i pedagogicheskaya mysl* [English Enlightenment: Socio-political and pedagogical thought]. St. Petersburg, 2012.]
9. Робин К. Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Бёрка до Сары Пейлин. М., 2013. [Robin C. *Reaktionnyy duh. Konservatizm ot Edmunda Byorka do Sary Peylin* [The reactionary mind. Conservatism from Edmund Burke to Sarah Palin]. Moscow, 2013.]
10. Руткевич А.М. Что такое консерватизм? М., 1999. [Rutkevich A.M. *Chto takoe konservatizm?* [What is conservatism?]. Moscow, 1999.]
11. Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции. Э. Бёрк. Дж. Макинтош. У. Годвин. М., 1996. [Chudinov A.V. *Razmyshleniya anglichan o Francuzskoj revolyucii*. E. Byork. J. Makintosh. U. Godvin [Reflections of the British on the French Revolution. E. Burke. J. Mackintosh. W. Godwin]. Moscow, 1996.]
12. Courtney C.P. Edmund Burke and the Enlightenment. *Statesmen, Scholars, and Merchants*. Oxford, 1973. Pp. 304–322.
13. Honderich T. Conservatism: Burke, Nozick, Bush, Blair? L., 2005.
14. Jones E. Edmund Burke and the invention of modern conservatism, 1830–1914: An intellectual history. Oxford, 2017.
15. Nigel A. A “lay divine”: Burke, Christianity, and the preservation of British State, 1790–1797. L., 1997.
16. Owen A.A. The collapse of the British Empire as seen by Franklin, Paine, and Burke. Bethlehem, 1998.

Статья поступила в редакцию 12.12.2021, принята к публикации 21.01.2022
The article was received on 12.12.2021, accepted for publication 21.01.2022

Сведения об авторе / About the autor

Ковалёв Максим Александрович – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории, археологии и краеведения Гуманитарного института, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Maxim A. Kovalyov – PhD in History; associate professor at the Department of History, Archeology and Local History of the Humanitarian Institute, Vladimir State University

E-mail: mkovalyov.89@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-88-102

К.А. БелоусоваМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Баасистская революция в Ираке 1968 г. и ее влияние на внутреннюю и внешнеполитическую ситуацию

Статья посвящена революции 1968 г. в Ираке, которая привела к власти партию Баас. В статье доказано, что иракская революция, которая произошла без помощи внешних сил, несмотря на всю свою неоднозначность, решила ряд важнейших для страны вопросов: от построения тяжелой промышленности в аграрной стране до решения проблемы общего образования. Можно сколь угодно спорить о характере режима партии Баас и ее руководства, в частности лично С. Хусейна, однако режим со всеми своими достоинствами и недостатками просуществовал до 2003 г., когда был буквально сметен вторжением США. Иракская революция в статье представлена с точки зрения методологии советского времени, однако с учетом современной литературы, тенденций, фактов.

Ключевые слова: революция в Ираке 1968 г., партия Баас, ОПЕК, внешняя политика на Ближнем Востоке

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Белоусова К.А. Баасистская революция в Ираке 1968 г. и ее влияние на внутреннюю и внешнеполитическую ситуацию // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 1. С. 88–102. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-88-102

K.A. Belousova

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The Baathist Revolution in Iraq in 1968 and its impact on the domestic and foreign policy situation

The article is devoted to the 1968 revolution in Iraq, which brought the Baath Party to power. The article proves that the Iraqi revolution, which took place without the help of external forces, despite all its ambiguity, solved a number of important issues for the country: from building heavy industry in an agrarian country to solving gaps in general education. One can argue about the nature of the regime of the Baath Party and its leadership, in particular personally S. Hussein. However, the regime with all its advantages and disadvantages lasted until 2003, when it was literally swept away by the US invasion. The Iraqi revolution is presented in the article from the point of view of the methodology of the Soviet era, however, taking into account modern literature, trends, and facts.

Key words: revolution in Iraq 1968, Baath Party, OPEC, foreign policy in the Middle Eastern region

FOR CITATION: Belousova K.A. The Baathist Revolution in Iraq in 1968 and its impact on the domestic and foreign policy situation. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 1. Pp. 88–102. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-88-102

17 июля 1968 г. в Ираке произошла революция, в результате которой к власти пришла партия Баас или, в русской аббревиатуре, ПАСВ (Партия арабского социалистического возрождения). Хотя формально Саддам Хусейн стал президентом Ирака только в 1979 г., уже с 1968 г. он являлся одной из ключевых фигур в партии и влиял на внутри- и внешнеполитический курс страны. Безусловно, можно называть режим баасистов реакционным, а С. Хусейна – диктатором, но, когда

США и их союзники совершили агрессию против Ирака в 2003 г., жизнь большинства иракцев превратилась в ад. «Как свидетельствуют посещающие Ирак неангажированные западные и российские журналисты, в ходе бесед с иракцами те едва ли не в один голос говорят: при диктатуре Хусейна им жилось несравнимо лучше, чем при нынешней демократии» [6, с. 82]. Поэтому представляется, что изучение революции 1968 г. актуально не только для понимания новейшей истории Ирака, но и для анализа внешнеполитической ситуации, которая сложилась в результате этой революции.

Первая революция в Ираке произошла на десять лет раньше, в 1958 г. Она поставила крест как на монархическом режиме династии Хашимитов, так и на всесильном влиянии Великобритании в стране, что особо касалось нефтяного бизнеса, который был непосредственно связан с ИПК – «Ирак петролеум компани» (IPC, Iraq Petroleum Company), находившейся под контролем бывшей метрополии. К власти пришел А.К. Касем, который в целом придерживался антизападной позиции и в своей внешней политике все больше опирался на поддержку СССР [3, с. 48–59]. В 1963 г. в Ираке произошло два переворота. Переворот 8 февраля впервые привел к власти партию Баас и был подготовлен не без помощи ЦРУ. Новый режим, крайне реакционный, потому, в частности, непопулярный в стране, просуществовал недолго. В ноябре произошел еще один переворот, в результате которого партия Баас была свергнута, а к власти пришли братья Ареф. Их режим был значительно мягче, чем баасистский, но во внешнеполитическом отношении он перечеркнул результаты революции 1958 г. Сначала младший брат, Абдель Салам Ареф, а затем его старший брат, Абдель Рахман Ареф, ставший президентом Ирака в 1966 г., начали восстанавливать отношения с западными странами [4, с. 258–267].

Как считает арабский историк М. Хаддури, одной из причин революции 1968 г. явилось сближение режима братьев Арефов с Западом [13, р. 172]. С этим нельзя не согласиться, однако, как нам видится, главной причиной революции явилась арабо-израильская война 1967 г., развязанная Израилем, и в ходе которой США поддерживали свой главный форпост на Ближнем Востоке. Собственно, эти два тезиса только подтверждают друг друга: братья Ареф сближаются с Западом, во время войны 1967 г. Запад поддерживает Израиль, в результате чего режим Арефов оказывается дискредитированным в глазах не только иракского общества, но и всего арабского мира. К чести Р. Арефа нужно отметить, что в июне 1967 г., т.е. с самого начала войны, он разорвал дипломатические отношения с США. Более того, был приостановлен экспорт нефти в США и отказано в праве пролетов американских самолетов

над территорией Ирака. Однако эти меры не могли помешать событиям 17 июля 1968 г., когда произошла баасистская революция (в иных интерпретациях – переворот).

Ведущий российский востоковед Е.М. Примаков полагал, что если Советский Союз способствовал С. Хусейну в его выдвижении в качестве лидера Ирака, то США – в формировании его мировоззрения, которое, в конечном итоге, легло в основу внешней политики Саддама [10, с. 303]. Необходимо проследить события, которые привели к тому, что СССР поддержал как и С. Хусейна, так и партию Баас, которая всего пятью годами раньше развернула в стране кровавый террор над всеми лицами, неугодными режиму, в т.ч. и по отношению к коммунистам. На VI общеарабском съезде ПАСВ в Дамаске в октябре 1963 г. С. Хусейн выступил с речью, в которой обвинял генерального секретаря иракского отделения¹ партии Салиха ас-Саади² в превышении должностных полномочий. По рекомендации съезда, в результате обличительной речи Хусейна, ас-Саади был снят с должности по обвинению в массовых убийствах во время первого девятимесячного правления ПАСВ в Ираке. Очень вероятно, что после этой речи Хусейна М. Афляк, основатель и генеральный секретарь партии, проникся к Саддаму доверием и рекомендовал его в новое иракское руководство партии из 5 человек. И, видимо, после этой речи у советского руководства имя С. Хусейна стало ассоциироваться с неприятием репрессий против коммунистов.

Отдельно остановимся на том, что имел в виду Е.М. Примаков, когда писал, что США способствовали формированию мировоззрения С. Хусейна. Можно предположить, что начало американского влияния на молодого иракского лидера было положено еще в 1959 г. Тогда с участием 20-летнего Хусейна партией Баас было совершено неудачное покушение на Касема. Во время него Саддам был легко ранен, ему удалось бежать в Бейрут с помощью ЦРУ и египетской разведки. В столице Ливана его поддерживали местные резиденты ЦРУ, оплачивая проживание и иные расходы, а позже помогли ему переехать в Каир. Можно предположить, что двойные стандарты внешнеполитического поведения США в период становления личности Хусейна и заложили основы его неоднозначной политики в будущем.

Возвращаясь к партии Баас, которая пришла к власти в 1968 г., необходимо отметить, что новое руководство страны осталось равнодушным

¹ Партия Баас была образована в Сирии в 1947 г. Она имела свои отделения как в Сирии, так и в Ираке.

² С 8 февраля 1963 г. ас-Саади одновременно был премьером при правительстве Хасана аль-Бакре и, что особенно важно, министром внутренних дел.

к неоднократным попыткам США восстановить дипломатические отношения с Ираком. Несмотря на то, что в Багдаде в посольстве Бельгии находилась «секция интересов США», а в Вашингтоне, в посольстве Индии, аналогичная «секция иракских интересов» (при этом дипломатические контакты проходили на уровне чиновников низкого ранга), Ирак проявил интерес к налаживанию официальных связей с США лишь в 1984 г., в разгар ирано-иракской войны.

Если влияние США в Ираке в этот период фактически сошло на нет, то оно усилилось в других странах Персидского залива. Это было связано также и с тем, что в 1968 г. английские власти пришли к выводу о необходимости пересмотра форм своего военного присутствия в регионе. Рост военных и иных расходов в других областях мира и очевидное политическое ослабление Лондона после Суэцкого кризиса 1956 г., а также возникновение очагов национально-освободительного движения в регионе Персидского залива не позволяли Великобритании тратить деньги на содержание вооруженных сил в этом регионе. На практике это означало, как верно заметил И.А. Александров, «прекращение его (Лондона. – К.Б.) протекторатных обязательств, в частности в плане обеспечения военной защиты аравийских монархий» [1, с. 265]. Разумеется, это не означало экономического ущемления интересов Англии. Координируя свои планы с США, Лондон планировал постепенно заменить свое военное присутствие американским, что поначалу воодушевило Вашингтон. Еще с 1949 г. на о. Бахрейн дислоцировалось специальное ближневосточное подразделение ВМС США, состоящее из 3–5 кораблей; там же находился штаб этого отряда. Теперь же, после пересмотра Англией своей позиции, военные корабли США стали появляться и непосредственно в Персидском заливе, что крайне беспокоило Ирак и против чего он категорически возражал.

В целом, нельзя не согласиться с мнением Ш.А. Ниязматова, который отметил, что «курс, взятый Соединенными Штатами, практически совпадал с тем, который проводила до них Англия, и целью которого было обеспечить интересы Запада при опоре на местные монархические, консервативные и реакционные режимы...» [9, с. 45]. Однако, анализируя политику США в конце 1960-х – первой половине 1970-х гг. в районе Персидского залива, можно сделать вывод, что США не были готовы полностью возложить на себя ответственность за безопасность нефтяных монархий в военной и политической областях.

По нашему мнению, это было связано с двумя факторами. Во-первых, если Англия обладала колоссальным опытом как бывшая метрополия, умела в какой-то степени вникать в проблемы зависимых от нее территорий и хотя бы сглаживать их, то США не только не хотели вникать

в проблемы периферии, но и уж тем более их решать. Современность доказывает: как они не умели их решать в прошлом, так и не умеют до сегодняшнего дня. (Пришел, увидел, разбомбил – вот, собственно, все решение).

Во-вторых, в 1969 г. как результат уже на тот период провальной войны во Вьетнаме появилась доктрина президента США Р. Никсона, согласно которой американские войска не должны быть использованы вне пределов стран НАТО. Тем не менее, США не отказывались от снабжения зависимых от них стран оружием, в результате чего уже в начале 1970-х гг. был увеличен экспорт военных материалов в эти страны, что способствовало росту их военно-промышленного комплекса и усилению в них милитаристских тенденций. Такая политика США не могла не привести к возрастанию роли военных институтов в странах Залива. (Это важно, поскольку именно США, подпитывая военную экономику в шахском Иране, уже в XXI в., когда Иран давно перестанет быть «шахским», будут подозревать его, в частности, в создании атомного оружия.)

Если сразу после Второй мировой войны главным форпостом США на Ближнем Востоке был Израиль, после 1953 г. – Иран³, то практическое осуществление «доктрины Никсона» добавило к предыдущим двум «оплотам» Саудовскую Аравию. Такая политика США получила название «полторы опоры»: Израиль, Иран и Саудовская Аравия.

Таким образом, поскольку военно-стратегическое и экономическое положение стран Персидского залива в системе американских внешнеполитических интересов повысилось, то, следуя основной своей стратегии – сохранить контроль над регионом и не допустить там распространения влияния СССР, США изменили свою тактику.

С одной стороны, можно в какой-то мере согласиться с мнением крупного специалиста по истории «нефтяного вопроса» Д. Ергина, полагавшего, что американцы были обеспокоены тем, что Ирак, который уже стал получать вооружение от СССР, вынашивал планы установления своего господства над Персидским заливом и его нефтью [5, с. 595]. С другой стороны, можно понять и Ирак, который, единственный в Заливе, являлся республикой, сопротивлялся поползновениям США и бывших колониальных держав, прежде всего Великобритании, в попытке отстоять свою независимость.

Неудивительно, что Ирак старался сблизиться с СССР. 9 апреля 1972 г. по инициативе иракской стороны был подписан советско-иракский Договор о дружбе и сотрудничестве. Еще в 1971 г. была оглашена

³ U.S. Department of State. Foreign Relations of the United States. Washington, D.C.: GPO 1948–90 (FRUS): Iran, 1951–954. Pp. 854–857.

Хартия национального действия, в которой была закреплена социалистическая ориентация Ирака. (Тут следует четко понимать, что «социалистическая ориентация» – скорее лозунг, нежели что-то материальное. Ирак оставался капиталистической страной, где действовали основные законы западной экономики.) Что касается военного сотрудничества, то Ирак предоставил СССР свои авиабазы, а иракские военные отправлялись в Советский Союз в качестве курсантов военных училищ.

Русский язык богат афоризмами, и знаменитая поговорка советских времен «Кто не с нами – тот против нас» прекрасно характеризует политику США не только в странах Персидского залива, но, как сейчас уже ясно, во всем мире.

Персидский залив – это зона важнейших интересов западных нефтяных монополий, т.н. «Семи сестер»⁴. Долгое время Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК), образованная в 1960 г., сохраняла фиксируемую цену на нефть. Однако начиная с 1970 г. члены ОПЕК стали добиваться увеличения своих прибылей. Цена на нефть на мировом рынке оставалась прежней, 3 долл. за баррель нефти (до октября 1973 г.), но страны-экспортеры добились выплаты им от нефтяных монополий 55% прибыли от продаж. Весной 1971 г. на совещании ОПЕК в Триполи было вынесено решение увеличить ставки налогов с монополий с 55 до 60%. Нефтяным компаниям пришлось согласиться не только с этим, а также и с тем, что была повышена справочная цена на нефть в полтора раза. Кроме того, «сестры» согласились и на реинвестицию той части денежных средств, которые они до этого переводили в качестве своих доходов в иностранные банки. В итоге соглашения Алжир, Ирак и Саудовская Аравия повысили «внутренние» цены на свою нефть.

Привязанность стран ОПЕК к курсу валюты США, который стал падать в связи, в частности, с объявлением Никсона о невозможности свободного обмена доллара на золото, послужила причиной созыва экстренного совещания стран-экспортеров нефти в сентябре 1971 г. в Бейруте. На этом совещании были приняты две резолюции, в одной из которой говорилось об увеличении цен на нефть, что смогло бы покрыть потери стран-экспортеров нефти от девальвации доллара. Вторая резолюция уже в большей степени затрагивала интересы нефтяных компаний, поскольку она повышала значимость стран-экспортеров нефти в их участии в нефтяном бизнесе.

Еще в начале 1969 г. была создана региональная Организация арабских стран-экспортеров нефти – ОАПЕК. В декабре 1971 г. на сессии

⁴ Шесть крупнейших англосаксонских корпораций и одна французская.

в Абу-Даби был принят новый устав организации, в котором во главу угла ставилась координация политики арабских стран в вопросах углеводородного сырья как основного источника их национального богатства и, соответственно, их дохода. Таким образом, страны-производители нефти стали делать попытки установить свое лидерство в распоряжении «жидким золотом», что означало наступление на позиции нефтяных монополий. Этот устав вызвал отрицательную реакцию как Лондона, так и Вашингтона. В свете того, что теперь США отвечали за «безопасность» стран Персидского залива, именно они особо резко отреагировали на него, заявив, что могут создать некие альтернативные нефтяные центры, что сможет затормозить сбыт нефти, добытой в Персидском заливе [1, с. 338].

До июня 1972 г. в области нефтедобывающей промышленности в Ираке господствовала ИПК. Преследуя собственные интересы, она стала проводить политику искусственного сдерживания добычи нефти в стране, в результате чего Ирак по приросту добычи нефти стал занимать одно из последних мест на Ближнем Востоке, и это несмотря на высокую продуктивность иракских нефтяных залежей. Более того, с января 1972 г. «сестры» стали проводить политику еще большего снижения добычи нефти в Ираке, объясняя это тем, что она перекачивается по нефтепроводам, что повышает ее стоимость. При подобной политике добыча нефти в Ираке в 1972 г. должна была уменьшиться в два раза [8, с. 236]. Встает закономерный вопрос: чем такая политика была выгодна ИПК? Дело в том, что мировые цены на нефть не изменились, а иностранные компании, работавшие на Ближнем Востоке, поставляли нефть собственно в свои же страны (поэтому им было не нужно повышать цены); они могли договориться друг с другом о производительности и ценах на нефть. И необходимо отметить, что ИПК была одной из самых крупных компаний в регионе: она могла диктовать условия и добиваться их выполнения. Были и другие мотивы, уже политического характера. Можно предположить, что новое правительство Ирака не устраивало ИПК своей антизападной направленностью, и компания установила свои экономические санкции. Однако, учитывая, что уже была проведена беспрецедентная национализация Суэцкого канала в 1956 г., англичане должны были понимать, что их санкции могут привести к новой национализации. Более вероятно, что эти санкции были спровоцированы Вашингтоном, которому ИПК создавало конкуренцию.

Экономические санкции вынудили Ирак обвинить ИПК в «подрывной деятельности». Багдад утверждал, что сокращение добычи нефти лишило государственную казну 33 млн долларов только за последние три недели. ИПК «был предъявлен ультиматум, в котором требовалось,

чтобы компания увеличила нефтедобычу до полной мощности нефтепроводов, разработала срочный план нефтедобычи в Ираке и предприняла меры для обеспечения его выполнения» [15, р. 55]. ИПК было дано две недели на ответ, причем правительство Ирака оставило за собой право «предпринимать любые шаги, которые оно сочтет необходимыми, чтобы защитить законные национальные интересы» [Там же].

1 июня 1972 г. иракское правительство выпустило декрет о национализации нефтяной промышленности. Вполне вероятно, что Ирак пошел на такой шаг, учитывая, что он уже мог опираться на поддержку Советского Союза. Из солидарности с Ираком Сирия также национализировала собственность ИПК, находящуюся на ее территории. После этого в Алжире была проведена 8-я конференция участниц Лиги арабских государств (ЛАГ), на которой участники заявили о своей солидарности с Ираком; в свою очередь страны-члены ОАПЕК создали специальный фонд помощи Ираку и Сирии, которые в связи с перестройкой нефтяной промышленности терпели убытки.

На июньской чрезвычайной сессии ОАПЕК в Ливане была принята резолюция, которая ставила условие западным нефтяным монополиям не заменять иракскую нефть увеличением экспорта нефти из других арабских государств. Такой прецедент уже имел место в 1951–1954 гг., когда была национализирована иранская нефть и «сестры» смогли ее бойкотировать. В 1972 г. бойкот иракской нефти уже не удался, поскольку Ирак начал двусторонние переговоры с рядом европейских стран и Японией, минуя монополии, входящие в Международный нефтяной картель. Это, безусловно, явилось прецедентом в установлении двусторонних связей между странами-производителями и странами-потребителями нефти, а также в дальнейших отношениях нефтедобывающих стран и нефтяных компаний.

Национализация нефтяных компаний в Ираке, Сирии и Алжире произвела настолько серьезное впечатление на «сестер», что они приняли решение отдать 25% своих акций странам-производителям нефти в Персидском заливе, пообещав увеличить их долю участия в капиталах компаний к 1981 г. до 51%. Более того, в июне 1973 г. нефтяные компании согласились компенсировать потери пяти стран Персидского залива (Ирака, Кувейта, Саудовской Аравии, ОАЭ и Катара) и Ливии в результате девальвации доллара.

Через месяц в Женеве были подписаны соглашения, в результате которых эти страны добились очередного повышения цен на внутреннюю стоимость своей нефти. Была достигнута и договоренность гарантировать интересы стран-экспортеров нефти в случае дальнейшего обострения валютного кризиса на Западе.

В итоге актов национализации и иных соглашений предшествующего периода в 1973 г. в странах-производителях нефти поступления от каждого барреля превысили вдвое уровень 1970 г. Если общий прирост доходов нефтедобывающих стран в 1960 г. составлял не более 2 млрд долларов, то в 1973 г. он достиг около 20 млрд [2, с. 178].

Как известно, США только выиграли от национализации Суэцкого канала в 1956 г., поскольку последовавшая за этим Тройственная агрессия и ее полный провал привели к возможности провозглашения доктрины президента Д. Эйзенхауэра, которая закрепила лидирующее положение США в ближневосточном регионе. Однако необходимо отдать должное эмпирическим исследованиям американцев (которым, они, правда, редко следуют), предрекавшие возможную волну дальнейшей национализации в регионе. В данном случае еще в 1962 г. в законодательство США была введена поправка, действовавшая до 1973 г., согласно которой Вашингтон прекращал свою помощь тем странам, где была национализирована собственность активов американских компаний без выплаты им компенсаций. Другая поправка была принята в 1972 г., в ней правительству США запрещалось санкционировать займы международных финансовых организаций странам, которые экспроприируют американскую собственность [14, р. 396–421].

19 января 1972 г. Никсон в своем заявлении «О политике США по вопросу экономической помощи и безопасности капиталовложений в развивающихся странах» хоть и подтверждал «право суверенных государств национализировать иностранную собственность», однако выдвигал условие, что национализация «должна сопровождаться выплатой владельцам этой собственности быстрой, достаточной и эффективной компенсации»⁵. Согласно законам США, эта компенсация предусматривала не только покрытие стоимости экспроприированных активов, но и должна была возмещать потерю тех потенциальных прибылей, которые могли бы быть получены монополиями в период до истечения юридического срока аннулированного концессионного соглашения [11, р. 476].

В июле 1973 г. С. Хусейн дал интервью американскому журналисту, заявив, что Ирак желает независимости от иностранного вмешательства и будет придерживаться нейтралитета в конфликте великих держав. Поскольку Ирак уже заключил двусторонние отношения по поводу нефти, Хусейн мог говорить более свободно: «Иракцы не могут пить нефть, а наши рынки находятся на Западе и в Японии». Хотя Ирак считает политику США враждебной, «я никогда не закрою двери для

⁵ International Economic Report of the President, March, 1975. Washington, 1975. P. 55.

любых позитивных политических сдвигов, которые могут изменить наши отношения»⁶.

Кроме того, Хусейн не мог не понимать, что национализация нефтяной промышленности Ирака нашла полную поддержку со стороны Советского Союза, для которого знаменовала победу над иностранным контролем в экономике государства. Кроме того, после смерти президента Египта Г.А. Насера в 1970 г. его преемником становится А. Садат, который начал проводить политику, противоположную позиции Насера. Из Египта были удалены советские специалисты, а Садат пошел на сближение с США. С одной стороны, это был удар по позициям и престижу Советского Союза в регионе, с другой – поскольку Египет и Ирак находились в антагонистических отношениях друг с другом, нашей стране приходилось помогать двум почти враждующим государствам. Теперь фактически вся помощь была направлена в сторону Ирака.

Поддержка СССР в решении проблемы создания собственной нефтяной промышленности была оказана Ираку незамедлительно. За 3 года после национализации при помощи советских специалистов были запущены нефтяные промыслы Северной Румейлы, оснащенные новейшим, по тем временам, оборудованием, откуда по нефтепроводу к порту Фао на р. Шатт-аль-Араб потекла первая нефть, добытая народной промышленностью. В последующие годы с помощью советских специалистов в Ираке были введены в эксплуатацию десятки крупных промышленных объектов.

Как и все ведущие страны-экспортеры нефти, Ирак пытался направлять свои доходы от экспорта «черного золота» главным образом на развитие национального хозяйства и решение социальных проблем в стране. Поскольку в 1970-е гг. увеличилась не только эксплуатация природных ресурсов, но и возросла мировая цена на нефтепродукты, Ирак мог развиваться более интенсивно.

Ирак, традиционно являвшийся аграрной страной, стал делать шаги в сторону индустриализации, став одной из самых развитых стран региона Ближнего и Среднего Востока. Ставка на индустриализацию явилась следствием влияния советского опыта построения социализма и не во всем была удачной. Однако в Ираке появились предприятия обрабатывающей промышленности в сфере нефте- и газохимического производства, а также ряд объектов машиностроения и промышленно-сборочного оборудования. Получили интенсивное развитие инфраструктура, транспорт и связь: автострады, железные дороги, авиация,

⁶ Onis J., de. Iraqi says he'd welcome better relations with the US. *New York Times*. 1973. 15 July. P. 1.

теле- и радиокommunikации и пр. Была проведена масштабная национализация крупной промышленности.

В 1971 г. при поддержке Советского Союза и Чехословакии заработал завод по выпуску тракторов. Разумеется, для любой компании, производящей агротехнику, она является побочным продуктом военной индустрии. В Багдаде и Басре были построены предприятия по ремонту техники, а недалеко от Басры был построен завод искусственных удобрений, который полностью работал на иракском сырье [7, с. 60]. В 1971 г. в Самарре была запущена также с помощью СССР фабрика по производству лекарств.

Что касается аграрного сектора экономики, то и там проходили серьезные изменения. Земельная реформа, проведенная после революции 1958 г., невольно вынудила крестьян выжимать все возможное из земли, что привело к засолению почвы из-за нехватки водных ресурсов. При С. Хусейне в деревне были проведены дренажные системы, а также линии электропередач. После прихода к власти партия Баас стала организовывать в селах колхозы, однако позже они были распущены вследствие непопулярности среди крестьянства, а также несоответствия особому иракскому пути развития деревни. Интересно, что баасистская программа аграрных реформ подразумевала, в частности, ограничение миграции в города и создание предпосылок для возможной реурбанизации. При этом в деревне проводилась механизация, использовались новейшие удобрения и пестициды.

Поскольку в иракской деревне еще оставались пережитки родоплеменных отношений, а также клановость (в городах тоже), Баас прилагала усилия, чтобы ограничить власть патриарха в большой семье в пользу нуклеарной, что, в свою очередь, вело к равенству между полами.

Благодаря высоким нефтяным доходам, а также помощи СССР, в стране происходил значительный рост общего жизненного уровня населения: в целом был сокращен разрыв между доходами имущих и малоимущих слоев. Страна пережила бум развития системы народного образования, которым было охвачено практически все подрастающее поколение, а также в значительной степени и взрослое население Ирака. Учитывая, что более половины населения Ирака составляла молодежь, в стране создавались организации наподобие пионерской и комсомольской.

Необходимо отметить, что баасистское руководство действительно очень серьезно отнеслось к повышению уровня грамотности населения, образования в целом, что было закреплено в Конституции 1971 г., в которой декларировалось бесплатное образование на всех ступенях. Особое внимание было уделено образованию женщин с целью дальнейшего вовлечения их в процесс общественного производства.

В Багдаде и провинциальных центрах были открыты университеты, политехнические и сельскохозяйственные вузы и техникумы, организована широкая подготовка национальных кадров, потребность в которых возрастала в связи с интенсивным развитием национальной экономики. И в данной области Советский Союз оказывал значительную поддержку Ираку: тысячи иракцев прошли обучение в различных советских учебных заведениях.

Чрезвычайно большое внимание во внутренней политике иракского руководства уделялось укреплению национальной армии и органов правопорядка. В результате крупных затрат в этой сфере, широкой подготовки офицерского корпуса и оснащения современной военной техникой, иракские вооруженные силы превратились в одну из самых сильных армий не только на Ближнем Востоке, но и в масштабах Азии.

Итак, с приходом к власти партии Баас Ирак сделал большой рывок в развитии народного хозяйства. Однако наряду с общими успехами наблюдалось наличие серьезных противоречий и нерешенных проблем, которые впоследствии сыграют с Ираком злую шутку.

Две из них касаются внутренних противоречий, которые терзают страну и по сей день. Первая – это шиитский юг. Эта проблема, выходящая за рамки данной статьи, сыграла важную роль в развязывании ирано-иракской войны и до сих пор остается злободневной. На рассматриваемый период она являлась раздражающим фактором как для Ирака, так и для Ирана.

Вторая – это проблема иракского Курдистана. Курды являли собой организованное меньшинство, выступавшее против усиления западного влияния в стране. В марте 1970 г. баасистское правительство одобрило автономию курдов: курды, наряду с арабами, были провозглашены основной национальностью Ирака. Важно, что курды, пережив в свое время угнетение со стороны монархии, были изначально против возвращения к прозелитизму. Однако в Курдистане существовали и сепаратистские тенденции, которые поддерживал шах Ирана. Когда в 1972 г в Курдистане вспыхнуло сопротивление против центра во главе с М. Барзани, курдам стали помогать иранцы и, что особенно важно, американцы. Шах стал снабжать курдских повстанцев оружием, а, как известно, после операции «Аякс», когда был свергнут М. Моссадык, владыка Ирана стал всецело предан Вашингтону. Изначально СССР ратовал за баланс сил между арабским большинством и курдским меньшинством. Более того, сотрудничество между Баас и Демократической партией Курдистана казалось логичным. Однако после национализации ИПК ситуация поменялась. М. Барзани занял прозападную позицию в надежде, что Курдистан отделится от Ирака (в Курдистане, как известно, также находятся значительные залежи нефти). Отделение

Курдистана от Ирака означало бы не только потери доходов Ирака, но и падение престижа партии Баас.

Таким образом, Советский Союз начал всецело помогать Ираку. Хотя для СССР такое решение явило собой весьма сложный выбор, учитывая многонациональность нашей страны и постоянную поддержку малых народов. Кроме того, у партии Баас были очень неоднозначные отношения с Коммунистической партией Ирака (КПИ), что являлось еще одним «раздражающим» фактором для Москвы. После революции 1958 г. КПИ вышла из подполья и в короткие сроки стала одной из самых влиятельных партий марксистского толка на Ближнем Востоке [12, р. 130]. С приходом к власти баасистской партии КПИ стала терять позиции и выступила с инициативой создать свою «Хартию», в которой предполагалось сотрудничество всех национальных сил. Партия Баас в целом откликнулась на этот призыв под лозунгом «Объединенного фронта». Однако в начале 1970-х гг. отношения между Баас и КПИ обострились, что было вызвано, видимо, боязнью (абсолютно необоснованной) Баас по поводу завоевания КПИ лидирующих позиций в иракском обществе.

Советский Союз вновь оказался в тяжелой ситуации. С одной стороны, баасистское правительство было действительно прогрессивным, проводило антиимпериалистическую внешнюю политику и вполне отвечающую интересам СССР внутреннюю. С другой стороны, преследование коммунистов не могло не разочаровать советское правительство, которое вынуждено было проводить примирительную политику. Необходимо отметить, что такая позиция иракских баасистов доказывает, что она была как независимой, так и недалёковидной.

Таким образом, революция 1968 г., по своей сути буржуазная, привела к власти партию Баас, которая правила в стране до 2003 г. Благодаря революции, ситуация в Ираке в целом стабилизировалась, страна стала проводить независимую внешнюю политику.

В октябре 1973 г. произошла очередная арабо-израильская война, которая, с одной стороны, обнажила проблемы не только иракского общества, но и всего арабского мира, с другой – обусловила дальнейшую политическую и иную направленность курса арабских стран.

Библиографический список / References

1. Александров И.А. Монархии Персидского залива: этап модернизации. М., 2000. [Aleksandrov I.A. Monarhii Persidskogo zaliva: etap modernizacii [Monarchies of the Persian Gulf: The stage of modernization]. Moscow, 2000.]
2. Андреасян Р., Казюков А. ОПЕК в мире нефти. М., 1978. [Andreasyan R., Kazuykov A. ОПЕК v mire nefi [OPEC in the world of oil]. Moscow, 1978.]
3. Белоусова К.А. Революция в Ираке 1958 г. и изменение ситуации на Ближнем Востоке // Локус: люди, общество, культуры, смыслы, 2019. Т. 10.

- № 4. С. 48–59. [Belousova K.A. Iraq revolution in 1958 and change of Middle Eastern situation. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2019. Vol. 10. No. 4. Pp. 48–59. (In Rus.)]
4. Белоусова К.А. Роль Запада в иракских переворотах 1963 года // Преподаватель XXI век. 2020. № 1. Ч. 2. С. 258–267. [Belousova K.A. Role of the West in Iraqi coup of 1963. *Prepodavatel XXI vek*. 2020. No. 1. Issue 2. Pp. 258–267. (In Rus.)]
 5. Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М., 1999. [Ergin D. Dobycha. *Vsemirnaya istoriya borby za neft, dengi i vlast* [The prize: The epic quest for oil, money, and power]. Moscow, 1999.]
 6. Кива А.Н. «Арабская весна»: свет и тени // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 73–87. [Kiva A.N. “Arab Spring”: Light and shadows. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2015. No. 4. Pp. 73–87. (In Rus.)]
 7. Мальшев Е.В. Армия и военное строительство в Ираке: 1968–1988 // Восток (Oriens). 2013. № 2. С. 54–65. [Malyshev E.V. Army and military construction in Iraq: 1968–1988. *Vostok (Oriens)*. 2013. No. 2. Pp. 54–65. (In Rus.)]
 8. Медведко Л.И. К востоку и западу от Суэца. М., 1980. [Medvedko L.I. *K vostoku i zapadu ot Sueca* [To the East and West of Suez]. Moscow, 1980.]
 9. Ниязатов Ш.А. Ирано-иракский конфликт. Исторический очерк. М., 1989. [Niyazmatov Sh.A. *Irano-irakskiy konflikt. Istoricheskiy ocherk* [The Iran-Iraq conflict. Historical essay]. Moscow, 1989.]
 10. Примаков Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами. М., 2006. [Primakov E.M. *[The Middle East: On the stage and behind the scenes]*. Moscow, 2006.]
 11. Akins J.E. The oil crisis. This time the wolf is here. *Foreign Affairs*. 1973. April. Vol. 51. No. 3.
 12. Iraqi Communist Party. *World Marxist Review*. 1973. October. No. 16. P. 130.
 13. Khadduri M. *Socialist Iraq*. Washington, 1978.
 14. Lipson C.H. Corporate preferences and public policies: Foreign aid sanctions and investment protection. *World Politics*. 1976. April. No. 28. Pp. 396–421.
 15. Smolansky O.M., Smolansky B.M. *The USSR and Iraq. The Soviet quest for influence*. Darham; London, 1991.

Статья поступила в редакцию 04.01.2022, принята к публикации 07.02.2022

The article was received on 04.01.2022, accepted for publication 07.02.2022

Сведения об авторе / About the author

Белоусова Ксения Андреевна – доктор исторических наук; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Ksenia A. Belousova – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of European and American Countries of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

E-mail: thevp@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-103-120

Н.С. Иванов

Институт всеобщей истории Российской академии наук,
119334 г. Москва, Российская Федерация

Британия и независимость Уругвая (1814–1830 гг.)

Автор анализирует на примере Уругвая основные методы экономической, дипломатической, военной политики Великобритании по созданию независимых государств в Латинской Америке. Актуальность темы состоит в том, что британская стратегия в странах «Третьего мира» (к числу которых относятся государства Латинской Америки) в течение двух веков является частью общественно-политического дискурса и оказывает большое влияние на характер формирования антиимпериалистической идеологии. Тем не менее, генезис нового подхода Лондона, получившего название «неформальной империи» и сформированного в начале XIX в., практически не получил освещения в отечественной историографии. Автор впервые, на основе детального изучения источников, ставит вопрос о специфике и характере этого направления, связанном с латиноамериканской политикой Великобритании. Раскрывая экономическую, дипломатическую и военную подоплеку образования независимого Уругвая в первой трети XIX в., автор акцентирует внимание на тех аспектах политики Британии, которые в наши дни в несколько модифицированном виде агрессивно вторгаются в жизнь многих стран под названием «мягкая сила», «гибридная война», «цветные революции», поощрение сепаратизма. Выводы автора принципиально отличаются от апологетического подхода официальной западной

© Иванов Н.С., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

историографии, считающей «в высшей степени благотворной» позицию Лондона в Войне за независимость Латинской Америки. На самом деле, стратегия Британии состояла в поощрении сепаратистских движений, конфликтов между новыми государствами, создании «буферных зон» для обеспечения своих интересов, замены испанской «формальной» империи на британскую «неформальную».

Ключевые слова: Великобритания, Уругвай, Война за независимость (1810–1826), аргентино-бразильская война (1825–1828), лорд Р.С. Каслри, Дж. Каннинг

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Иванов Н.С. Британия и независимость Уругвая (1814–1830 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 1. С. 103–120. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-103-120

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-103-120

N.S. Ivanov

Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 119334, Russian Federation

Britain and the Independence of Uruguay (1814–1830)

The author analyzes main methods of the economic, diplomatic, and military policy of Great Britain used to create independent states in Latin America on the example of Uruguay. The relevance of the subject is determined by the fact that the British strategy in the “Third World” countries (which include the Latin American states) has been part of the socio-political discourse for two centuries and has a great influence on the nature of the formation of anti-imperialist ideology. Nevertheless, the genesis of the new approach of London, called the “informal empire” and formed at the beginning of the XIX century, was practically not analyzed in Russian historiography. The author for the first time, on the basis of a detailed study of the sources, raises the question of the specifics and nature of this phenomenon associated with the Latin American policy of Great Britain. Revealing the economic, diplomatic and military background of the formation of an independent

Uruguay in the first third of the XIX century, the author focuses on those aspects of British policy that today, in a somewhat modified form, aggressively force their way into the life of many countries under the name of “soft power”, “hybrid war”, “color revolutions”, the encouraging of separatism. The author’s conclusions are fundamentally different from the apologetic approach of the official Western historiography, which considers London’s position in the War for the Independence of Latin America (1810–1826) “the most beneficial” for the Latin American countries. In fact, British strategy was to encourage separatist movements, conflicts between new states, to create “buffer zones” in order to ensure its interests, to replace the Spanish “formal” empire with the British “informal” one.

Key words: Great Britain, Uruguay, the War of Independence (1810–1826), the Argentine-Brazilian War (1825–1828), Lord R.S. Castlereagh, G. Canning

FOR CITATION: Ivanov N.S. Britain and the Independence of Uruguay (1814–1830). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 1. Pp. 103–120. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-103-120

Участие Великобритании в борьбе за освобождение Латинской Америки от власти Испании и Португалии всегда было излюбленной темой в британской историографии. Официозные историки «мейнстрима» считали и считают практически «безукоризненной» позицию, которую заняли власти Лондона в ходе Войны за независимость (1810–1826).

Ч. Вебстер [19], Дж. Линч [8], Э. Макферлейн [12], Р. Миллер [14], М. Родригес [16], У. Кауфман [7] и др. пишут о «грандиозном» материальном, политическом, дипломатическом и военном вкладе Альбиона в освободительную борьбу. Подчеркивается «бескорыстие» англичан, отдавших свои жизни за свободу и независимость латиноамериканцев [19, р. 74–76]. Цитируются резолюции Панамериканского конгресса 1926 г., посвященного столетию Панамского конгресса и С. Боливару, в которых указывается: «Великобритания обеспечила для обретения свободы Испанской Америки не только поддержку своей дипломатии в лице министра иностранных дел Дж. Каннинга, но и значительный воинский контингент, и можно смело утверждать, что в Войне за независимость не было ни одного поля битвы, на котором не пролилась бы британская кровь» [16, р. 741; 19, р. 79].

Однако многочисленные факты, относящиеся к деятельности британцев на южноамериканском континенте в период Войны за независимость, заставляют пересмотреть этот хвалебный подход. Автор в этой связи рассматривает события, связанные с независимостью Уругвая.

Британия, опоздавшая к разделу «американского пирога» в XV–XVI вв. между Испанией и Португалией, пыталась всеми силами наверстать упущенное. Два века беспрестанных нападений английских пиратов на испанские галеоны, перевозившие золото в Мадрид, колоссальные доходы от работорговли и контрабандных операций с испанскими колониями, а также создание собственных владений в Северной Америке в XVII в., не могли удовлетворить алчность англичан, взоры которых были обращены на Южную Америку.

Одной из главных целей стало установление британского контроля над устьем крупнейшей речной системы р. Ла-Плата, по которой шли самые оживленные торговые пути, связывавшие атлантическое побережье с огромной частью континента [5, р. 15–18].

Используя принцип Римской империи «разделяй и властвуй», британцы раздували конфликты между Испанией и Португалией (которую использовали в качестве союзника, а затем фактически превратили ее колонию, Бразилию, в свой бастион в Южной Америке). Для этого, прежде всего, использовалась спорная территория – «Восточный берег» Ла-Платы (Banda Oriental), и англичане подстрекали Португалию к захвату этих земель у Испании.

Во время Семилетней войны 1756–1763 гг., которую У. Черчилль назвал «по-настоящему первой мировой войной» [1, с. 156], испанцы захватили португальскую Колонию-дель-Сакраменто на территории Восточного берега, мотивировав это тем, что городок находится в зоне, которую Мадрид считал частью своей провинции Рио-де-ла-Плата.

В ответ англичане, использовав Ост-Индскую компанию, организовали совместное англо-португальское вторжение на Ла-Плату. Атака флотилии на Колонию-дель-Сакраменто в январе 1763 г. получила отпор со стороны защитников. Флагман англичан линкор «Лорд Клайв» загорелся, взорвался и затонул (среди погибших оказались 272 английских моряка и их командир Р. Макнамара). Другие корабли также получили серьезные повреждения и были вынуждены ретироваться.

Еще одна попытка прямого колониального завоевания Ла-Платы была предпринята англичанами в 1806–1807 гг., во время наполеоновских войн. После высадки и захвата Буэнос-Айреса местные жители организовали сопротивление и победили врага. Затем, в ходе следующей экспедиции, был захвачен г. Монтевидео на Восточном берегу, но испанцы и местные колонисты также разгромили войска англичан [3].

После унижительных поражений на Ла-Плате Лондону пришлось разработать новую тактику, которая была сформулирована в 1807 г. влиятельным британским политиком лордом Р.С. Каслри. Англия, заявил он, должна прежде всего противостоять притязаниям европейских

конкурентов на установление собственной гегемонии в Южной Америке и направить свою политику на «создание и поддержку дружественных нам местных правительств, с которыми будут активно развиваться торговые отношения – единственное, к чему мы стремимся и чего в равной степени должны желать народы Южной Америки» [13, р. 320–321]. Таким образом, Каслри четко обозначил цель Британии – освобождение колоний от власти испанской метрополии и установление «неформального» контроля над новыми государствами.

Примечательным в вышеуказанной формуле Каслри было то, что говорилось о «новых правительствах» во множественном числе, и это явно противоречило всем планам борцов за национальное освобождение, которые мечтали о создании единого мощного государства на территории континента. Но такой гигант явно был бы «не по зубам» британцам и мог в любой момент стряхнуть с себя алчную империю как назойливое насекомое. Поэтому цель «коварного Альбиона» изначально состояла в том, чтобы поощрять местные сепаратистские движения, подпитывать их тщеславие перспективами создания своих «суверенных» государств, стравливать друг с другом.

На первое место вышла поддержка местных оппозиционеров, помощь в антииспанской освободительной борьбе, захват английскими купцами и банкирами ведущих позиций в экономике колоний (пользуясь бедственным положением метрополии), т.е. весь набор средств, которые в наше время называют «мягкой силой» или «гибридной войной».

Высочайшее мастерство в осуществлении этой политики проявилось в том, что Британия умудрялась поддерживать хорошие отношения с деятелями национально-освободительного движения, с их непримиримыми врагами – испанцами (в ходе наполеоновских войн Верховная центральная правящая хунта Испании заключила договор о союзе с Британией), а также со странами Священного Союза (созданного в 1815 г. Россией, Австрией и Пруссией), Португалией и побежденной Францией.

Лондон на словах лицемерно признавал «законные права» Мадрида в отношении южноамериканских колоний, а на деле проводил секретные переговоры с южноамериканскими заговорщиками и оппозиционерами, помогая расшатывать власть метрополии.

Все без исключения важнейшие деятели Войны за независимость (включая «Великого Предтечу» Франсиско де Миранду, «Освободителей» С. Боливара, Х. де Сан-Мартина, Б. О'Хиггинса и других патриотов) побывали в Лондоне, где были приняты на самом высоком уровне. Там же они прошли обряд посвящения в масонские ложи, которые стали главными центрами распространения революционных взглядов

в Южной Америке, обеспечили финансирование и рекрутирование волонтеров для вооруженной борьбы, поставки вооружений.

Ирония состояла в том, что самоотверженную освободительную борьбу против «формальной» испанской империи Лондон мастерски использовал для установления «неформальной» британской. «Святой» лозунг свободы и независимости, за который положили свои жизни десятки тысяч латиноамериканцев, послужил тараном для смены одних господ другими.

Боливар и его соратники понимали, что имеют дело с коварным союзником, который исходит из своих эгоистических интересов. Однако из лондонского Сити (единственного места на планете) шло финансирование освободительного движения. Банкиры выдавали ссуды патриотам под письменные гарантии и высочайшие проценты, мотивируя это «огромным риском подобных операций». Именно таким образом закладывались основы долговой кабалы, в которой страны региона оказались в течение всего периода своего существования.

Первые очаги независимости в Южной Америке были подавлены Мадридом к 1818 г., однако успехи метрополии были кратковременными. С возвращением Боливара в 1819 г. началась освободительная война, которая окончательно похоронила планы испанского короля Фердинанда VII. В ней немалую роль сыграли «контрактники» из Британии, которые (оставшись без работы после окончания наполеоновских войн) за деньги и долговые расписки встали под знамена Освободителя. Наряду с 10-тысячным британским легионом, который был сформирован в нарушение всех заявлений Лондона о «нейтралитете», большую роль сыграли действия флотилии под руководством английского адмирала Т. Кокрейна в водах Бразилии, Чили и Перу.

В 1819 г. власти Мадрида были заняты лихорадочной подготовкой новой военной экспедиции в район Рио-де-ла-Плата. Но она так и не прибыла в Америку, потому что колоссальные расходы на ее организацию полностью подорвали королевскую казну. Экономический крах стал причиной развертывания либеральной революции в Испании. Смена режима, происшедшая на Пиренеях в 1820 г., повлекла за собой глубокие последствия для международной политики и фактически поставила крест на планах восстановления королевской власти в Южной Америке.

Бывшие испанские колонии и Бразилия стали рынком для английских товаров, источником дешевого сырья, местные правительства получали фунты стерлингов под ростовщические проценты. Каннинг не ошибся, когда в 1824 г. писал: «Дело сделано, последний гвоздь вбит,

Испанская Америка свободна, и, если мы не провалим дело сами, она будет принадлежать Англии» [10, р. 796].

С тех пор главной задачей англичан стал раскол прежде единой испанской колонии в Южной Америке на множество «независимых» государств. С этой целью поощрялись все местные движения и, напротив, всеми силами и средствами наносились удары по объединительным инициативам. Главное острие было направлено против планов Боливар сплотить все страны континента в единой федерации демократических республик. Но чаяниям Освободителя не было суждено сбыться: в Панамском конгрессе 1826 г., во многом благодаря подрывной политике Англии, не приняли участие Чили, Объединенные провинции Рио-де-Ла-Платы, Бразилии, Парагвая. В итоге, к концу своего жизненного пути (1830 г.) Боливар пришел с чувством горького разочарования. Его правление закончилось поражением объединительного плана, развалом «Великой Колумбии» и созданием независимых друг от друга стран.

Для закрепления сепаратистских тенденций новые «суверенные» государства умело стравливались друг с другом, и Британия (стоявшая за этими конфликтами) с готовностью играла роль «миротворца», еще туже затягивая местные правительства в свои сети. Так, в 1828 г. разразился вооруженный конфликт между Перу и Колумбией, а в 1825–1828 гг. шла ожесточенная война между Буэнос-Айресом и Бразилией за Восточный берег.

Эта спорная территория занимала особое место в планах Лондона. Великобритания была союзницей Португалии и получила значительные торговые привилегии в Бразилии. После переезда королевского двора из Португалии в Бразилию в 1808 г. принц-регент Жуан (он управлял делами монархии по причине слабоумия своей матери, королевы Марии I) открыл все порты для торговли с англичанами, и это стало примером для других стран Южной Америки. Было выполнено задание Дж. Каннинга «превратить Бразилию в торговый центр для британских мануфактур, предназначенных для распространения по всей территории Южной Америки» [2, р. 55].

Казалось бы, англичанам можно было принять план Карлоты Жоакины (жены Жуана и одновременно урожденной испанской инфанты) и объединить Бразилию, Восточный берег и Буэнос-Айрес под властью Карлоты (в самом радикальном варианте португальцы предполагали установить господство над большей частью Испанской Америки) [19, р. 65]. Однако, исходя из своих стратегических установок, Лондон отнюдь не был заинтересован в усилении Бразилии и приложил все силы для дезавуирования «карлотизма».

В то же время британцы оказали поддержку Буэнос-Айресу, который также претендовал на Восточный берег (резиденция Ф.Х. де Элио, последнего испанского вице-короля Рио-де-Ла-Платы, находилась в Монтевидео, и Верховная центральная правящая хунта Испании была союзницей Британии в эпоху наполеоновских войн).

Во время Войны за независимость население Восточного берега активно участвовало в борьбе против испанцев. К 1814 г. Восточный берег Ла-Платы был освобожден от испанских войск, и в начале 1815 г. Народная ассамблея провозгласила местного каудильо (авторитетного и популярного лидера) Х. Артигаса «Вождем народа Восточной провинции». На территории Федеральной лиги (куда вошли Восточная провинция, Энтре-Риос, Санта-Фе и Корриентес) стали проводить либеральные реформы. В соответствии с новым аграрным законодательством, земли контрреволюционеров передавались гаучо (мелким скотоводам), индейцам, беднякам.

Однако эта «варварская демократия», как ее называли англичане и местные олигархи, не устраивала ни одну из сторон. Поэтому британский посол П. Стрэнгфорд подталкивал португальцев и власти Буэнос-Айреса разрешить эту проблему, причем желательно руками Рио-де-Жанейро. Верховный правитель Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы Х.М. де Пуэйрредон дал согласие на вторжение португальцев в 1816 г. на Восточный берег. После пятилетней героической борьбы силы Артигаса потерпели поражение, и он сам в 1820 г. был вынужден просить убежища в Парагвае.

После захвата Восточного берега португальцами он с 1821 г. был официально включен в состав Бразилии как Восточная Сисплатинская (дословно «находящаяся по эту сторону Ла-Платы») провинция. Некоторые представители тогдашней «элиты» Уругвая с удовлетворением воспринимали «наведение порядка» португальскими войсками, ликвидацию прогрессивных реформ Артигаса («анархии»). Однако многие «восточники» (*orientales*) покинули оккупированную родину и нашли прибежище в Буэнос-Айресе.

В 1822 г. Бразилия провозгласила независимость от Португалии, и португальские войска в Сисплатинской провинции были заменены на бразильские. Хотя правительство бразильского императора Педру I неоднократно заявляло, что не собирается вторгаться в пределы Буэнос-Айреса, Британия давала понять, что целью новых властей Рио-де-Жанейро было расширение владений в Южной Америке. Надо было сравнить две страны, чтобы затем в «миротворческой миссии» создать буферное, независимое государство.

Британские планы создания независимого государства на Восточном берегу зародились задолго до войны и отнюдь не были «следствием неразрешимости конфликта между Бразилией и Аргентиной» (так стали называться Объединенные провинции Рио-де-ла-Плата после принятия конституции 1826 г.), как писали и пишут до сих пор британские историки.

В беседах между Каннингом и Ч. Стюартом (по высказываниям современников, «блестящим и экстравагантным» дипломатом) еще в 1824 г. подчеркивались выгоды от создания независимого государства, однако шеф Форин-офиса указал, что это не должно быть инициативой Лондона: «Реакцией на такое решение сразу же станет обвинение Великобритании в эгоизме; это будет выглядеть так, как если бы она стремилась создать буфер между Буэнос-Айресом и Бразилией, зону британского влияния, которую можно было бы использовать для контроля над их политикой, плацдарм в Южной Америке или замаскированную колонию» [11, р. 154].

Самым «идеальным вариантом» могла быть война между южноамериканскими «гигантами», в результате которой сложилась бы патовая ситуация. И ее, естественно, взялся бы разрешить «самый мудрый посредник» – правительство Британии. Поэтому была разработан многоходовый план, первым этапом которого стало придание Бразилии и Аргентине статуса «суверенных государств».

Португалия после 1822 г. формально находилась в состоянии войны с отделившейся от нее колонией, Бразилией. Объединенные провинции также не имели статуса суверенного государства. Это создавало возможности для вмешательства со стороны европейских держав после начала войны. Поэтому главной задачей британцев стало дипломатическое признание этих стран.

Декларация о независимости Объединенных провинций Рио-де-ла-Плата была подписана англичанами еще в декабре 1823 г. Однако полное дипломатическое признание состоялось именно накануне войны, в 1825 г., когда был ратифицирован «Договор о дружбе, торговле и навигации» между Буэнос-Айресом и Британией.

Что касается Бразилии, то Ч. Стюарт прибыл в 1825 г. в Лиссабон и добился экстраординарного успеха на переговорах с португальским королем Жуаном VI: был назначен его послом с правом ведения переговоров и подписания с Бразилией договора о признании независимости этой страны. Имея такие полномочия, 29 августа 1825 г. Стюарт подписал с бразильцами договор о независимости Бразилии, а 22 ноября (за месяц до начала аргентино-бразильской войны) Жуан VI ратифицировал этот документ. Он признал независимость Бразилии под властью

своего сына дона Педру, получившего официальный статус императора Педру I Бразильского и отказавшегося от прав на бразильский престол.

Роль «запала» в войне сыграли местные движения «восточников» против бразильских «оккупантов», которые поощрялись британцами. Так, в 1823 г. в кабилдо (местный орган самоуправления) Монтевидео созрел заговор с целью организации восстания против бразильских оккупантов. Бывший известный «артигист» Х.А. Лавальеха был одним из его организаторов. После провала заговора Лавальеха бежал в Буэнос-Айрес.

Еще задолго до начала войны английские дипломаты в Монтевидео (прежде всего Т. Худ, ставший впоследствии первым временным поверенным в делах Британии в независимом Уругвае) склоняли местную элиту к борьбе за «суверенный Восточный берег». Итогом их работы стало то, что в 1824 г. местные олигархи сами настаивали на превращении Восточного берега в британскую колонию [21, р. 103]. Однако исходя из основ британской политики, заложенных еще при Каслри, Форин-офис отклонил их просьбу, решив, что не стоит тратить на создание колониальных органов власти, переброску войск, если можно получить гораздо большие выгоды без всяких обременений.

19 апреля 1825 г. (этот день отмечается ежегодно как национальный праздник Уругвая) группа революционеров, вошедших в историю страны под именем «Тридцати Трех героев», под предводительством Х.А. Лавальехи и М. Орибе, получив материальную поддержку и оружие от Буэнос-Айреса, пересекла Ла-Плату и подняла восстание, которое охватило Восточный Берег.

Постепенно повстанцы установили контроль над внутренними сельскими районами. Лавальеха организовал выборы в конгресс, который открылся 17 июня 1825 г. в г. Флориде. И 25 августа (этот день также стал национальным праздником Уругвая – «Днем Независимости») представители из провинций Восточного Берега объявили о независимости от Бразилии, вхождении Восточного Берега в Объединенные Провинции Рио-де-Ла-Плата и учредили временное правительство во главе с Лавальехой. Вопреки нынешней трактовке, «независимость», за которую ратовали повстанцы, отнюдь не означала создания независимого государства, а лишь вхождение Восточного берега в состав Объединенных провинций (будущей Аргентины).

Власти Буэнос-Айреса поначалу вели осторожную политику в отношении Бразилии, армия которой была значительно сильнее. Поэтому предлагали значительную материальную компенсацию за эту территорию, вели дипломатические переговоры, в ходе которых стало очевидно, что бразильцы не собираются отдавать Восточный берег. И после

побед патриотов-«восточников» при Ринконе (24 сентября 1825 г.) и Саранди (12 октября 1825 г.) конгресс в Буэнос-Айресе 25 октября решил включить Восточный берег в состав Объединенных провинций. А 10 декабря 1825 г. в ответ на это император Бразилии Педру I объявил войну Буэнос-Айресу.

Все нити войны находились в руках англичан, и они с легкостью могли прекратить ее в любой момент, особенно учитывая, что военно-морские силы и Аргентины, и Бразилии были сформированы из английских моряков, так что они фактически воевали против своих же соотечественников. Не говоря уже о полной финансово-экономической зависимости двух стран от Лондонского Сити. Однако англичанам надо было создать обстановку «неразрешимости» противоречий без создания нового, буферного государства. Поэтому трехлетние кровопролитные бои были нужны лишь для «закрепления» на долгие годы враждебности между двумя латиноамериканскими гигантами, а также реализации долгосрочных целей Лондона.

Конфликт, продолжавшийся с 1825 по 1828 гг., стал первым в длинной череде «классических» войн в Южной Америке. Несмотря на частые и кровопролитные стычки, ни одна из сторон не получала решающего преимущества. В этом проявилась воля «неформальной империи», которая за счет этих столкновений получала для себя новые преимущества и поддерживала враждебность в отношениях между своими сателлитами.

Начало боевых действий на Ла-Плате англичане представили как «настоящую катастрофу». «Неожиданный» для них конфликт, горько сетовали британские политики, «угрожает разрушить финансовую состоятельность и политическую стабильность как воюющих сторон, так и нанести немалый урон торгово-экономическим интересам Британии» [21, р. 103]. Все силы и вся мощь британской дипломатии, заявляли в Лондоне, «направлены на то, чтобы добиться окончательного урегулирования путем мирных переговоров» [Там же].

Теперь уже можно было готовить почву для выдвижения вопроса о независимости Восточного берега (хотя противоборствующие стороны и не помышляли о подобном варианте). На Ла-Плату был отправлен главный персонаж, который завершил комбинацию Лондона по созданию Уругвая, – лорд Джон Понсонби. Один из лучших британских дипломатов той эпохи, он полностью разделял взгляды Каннинга на необходимость создания независимого государства на Восточном берегу.

В переписке с Каннингом он отмечал, что «независимый Уругвай позволит Британии контролировать водные пути во внутренние районы континента» [Там же], и, помимо того, Монтевидео является лучшим

портом в регионе. Понсонби также предвкушал, что новое государство станет торговым центром обширного бассейна р. Ла-Плата и центром быстрой экспансии британской торговли, капитала и иммиграции. Ла-Плата, по его словам, станет «английской водной артерией и обеспечит господство британской торговли и влияние на всю южную часть континента» [21, р. 104]. Более того, создание нового государства, британского сателлита, поставит непреодолимый заслон возможным притязаниям европейских конкурентов и «североамериканских выскочек» [Там же, р. 105].

В марте 1826 г. посол получил инструкции от Каннинга отправиться в Рио-де-Жанейро и «привести Педру в благоразумное состояние духа» [11, р. 182]. Понсонби представил императору заведомо неприемлемую альтернативу: либо передать Восточный берег Буэнос-Айресу, либо создать там независимое государство. Уже шли военные действия, и любой из предложенных англичанами вариантов рассматривался бы как позорная капитуляция. Педру в ответ предложил предоставить Монтевидео статус «свободного порта на Ла-Плате» [Там же, р. 183]. Но англичанин заявил, что эта уступка «оскорбляет английскую корону, к посредничеству которой решили прибегнуть воюющие стороны» [Там же, р. 184]. И затем отправился в Буэнос-Айрес [Там же; 15, р. 325].

Каннинг отнюдь не испытал раздражения от «провала» миссии Понсонби в Рио-де-Жанейро (что свидетельствует об истинных намерениях Лондона). В его письме послу очевидно звучит удовлетворение от хода событий: «Возможно, вы закладываете гораздо лучшую основу для более эффективного вмешательства во имя Его Величества в будущем, когда события войны вызовут отвращение и истощат обе стороны, чем заявив, что вы выполнили все данные вам инструкции по вопросу о посредничестве, и, в итоге, ваше правительство сможет только глубоко сожалеть о том, что они не привели к хорошему результату» [11, р. 160].

Он явно намекал на то, что Британия заинтересована в продолжении боевых действий и истощении сил обеих сторон, которые должны «сами» прийти к выводу о необходимости заключения договора о мире и создании независимого государства [20, vol. 3, р. 208]. Любопытна поистине фарисейская аргументация Каннинга, которая была направлена на создание независимого Уругвая. Трудность урегулирования вопроса, заявил Каннинг в письме Понсонби, «заключается в том, что ценность Монтевидео для каждой стороны состоит, возможно, не столько в положительной выгоде, которую они могут ожидать от него сами,

сколько в ущербе, который они ожидают от того, что он будет находиться во владении противоположной стороны» [20, vol. 3, p. 202–205].

Полное взаимопонимание между Каннингом и Понсонби дополнялось назначением в 1826 г. на пост посла в Бразилии опытного дипломата Р. Гордона, который продолжал оказывать давление на двор императора Педру.

В ходе военных действий аргентинцы (для которых обладание Восточным берегом имело принципиальное значение как символ завершения Войны за независимость и единства Аргентины) одержали в 1827 г. победу над бразильцами в сражении при Итусайнго и добились главной цели – освобождения большей части Восточного берега, создав также благоприятные возможности для захвата Монтевидео и Колонии-дель-Сакраменто, которые все еще оставались в руках противника.

В феврале 1826 г. конгресс избрал Б. Ривадавию первым президентом Аргентины, и он взял курс на победу в войне с Бразилией. В своей инаугурационной речи Ривадавия заявил, что Восточный берег должен принадлежать Объединенным провинциям и без него страна не может существовать.

Англичане заняли позицию «нейтралитета» и зарабатывали огромные барыши на военных субсидиях, которые предоставляли и Бразилии, и Аргентине.

Как только аргентинцы приблизились к победе, более мощный бразильский флот (укомплектованный английскими моряками) организовал блокаду аргентинских портов. Причем Лондон не только признал блокаду, но и усугубил ее, т.к. торговцы и судовладельцы не могли страховать корабли и грузы, предназначенные в блокированные порты [2, p. 194].

В ответ на письма британского консула В. Пэриша из Буэнос-Айреса, описывающего бедственное положение, в котором оказались английские купцы [4, p. 160], Каннинг категорически отказался деблокировать аргентинские порты под предлогом необходимости «строгого соблюдения нейтралитета» [11, p. 149]. Он сознательно пожертвовал материальным положением английских торговцев в предвкушении гораздо более значимой добычи.

Морская блокада «придержала» натиск аргентинцев и привела к патовой ситуации в военных действиях. Обе стороны понесли ощутимые потери (более 10 тыс. убитых), а «финансовая помощь» Англии привела Бразилию и Аргентину к колоссальным долгам и инфляции.

К этому времени разразился крупнейший финансовый кризис (который начался с паники на Лондонской бирже в 1825 г., охватил Европу,

США и все страны Латинской Америки). В Аргентине произошел первый в ее истории дефолт, она смогла возобновить платежи по долгам лишь через тридцать лет, в 1857 г.

Дж. Понсонби настойчиво требовал от правительства Буэнос-Айреса согласия в превращении территории Восточного берега в независимое государство. Острый кризис и инфляция, которые сопровождались растущим недовольством провинций, заставили Ривадавию принять проект создания независимого Восточного берега. Сразу же после этого, в январе 1827 г., Каннинг «любезно согласился принять участие в поддержании свободного судоходства по Ла-Плате для Бразилии, Буэнос-Айреса, а также для находящегося в процессе создания государства Монтевидео» [11, р. 317].

На переговоры в Бразилию был отправлен близкий к Понсонби известный аргентинский политик М.Х. Гарсия. Под впечатлением экономического коллапса своей страны он подписал парадоксальное и унижительное соглашение, согласно которому Восточная провинция признавалась «оккупированной Бразилией» (хотя к тому времени аргентинская армия освободила практически всю территорию Восточного берега!). Более того, Аргентина должна была выплатить Бразилии большие репарации.

Аргентинцы восприняли подписанный договор как позорную капитуляцию. По стране прокатилась мощная волна протеста. Гарсию обвинили в измене, англичан – в том, что они проводят предательскую, антиаргентинскую политику. В этих условиях Ривадавия отказался от признания договора, и это решение было поддержано конгрессом.

Однако английскому сценарию способствовали восстания в аргентинских провинциях, которые не желали подчиняться «унитариям» из Буэнос-Айреса. В результате сепаратистских бунтов (поощряемых англичанами) Ривадавия в июне 1827 г. был вынужден подать в отставку, распустить правительство и затем эмигрировать в Европу.

В условиях фактического развала страны власть оказалась у губернатора Буэнос-Айреса М. Доррего, которого Понсонби после соответствующей «обработки» убедил в необходимости заключить мирный договор на британских условиях.

Кризис поразил и Бразилию. По мере того, как поражение следовало за поражением, популярность Педру падала, в провинциях стали появляться признаки недовольства, размах которых всячески преувеличивался англичанами [Там же, р. 154]. Очередным «фейком», умело изобретенным Понсонби, стали сведения, якобы полученные им через «секретные каналы», о намерении бразильских генералов свергнуть императора и создать вместо единой страны пять независимых

республик. «Утку» отправили в Рио-де-Жанейро, и там Гордон стал уверять Педру, что все это – «не более, чем слухи». Однако этот «успокоительный» тон еще больше встревожил императора, который изъявил готовность заключить мир на британских условиях [4, р. 191].

В итоге 27 августа 1828 г. в Рио-де-Жанейро была подписана Предварительная мирная конвенция при посредничестве Англии и Франции (британские дипломаты привлекли французов в качестве статистов только для того, чтобы создать видимость «совместных действий европейских держав» – тактика, которую до сих пор используют американцы в своих «коллективных миротворческих акциях»).

По «договору Монтевидео» Бразилия и Аргентина признали Восточный берег независимым от обеих стран и согласились на создание там «свободного и суверенного государства» [9]. «Утешительным призом» для них стала «возможность вмешиваться во внутренние дела нового государства в случае гражданской войны», а также право на одобрение конституции нового государства [Там же].

Новая страна получила название «Восточная Республика Уругвай» (по названию протекающей в ней реки, что переводится с языка индейцев гуарани как «река разноцветных птиц»), и часть территории бывшей провинции была передана Бразилии. В 1830 г., после ратификации Аргентиной и Бразилией, была официально принята Конституция, утверждены флаг, гимн, форма военного мундира. На выборах в том же году первым президентом Уругвая стал Х.Ф. Ривера.

В Великобритании заключение мирной конвенции и образование Уругвая получили всеобщее одобрение. Премьер-министр герцог Веллингтон в своей обычной солдафонской манере подытожил сложившуюся ситуацию. «Я первым скажу, что Республика Буэнос-Айреса сошла с ума, если она не согласится на эти условия, но, если аргентинцы не попытаются захватить Монтевидео, как только дон Педру уйдет отсюда, они в моих глазах перестанут быть истинными республиканцами» [20, vol. 5, р. 171]. Однако вопреки прогнозам Веллингтона сети, сплетенные лордом Понсонби, оказались настолько прочными, что Лондону удалось добиться всех поставленных целей и обеспечить долгосрочное существование Уругвая.

Более всего пострадали от британских планов Бразилия и Аргентина, которые не только лишились прав на Восточный берег, потеряли в ходе войны десятки тысяч убитыми и ранеными, но и погрузились в пучину политического хаоса и острейшего экономического кризиса.

В Бразилии потеря Сисплатинской провинции сыграла немаловажную роль в росте недовольства населения, что привело в 1831 г. к отречению от трона императора Педру I.

Аргентина, захватившая к моменту подписания договора большую часть Восточного берега, потеряла все плоды своих побед. Вернувшиеся с войны аргентинские военные ошибочно приписали заключение уничижительного мира Дорреге. В 1829 г. его сместили с поста губернатора, а затем расстреляли, что стало одной из причин кровавой гражданской войны между унитариями и федералистами.

Британское «посредничество», помимо прочего, привело к перманентной гражданской войне на территории Уругвая [4, р. 165–183; 6, р. 44–45; 17, р. 19–28]. Среди уругвайских каудильо, участвовавших в войне против Бразилии, сразу же начались распри, которые привели к серии кровавых конфликтов – Лавальехи против Риверы, М. Орибе против Риверы и т.д. Эти конфликты подогревались «спонсорами» из Аргентины и Бразилии, а также англичанами, кровно заинтересованными в постоянном раздувании вражды между «латиноамериканскими гигантами».

После создания независимого Уругвая местные пособники «неформальной империи» заняли ведущие места в правительстве молодого государства и проявили полную готовность к сотрудничеству, превращению Монтевидео в главный перевалочный пункт для английских товаров и основной центр британской сферы влияния на континенте. Англичане получили право беспошлинной торговли в стратегическом районе Ла-Платы. Были отменены все барьеры на пути британского импорта, и местные власти униженно добивались посредничества Лондона во всех внутри- и внешнеполитических конфликтах [21, р. 103–105].

Британия добилась своего – создала буферное государство между Аргентиной и Бразилией для обеспечения своих стратегических интересов. Учреждение «маленькой страны» (paisito) как некоей «прокладки» между двумя гигантами, Аргентиной и Бразилией, было навязано для того, чтобы наилучшим образом обеспечить коммерческие интересы англичан, дать им возможность зарабатывать огромные прибыли на посреднической торговле, обеспечить через обширную речную сеть Ла-Платы (пятую в мире по величине системы водных путей) эксклюзивный выход из Атлантики прямо в центр южноамериканского континента.

В течение всего XIX в. Британия продолжала господствовать в Уругвае, захватив сырьевые ресурсы, железные дороги, газ, инфраструктуру, торговлю. Такова была «благородная» и «бескорыстная» цель, которой англичане добились в 1828 г. [2; 10]. Лондон не только укрепил свои господствующие позиции в экономике и политике огромного региона, но и заложил «мины замедленного действия», которые привели к тому, что в течение всего века Уругвай оставался «яблоком

раздора» в отношениях между Аргентиной и Бразилией, создавая напряженность на всем континенте.

Неудивительно, что посланник Соединенных Штатов в Буэнос-Айресе Дж. Форбс охарактеризовал «независимый» Уругвай как «слегка замаскированную колонию» Великобритании [21, р. 103]. Ла-Плата вступила в эпоху «Рах Britannica», которая продлилась вплоть до начала Первой мировой войны.

Библиографический список / References

1. Черчилль У. История англоязычных народов: В 4 т. Т. 3. Екатеринбург, 2012. [Churchill W. Istoriya angloyazychnyh narodov [A history of the English-speaking people]. In 4 vols. Vol. 3. Ekaterinburg, 2012.]
2. Blengio Valdés M. Lord Ponsonby y la independencia de la República Oriental del Uruguay. Montevideo, 1987.
3. Britain and the Americas: Culture, politics and history. 3 vols. W. Kaufman, H. Macpherson (eds.). Santa Barbara (CA), 2005.
4. Ferns H.S. Britain and Argentina in the Nineteenth century. Oxford, 1960.
5. González Mezquita M.L. La Paz de Utrecht y su impacto en el mundo Atlántico. *Anuario de Estudios Americanos, Sevilla (España)*. 2015. Vol. 72. No. 1. Pp. 15–21.
6. Graham-Yooll A. Imperial skirmishes: War and gunboat diplomacy in Latin America. L., 2002.
7. Kaufmann W. British Policy and the Independence of Latin America. Yale, 1967.
8. Lynch J. British Policy and Spanish America, 1783–1808. *Journal of Latin American Studies*. 1969. No. 1. Pp. 1–21.
9. Mainu E.A. 1828 Treaty of Montevideo. Montevideo, 2011.
10. Maldonado L.E. Lord Ponsonby y la independencia del Uruguay. Montevideo, 1987.
11. Manchester A.R. British preeminence in Brazil: Its rise and decline: A study in European expansion. L., 1964.
12. McFarlane A. Relaciones internacionales y guerras coloniales : El context internacional de las independencias americanas. *TEMPUS Revista en Historia General Medellín (Colombia)*. 2016. No. 4. Pp. 256–275.
13. Memoirs and correspondence of Viscount Castlereagh, Second Marquess of Londonderry. C.W. Vane (ed.). In XII vols. Vol. VII. L., 1851.
14. Miller R. Britain and Latin America in the 19th and 20th centuries. L., 2014.
15. Pratt E.J. Anglo-American commercial and political rivalry on the Plata, 1820–1830. *Hispanic American Historical Review*. 1931. Vol. 11. No. 3. Pp. 302–335.
16. Rodriguez M.E. Freedom's mercenaries: British volunteers in the wars of independence of Latin America. In 2 vols. L., 2006.
17. Rosas J.M. Historia Argentina: Unitarios y federales (1826–1841). Buenos Aires, 1841.
18. Temperley H. The Later American policy of George Canning. *American Historical Review*. 1906. No. 11. Pp. 779–797.

19. Webster Ch.K. Britain and the independence of Latin America. 1812–1830. Oxford, 1944.
20. Wellington A. The dispatches of field Marshal the Duke of Wellington. In 12 vols. L., 1844.
21. Winn P. Uruguay and British economic expansion, 1880–1893. Cambridge, 1972.

Статья поступила в редакцию 20.08.2021, принята к публикации 26.09.2021
The article was received on 20.08.2021, accepted for publication 26.09.2021

Сведения об авторе / About the autor

Иванов Николай Серафимович – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник Центра латиноамериканских исследований, Институт всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва

Nikolay S. Ivanov – PhD in History; senior researcher at the Center for Latin American Studies, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

E-mail: nik3334@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-121-140

А.А. Орлов

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Образ Западной Европы в сознании русских писателей XIX века: Н.В. Гоголь, И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой

Произведения знаменитых русских писателей XIX в. (Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого) могут быть проанализированы как исторический источник, поскольку это были ответы русской литературы на вопросы, порожденные кризисами развития России в 1830–1860-х гг. Но это, конечно, были разные ответы, что обусловлено особенностями таланта и временем творческой деятельности названных писателей. Процесс осмысления идейного наследия Западной Европы начался с огромного интереса к способности британцев двигаться вперед, сохраняя уникальное национальное лицо (Гоголь). Творчество Гончарова занимает на этом пути положение связующего звена между Гоголем и Толстым. Гончарову не представляется опасным копирование британских достижений во внешних связях, в колониальной борьбе, в процессе развития и использования средств материального производства. Но, с его точки зрения, русскому у себя дома, на родине, следует, прежде всего, стать самостоятельным человеком, пытаться, насколько возможно, совместить в себе Обломова и Штольца. Процесс осмысления идейно завершился в сочинениях Толстого, где русским предлагалось на основе западного опыта двигаться дальше, прокладывать

© Орлов А.А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

собственные пути национального развития. Толстой со всей силой своего таланта призывает отказаться от некритического следования за Западом, что неизбежно приведет к утрате русскости, и тогда уже не может быть и речи о России как части человеческой цивилизации.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой, Западная Европа XIX в., обобщенный образ англичанина, обобщенный образ француза, обобщенный образ немца (германца), национальные стереотипы

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Орлов А.А. Образ Западной Европы в сознании русских писателей XIX века: Н.В. Гоголь, И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 1. С. 121–140. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-121-140

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-121-140

A.A. Orlov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The image of Western Europe in the minds of Russian writers of XIX century: Nikolai Gogol, Ivan Goncharov, Leo Tolstoy

Works of famous Russian writers of the XIX century (N.V. Gogol, I.A. Goncharov, L.N. Tolstoy) can be analyzed as a historical source, since these were the answers of the Russian literature to questions generated by the crises of the development of Russia in the 1830–1860s. But these, of course, were different answers, due to the peculiarities of the talent and the time of the creative activity of these writers. The process of comprehending the ideological heritage of Western Europe began with a great interest in the ability of the British to move forward while maintaining a unique national identity (Gogol). Goncharov's work occupies the position of a link between Gogol and Tolstoy on this path. Goncharov does not find it dangerous to copy British achievements in foreign relations, in the colonial struggle, in the process of development and use of the means of material production. But, from his point of view, a Russian at home, in his Homeland, should, first

of all, become an independent person, trying, as far as possible, to combine Oblomov and Stolz in himself. The process of comprehending ideologically ended in the writings of Tolstoy, where the Russians were asked, on the basis of Western experience, to move on, to pave their own paths of national development. Tolstoy, with all the strength of his talent, calls for a refusal to uncritically follow the West, which will inevitably lead to the loss of Russianness (Russkos't), and then there can be no question of Russia as a part of human civilization.

Key words: N.V. Gogol, I.A. Goncharov, L.N. Tolstoy, Western Europe of the XIX century, generalized images of an Englishman, generalized images of an Frenchman, generalized images of an German (Nemetz), national stereotypes

FOR CITATION: Orlov A.A. The image of Western Europe in the minds of Russian writers of XIX century: Nikolai Gogol, Ivan Goncharov, Leo Tolstoy. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 1. Pp. 121–140. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-121-140

Произведения знаменитых русских писателей XIX в. (Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого) могут быть проанализированы как исторический источник, поскольку это были ответы русской литературы на вопросы, порожденные кризисами развития России в 1830–1860-х гг. Но это, конечно, были разные ответы, что обусловлено особенностями таланта и временем творческой деятельности названных писателей.

Гоголь в 1830–1840-е гг. особенно интересовался путями сохранения гармонии в человеческой душе. Он искал гармонию повсюду с помощью художественного творчества. В повести «Невский проспект» (сборник «Арабески», 1835 г.) Гоголь поставил точку на увлечении немецкой философией и немецким образом жизни. Здесь для него не было откровения, не было пути к гармонии (подробнее об этом см. [10]). Вообще, чем больше он узнавал какую-либо западноевропейскую страну, тем больше в ней разочаровывался. Это касается даже обожаемой им Италии, хотя и в меньшей степени, чем Германии, Швейцарии или Франции. Гармоничного соединения общества и государства, человека и общества нигде не отыскивалось. *Европа поразит с первого разу, когда въедешь в ворота, в первый город. Живописные домики, которые то под ногами, то над головою, синие горы, развесистые липы, плющ, устилающий вместе с виноградом стены и ограды, все*

это хорошо, и нравится, и ново, потому что все пространство Руси нашей не имеет этого, но после, как увидишь далее то же да то же, привыкнешь и позабудешь, что это хорошо, – писал Гоголь Н.Я. Прокоповичу в 1836 г.¹

Франция поразила Гоголя бестолковой суетой и политическими дрязгами. От житейского мусора скрыться было невозможно. *Жизнь политическая, жизнь, вовсе противоположная смиренной художнической, не может понравиться таким счастливым праздным, как мы с тобою, – писал он Прокоповичу. – Здесь все политика, в каждом переулке и переулке библиотека с журналами. Остановишься на улице чистить сапоги, тебе суют в руки журнал; в нужнике дают журнал. Об делах Испании больше всякий хлопочет, нежели о своих собственных².* По словам литературного критика П.В. Анненкова, Гоголь «не любил... французской литературы, да не имел большой симпатии и к самому народу за “моду, которую они ввели по Европе”, как он говорил, “быстро создавать и тотчас же, по-детски, разрушать авторитеты”³. С Францией как с возможным идеалом гармонии писатель тоже распрощался, поскольку, в отличие от многих современников, успел «освободиться от суетных волнений своей эпохи и поставить себе опережающие ее задачи»⁴.

Англию Гоголь не посетил, возможно, сознательно, хотя такое намерение у него было [5, с. 174]. О стране он судил, прежде всего, по ее искусству и наукам, по интенсивности и насыщенности религиозной жизни, по людям, увиденным на дорогах и в городах Европы, по тем благам жизни (*комфортам*, по его выражению), которые Англия за высокую плату обеспечивала себе и миру, и, наконец, по стереотипам, сформировавшимся в сознании русского человека. Но в чем-то Гоголь, как внимательный и мудрый наблюдатель, отошел от этих стереотипов, сумев предугадать главные направления будущего развития Англии, а, значит, и всей Европы.

Представления Гоголя об Англии и англичанах складывались постепенно из разных кусочков этого трудного пазла. В «Невском проспекте» он отметил деловитость, индивидуализм и практичность англичан. Он на собственном опыте убедился в том, что британцы обладают

¹ Гоголь Н.В. Собр. соч. в семи томах / Под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Храпченко. Т. 7. Письма. М., 1979. С. 143, № 69.

² Там же. С. 151, № 72.

³ Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 2015. С. 36.

⁴ Там же. С. 173–174.

тонким художественным вкусом и техническими навыками. Что это, как не гармония духа и тела, возвышенного и материального?⁵

В петербургский период жизни Гоголь ежедневно получал доказательства такой идеи. Да и где, как не в Петербурге (главном центре масштабной русско-английской морской торговли⁶) было убеждаться в этом. В письме матери от 30 апреля 1829 г. он извиняется: *не забыл моего обещания касательно [покупки для подруги семьи Александры Фёдоровны] филейных иголок, но в британском магазине они все вышли, а русских я не хочу покупать; чуть только доставят их в здешнюю биржу, тот же час повергну их к рукам ее*⁷. В письме к А.С. Данилевскому от 2 ноября 1831 г. читаем: *В здешних (т.е. петербургских. – А.О.) магазинах получено из-за моря столько дамских вещей и прочего, и всё совершенное объядение* (так в тексте. – А.О.)⁸. Один из героев пьесы «Женитьба» (1842 г.), бывший моряк Бальтазар Бальтазарович Жевакин, с восторгом описывает свой мундир из превосходного английского сукна⁹. *Важное аглицкое сукно, из которого сшит фрак Хлестакова и которое тот не ценит (рублём полтораستا ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать)* упоминает слуга Осип в «Ревизоре»¹⁰.

Русские помещики и чиновники, такие, как они появляются в «Ревизоре» (1836 г.) и в первом томе «Мертвых душ» (1842 г.), сами не способны ни к каким переменам и не в состоянии изменить жизнь своих

⁵ В неопубликованной статье «О поэзии [И.И.] Козлова» (написана в 1831–1833 г., 1-я публ. – 1890 г.) Гоголь, например, характеризовал Байрона как творца, охватившего гигантскую мрачную душою всю жизнь мира и... дерзостно посмеявшимся над нею, может быть, от бессилия передать ее индивидуальную светлость и величие (Гоголь Н.В. Собр. соч. в семи томах / Под общ. ред. С.И. Машинского, Н.Л. Степанова, М.Б. Храпченко. Т. 6. Статьи. М., 1967. С. 18). Гоголь удивляется подвигу *этой гордо-одинокой души, исполнински замышлявшей заключить в себе в замену отвергнутого собственный, ею же созданный, нестройный и чудный мир и, обвившись около нее, горько улыбнуться уже несуществующей для нее прежней Илиаде жизни* (Там же, с. 18). Напротив, творчество В. Скотта Гоголь оценивал как животворящее явление. В статье «Об архитектуре нашего времени» («Арабески», 1835) он писал: *Вальтер Скотт первый отряхнул пыль с готической архитектуры и показал свету все ее достоинство. С этого времени она быстро распространилась. В Англии все новые церкви строят в готическом вкусе. <...> Могуцественным словом Вальтер Скотта вкус к готическому распространился быстро везде и проникнул во все* (Там же, с. 86).

⁶ Неболсин Г.[П.] Статистические записки о внешней торговле России. Ч. 2. СПб., 1835. С. 92–93. См. также [13, с. 35–37, 67, 481].

⁷ Гоголь Н.В. Собр. соч. в семи томах / Под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Храпченко. Т. 7. Письма. М., 1979. С. 58, № 11.

⁸ Там же. С. 72, № 19.

⁹ Гоголь Н.В. Собр. соч. в семи томах / Под общ. ред. С.И. Машинского, Н.Л. Степанова, М.Б. Храпченко. Т. 4. Драматические произведения. М., 1967. С. 129.

¹⁰ Там же. С. 27.

крестьян. Им в этом не поможет даже английский опыт. Те элементы английского опыта, которые были все же внедрены в сознание русских в период правления Александра I, или остались мертвым грузом, или осмыслены по-своему. В черновых отрывках к отдельным главам «Мертвых душ» описано, как чиновники города обсуждают приезд Чичикова, воспринимая его как значительную особу. «Господа», сказал почтмейстер, выпивши рюмку мадеры и засунувши в рот ломоть голландского сыру с балыком и маслом, «я того мненья, что это дело хорошенько нужно исследовать, разобрать хорошенько, и разобрать камерально [понимаете] сообща, собравшись всем, как в английском парламенте, понимаете, чтобы [это, так сказать,] досконально раскрылось до всех изгибов, понимаете»¹¹. Тройное употребление слова *понимаете* и сочетание парламента с плотной русской закуской должны показать читателям – вот что по-настоящему важно для этих людей.

В художественном плане Гоголь показал значение Англии для России в образах капитана Копейкина и встреченной им в Петербурге прекрасной англичанки. Офицер, потерявший руку и ногу во время наполеоновских войн и не получивший помощи на родине, видит англичанку (*стройную... как лебедь*¹²), пытается следовать за ней, но убеждается в том, что сделать этого не может. Англичанка – пример гармонии и, чтобы добиться ее, русский должен также стать гармоничным человеком.

В научном плане роль Англии оценена Гоголем в статье «О преподавании всеобщей истории» (1834 г.). В ней сказано: *островитяне британские... наконец очутились почти вдруг обладателями торговли всего мира: ворочают миллионами в Индии, собирают дань с Америки, и где только море, там британский флаг. Им преграждает путь исполин XIX в., Наполеон, и уже действует другим орудием: совершенно военным деспотизмом... Напрасно гремит против него в английском парламенте Питт и составляет страшные союзы. Ничто не имеет духа ему противиться, пока он сам не набегает на гибель свою, вторгнувшись в Россию... И Россия, сокрушившая этого исполина о неприступные твердыни свои, останавливается в грозном величии на своем огромном северо-востоке. <...> Просвещение, не останавливаемое ничем, начинает разливать даже между низшим классом народа; паровые машины доводят мануфактурность до изумительного совершенства; будто невидимые духи помогают во всем человеку и делают силу его*

¹¹ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. в четырнадцати томах. М.-Л., 1951. Т. 6. Мертвые души. Том первый. С. 639.

¹² Гоголь Н.В. Собр. соч. в семи томах / Под общ. ред. С.И. Машинского, Н.Л. Степанова, М.Б. Храпченко. Т. 5. Мертвые души. М., 1967.. С. 563.

еще ужаснее и благодетельнее...¹³. Здесь явно слышится переключка с «английским сюжетом» из «Повести о капитане Копейкине», а Гоголь проявляет себя глубоким мыслителем и тонким наблюдателем современных ему событий.

Важнейший для Гоголя в конце 1840-х гг. вопрос прозвучал в его неотправленном письме В.Г. Белинскому: в чем значение для России достижений европейской цивилизации и в чем, собственно говоря, заключаются эти достижения? *Какое это беспредельное и безграничное слово. Хоть бы вы определили, что такое нужно разуместь под именем европейской цивилизации, которое бессмысленно повторяют все. Тут и фаланстерьен (житель фаланстера. – А.О.), и красный, и всякий, и все друг друга готовы съесть, и все носят такие разрушающие, такие уничтожающие начала, что уже даже трепещет в Европе всякая мыслящая голова и спрашивает невольно, где наша цивилизация? И стала европейская цивилизация призраком, который точно <никто> покуда не видел, и ежели <пытались ее> хватать руками, она рассы<паётся>. И прогресс, он тоже был, пока о нем не дум<али, когда же?> стали ловить его, он и рассыпался¹⁴. Но все же у Гоголя было собственное представление о ценности западной цивилизации, лидирующие позиции в которой (он это видел, в отличие от многих русских, видевших таким лидером Париж) занимала Англия. В письме Анненкову из бельгийского Остенде от 7 сентября (н. ст.) 1847 г. Гоголь убеждал своего корреспондента: *сколько могу судить по тем результатам, которые отбираю теперь от всех людей, прилежно наблюдающих над действующими ныне силами в Европе, я, однако ж, заметил некоторую неполноту в ваших наблюдениях и упущенья, которые вы сделали на вашем пути. Это я приписываю тому, что вы сделали представителем всего для себя Париж и оставили совершенно в стороне Англию, где важная сторона современного дела. По моему разумению, вам необходимо туда съездить, и не то, чтобы взглянуть только на Лондон, но именно прожить в Англии, затем избрать в предмет наблюдений не один какой-нибудь класс **пролетариев** (здесь и далее выделено в тексте. – А.О.), изученье которого стало теперь модным, но взглянуть на все классы, не выключая никого из них¹⁵. В Англии Гоголь видел разумное слитие того, что доставила человеку высшая **гражданственность**, с тем, что составляет первообразную **патриархальность**...¹⁶.**

¹³ Гоголь Н.В. Собр. соч. в семи томах / Под общ. ред. С.И. Машинского, Н.Л. Степанова, М.Б. Храпченко. Т. 6. Статьи. М., 1967. С. 52.

¹⁴ Гоголь Н.В. Собр. соч. в семи томах / Под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Храпченко. Т. 7. Письма. М., 1979. С. 360.

¹⁵ Там же. С. 321, № 146.

¹⁶ Там же. С. 322, № 146.

Вот главный вопрос, который волновал мыслящее русское общество на рубеже 1840–1850-х гг. Что позволяет Англии развиваться эволюционно, а не революционно, можно ли воспользоваться британским опытом и при этом не потерять свое национальное лицо?¹⁷

Должен был ответить на эти вопросы и Гончаров. Все его романы, и первый, в том числе, являются таким ответом. Главные герои «Обыкновенной истории» (1847 г.) – дядя и племянник, Пётр Иванович и Александр Фёдорович Адуевы – ведут постоянный диалог о том, как следует жить современному русскому человеку. Пётр Иванович – порождение XIX в., он успешный делец (совладелец стеклянного и фарфорового заводов), все страсти у него находятся *под деспотическим правлением ума*, он циник и скептик (*ледян до ожесточения*, его девиз – все свято, чего требует от человека XIX в., а требуется, прежде всего, кипучая умственная деятельность и энергия)¹⁸. Александр в начале романа – наивный восторженный юноша, прилежно учившийся в губернской гимназии множеству разных наук и иностранных языков (древних и новых), благородный мечтатель, поклонник идеальной женской красоты. Он приезжает в Петербург для того, чтобы стать писателем, т.е. тем, кто вносит поэзию и благородство в обыкновенную жизнь обыкновенных людей¹⁹.

Дядя старается унять восторги своего племянника, настойчиво призывая его: *надо дело делать* (выделено в тексте. – А.О.)²⁰. Но то, что он ему предлагает (получение выгодного места, бюрократическая работа в департаменте, грамотное переписывание официальных бумаг по-русски (*теперь пока это нужнее всего*), перевод с немецкого языка важных статей о наёме (т.е. о навозе) и картофельной патоке²¹, никак не может устроить Александра. Он пробует творить, писать, сочиняет повесть из американской жизни (ее не приняли к печати), потом пишет повесть

¹⁷ По свидетельству историка литературы С.П. Шевырёва (автора фразы «загнивающий Запад»), который летом 1852 г. привез оставшиеся после смерти Гоголя бумаги в его родную Васильевку, «крестьяне Васильевки и козаки (вольные крестьяне), знавшие покойного, никак не думают, чтобы он умер, а говорят, что у него было много врагов и император Николай Павлович, чтоб скрыть его от врагов, слал в Европу западную отыскивать брата его Александра Павловича, также еще живого, но что он возвратится. Они гадали об нем – и выходило, что он жив» [цит. по: 6, с. 16]. Так уже мертвый Гоголь выполнял важную идейную задачу – соединял две исторические эпохи развития России (александровскую и николаевскую), вырывая англомана Александра I из цепких объятий Европы и возвращая его на родину, преобразованную патриотом Николаем I.

¹⁸ Гончаров И.А. Обыкновенная история. Роман в двух частях. Воронеж, 1994. С. 29–30, 40, 177, 220, 308–309.

¹⁹ Там же. С. 12, 55, 68, 177.

²⁰ Там же. С. 175. Об этом же см.: с. 48, 259, 263.

²¹ Там же. С. 49, 55, 69, 70, 72–73, 78.

совсем в другом роде, из деревенской тамбовской жизни, и ее постигает та же участь²². Повесть, по совету дяди, сожжена в камине²³, прекрасные мечты развеялись, представления об идеальных женщинах медленно, но верно превращаются в прах. В конце концов, Александр полностью теряет веру в себя и покидает Петербург. Он стремится скрыться в деревне. *О, провинция! о, Азия! На Востоке бы тебе жить*, – такими словами напутствует его дядя²⁴.

Но тот европейский «сладкий яд», который уже впитала в себя русская душа, не дает Александру успокоиться в деревне. Его снова тянет в Петербург. На взгляд автора, это поступок незрелого, несамостоятельного человека, так и не обретшего внутренний стержень. Чтобы подчеркнуть важную мысль, Гончаров вкладывает слова о том, почему удобнее жить в большом городе, в уста Евсея – крепостного слуги Александра. В ответ на расспросы соседа Адуевых по имению Антона Ивановича о том, чем и как живут петербуржцы, Евсей по простоте душевной выкладывает: *Все в лавочке есть; а чего нет в лавочке, так тут где-нибудь в колбасной есть; а там нет, так в кондитерской; а уж чего в кондитерской нет, так иди в аглицкий магазин: у французов все есть!*²⁵ В том-то и дело, что все необходимое для русского человека могут поставить ему «французы» из аглицкого магазина.

Духовные искания переломного для Европы периода конца 1840-х – начала 1850-х гг. заставили Гончарова отправиться в морское путешествие на фрегате «Паллада». Путевые заметки стали основой для книги очерков, изданной в 1858 г. Это было время подготовки «великих реформ» Александра II, время, когда русскую жизнь выстраивали по новым лекалам, опыт изготовления которых взять было негде, кроме как на Западе и, прежде всего, в Англии.

Гончаров, в отличие от Гоголя, лично побывал в Англии. Здесь, прежде всего, он отказался от избитых стереотипов, желая дать своим читателям живой образ страны и ее жителей. *Пишите, говорите вы, так, как будто мы ничего не знаем. – Пожалуй; но ведь это выйдет вот что: «Англия – страна дикая, населена варварами, которые питаются полусырым мясом, запивая его спиртом; говорят гортанными звуками; осенью и зимой скитаются по полям и лесам, а летом собираются в кучу; они угрюмы, молчаливы, малосообщительны. По воскресеньям ничего не делают, не говорят, не смеются, важничают, по утрам сидят*

²² Гончаров И.А. Обыкновенная история. Роман в двух частях. Воронеж, 1994. С. 119–120.

²³ Там же. С. 212–213.

²⁴ Там же. С. 162.

²⁵ Там же. С. 328.

в храмах, а вечером по своим углам, одиноко и напиваются порознь; в будни собираются, говорят длинные речи и напиваются сообща». Это описание достойно времен кошихинских, скажете вы, и будете правы, как и я буду прав, сказав, что об Англии и англичанах мне писать нечего, разве вскользь, говоря о себе, когда придется к слову²⁶.

Так Гончаров предупредил читателей о том, что представит им страну через призму собственных, т.е. русских, ценностей. В связи с этим, его главной целью во время пребывания в Англии было бродить среди живой толпы, отыскивая всюду жизнь²⁷. Чем смотреть на сфинксы и обелиски, мне лучше нравится простоять целый час на перекрестке и смотреть, как встретятся два англичанина, сначала попробуют оторвать друг у друга руку, потом осведомятся взаимно о здоровье и пожелают один другому всякого благополучия; смотреть их походку или какую-то иноходь и эту важность до комизма на лице, выражение глубокого уважения к самому себе, некоторого презрения или, по крайней мере, холодности к другому, но благоговения к толпе, т.е. к обществу, – писал Гончаров²⁸. Но вот живой души народа он и не увидел. (Противоположное мнение см. [7, с. 14]). В Англии не только общественная деятельность, но и вся жизнь всех и каждого сложилась и действует очень практически, как машина. Незаметно, чтобы общественные и частные добродетели свободно истекали из светлого человеческого начала, безусловную прелесть которого общество должно чувствовать непрестанно и непрестанно чувствовать тоже и потребность наслаждаться им. Здесь, напротив, видно, что все это есть потому, что оно нужно зачем-то, для какой-то цели. <...> Эти добродетели приложены там, где их нужно, и вертятся как колеса, оттого они лишены теплоты и прелести. <...> Добродетель лишена своих лучей; она принадлежит обществу, нации, а не человеку, не сердцу. <...> Призадумайтесь над репутацией умного, делового, религиозного, нравственного и свободного народа²⁹. Расхождение между стереотипом и реальностью оказалось настолько глубоким, что Гончаров не смог сравнить англичан ни с одним европейским народом, воспользовавшись метафорой корабельного священника отца Аввакума (Д.С. Честного), долго жившего в Китае (о нем подробнее см. [1]), который сравнил англичан с китайцами по мелочной, микроскопической деятельности, по стремлению к торговашеству и по некоторым другим причинам³⁰.

²⁶ Гончаров И.[А.] Фрегат «Паллада». Очерки путешествия. СПб., 2018. С. 39.

²⁷ Там же. С. 42.

²⁸ Там же. С. 43.

²⁹ Там же. С. 52, 53.

³⁰ Там же. С. 48.

Тем не менее, англичане смогли подчинить своему влиянию весь мир, причем не с помощью завоевания, а благодаря купеческим талантам. Книга Гончарова начинается с описания образа вездесущего английского купца (*не блистающий красотой, не с атрибутами силы, не с искрой демонического огня в глазах, не с мечом, не в короне, а просто в черном фраке, в круглой шляпе, в белом жилете, с зонтиком в руках*), который властвует в мире над умами и страстями³¹. В океане, в мгновенных встречах, тот же образ виден был на палубе кораблей, насвистывающий сквозь зубы: «*Rule, Britannia, upon the sea*»³². Я видел его в песках Африки, следящего за работой негров, на плантациях Индии и Китая, среди тюков чая, взглядом и словом, на своем родном языке, повелевающего народами, кораблями, пушками,двигающего необъятными естественными силами природы... Везде и всюду этот образ английского купца носится над стихиями, над трудом человека, торжествует над природой!³³

Общим местом в отечественной историографии стало утверждение о неприятии Гончаровым английского империализма, жестоко эксплуатирующего труд миллионов людей по всему земному шару [8; 9]. Основания для таких утверждений, безусловно, есть. Американка Энн Тайлер даже назвала его ярым русским националистом, «фанатичным, одержимым ксенофобом» (*bigoted, obsessive xenophobe*) [17]. Но, читая «Фрегат “Паллада”», невозможно не заметить, что Гончаров оценил огромное значение цивилизаторской миссии Великобритании. Так, например, описывая труд негров на кофейных плантациях на о. Сантьяго из группы о-вов Зелёного Мыса (*царство дремоты, которая сковывает энергию, ум, чувство и обращает все живое в подобие камня*³⁴), он видел и англичан, но те не лежали, а куда-то уезжали верхом на лошадях: *кажется, на свои кофейные плантации... Это всё богатыри, старающиеся разбудить спящую красавицу*³⁵.

Цивилизаторская миссия англичан, где бы она не осуществлялась, полезна для творческих и деятельных людей всего мира, в т.ч. и для русских. Нельзя всю жизнь пребывать в состоянии самоуспокоенности. *Одна природа, да животная, хотя и своеобразная жизнь, не наполнят человека, не поглотят внимания: остается большая пустота. Для*

³¹ Гончаров И.[А.] Фрегат «Паллада». Очерки путешествия. СПб., 2018. С. 14.

³² ‘Властвуй, Британия, над морями’ (англ.). Неточная цитата начала патриотической песни (ставшей морским гимном страны) «Ode in Honour of Great Britain»: *Rule, Britannia, rule the waves; / Britons never will be slaves!*

³³ Гончаров И.[А.] Фрегат «Паллада». Очерки путешествия. СПб., 2018. С. 14–15.

³⁴ Там же. С. 112.

³⁵ Там же. С. 116.

того же, чтобы испытывать глубже новое, не похожее ни на что свое, нужно, чтоб тут же рядом для сравнения была параллель другой, развитой жизни³⁶, – писал Гончаров. Но не забыл и добавить: европейцы меняют природу и быт дикарей везде примерно одинаково, однако в Сибири это сделать труднее, чем на островах с теплым климатом. Создать Сибирь не так легко, как создать что-нибудь под благословенным небом³⁷. (Подробнее об этом см. [16].)

Трудно поверить, что слова о невозможности пребывать всю жизнь в природном состоянии сказаны автором романа «Обломов». Тем не менее, это так. За границами своей родины русский может и даже должен вести себя как другие колонизаторы, но дома он имеет возможность так не поступать. Все домашние условия формирования русского человека отличны от того пути, по которому прошли западные народы. В главе IX первой части романа («Сон Обломова») автор описывает застойный и прекрасный мир русской деревни, где *тишина и невозмутимое спокойствие царствуют... в нравах людей*³⁸.

Надо признаться, что, если бы русского человека (как, вероятно, и всякого другого) предоставили самому себе, он никогда бы не вышел из уютных рамок застойного существования. Для этого просто не было никаких внутренних побудительных причин. *Поэт и мечтатель не остались бы довольны даже общим видом этой скромной и незатейливой местности*, – писал Гончаров. – *Не удалось бы им там видеть какого-нибудь вечера в швейцарском или шотландском вкусе, когда вся природа – и лес, и вода, и стены хижин, и песчаные холмы – все горит точно багровым заревом; когда по этому багровому фону резко оттеняется едущая по песчаной извилистой дороге кавалькада мужчин, сопровождающих какой-нибудь леди в прогулках к угрюмой развалине и поспешающих в крепкий замок, где их ожидает эпизод о войне двух роз, рассказанный дедом, дикая коза на ужин, да пропетая молодой мисс под звуки лютни баллада – картины, которыми так богато населило наше воображение перо Вальтера Скотта. Нет, ничего этого не было в нашем краю*³⁹ (подробнее об этом см. [3]; для сравнения: [15, с. 60–61]).

Обломов – джентльмен на русский манер и старого закала барин⁴⁰, чистая, хрустальная душа, он нужен автору для того, чтобы показать читателям всю опасность насильственного изменения человека и мира

³⁶ Гончаров И.[А.] Фрегат «Паллада». Очерки путешествия. СПб., 2018. С. 554.

³⁷ Там же. С. 724–725.

³⁸ Гончаров И.[А.] Обломов. Роман в четырех частях. М., 2008. С. 89.

³⁹ Там же. С. 88.

⁴⁰ Там же. С. 153.

вокруг него⁴¹. Сам же он не в состоянии бороться за будущее. Это сделает Андрей Штольц – человек, в характере которого смешались русские (от матери) и немецкие черты. Он тоже способен мечтать, но способен и воплощать свои мечты в жизнь. Штольц полностью готов к борьбе и знает, кто его главный противник. Он *весь составлен из костей, мускулов и нервов, как кровная английская лошадь*⁴².

От этого идеала Гончаров не отказался и в последнем своем романе «Обрыв» (1869 г.). Тут возникает новое воплощение Александра Адуева и Обломова – художник, поэт, философ (не ставший, в конце концов, ни тем, ни другим, ни третьим) Борис Павлович Райский. Разочаровавшись, подобно его литературным предшественникам, в Петербурге, он уезжает в деревню и встречается там ссыльного нигилиста Марка Ивановича Волохова. В изображении Гончарова – это дикий зверь, в минуту опасности становящийся похожим на беспощадного волка-убийцу⁴³. Волохов готов уничтожить Райского или любого другого человека, который встанет у него на пути. Пасует он лишь перед Иваном Ивановичем Тушиным, владельцем имения «Дымок», спрятанным в лесной глуши (отсюда прозвище хозяина – Лесничий) и обозначенным только дымом из печных труб⁴⁴.

Тушин (отметим совпадение фамилий персонажа романа Гончарова и толстовского капитана Тушина⁴⁵) – это истинно русский человек (*чистый самородок, как слиток благородного металла*⁴⁶), рыцарь, защитник, богатырь, рачительный хозяин, правящий лошадьми на опасных поворотах, как олимпийский бог. В Тушине Райский увидел *равновесие силы ума с суммою тех качеств, которые составляют силу души и воли, что и то, и другое, и третье слито у него тесно одно с другим и ничто не выдается, не просится вперед, не сверкает, не ослепляет, а тянет к себе медленно, но прочно*⁴⁷. Вместе с тем, при первом появлении Тушина на страницах романа, автор подает нам знак: Лесничий одет в английский макинтош⁴⁸. Что это значит? А значит это то, что он правильно, с точки зрения Гончарова, англазирован, поскольку ведет свое хозяйство с применением самых передовых западных методов. Лесные богатства вовремя восполняются, срубленный лес перерабатывается

⁴¹ Гончаров И.[А.] Обломов. Роман в четырех частях. М., 2008. С. 405.

⁴² Там же. С. 139.

⁴³ Гончаров И.[А.] Обрыв. Роман. СПб., 2019. С. 576, 659, 661, 700.

⁴⁴ Там же. С. 718–724.

⁴⁵ Подробнее об изображении народного характера у двух писателей см. [2].

⁴⁶ Гончаров И.[А.] Обрыв. Роман. СПб., 2019. С. 728.

⁴⁷ Там же. С. 729.

⁴⁸ Там же. С. 447.

машинным способом на паровом пильном заводе, доски отправляются водой до Петербурга и за границу (вспомним, что Пётр Иванович Адудев только мечтал о заграничном сбыте продукции своих заводов), рабочие объединены в артель, трудятся вместе с хозяином и полученные доходы распределяют совместно, крестьяне получают справедливое жалованье, в имении заведена исправительная полиция для *разбора мелких дел у мужиков*, а также учреждения вроде банка, больницы, школы⁴⁹. Словом, в этой *простой, русской, практической натуре, исполняющей призвание хозяина земли и леса, первого, самого дюжего работника между своими работниками, и вместе распорядителя и руководителя их судеб и благосостояния, он* (Райский. – А.О.) *видел какого-то заволжского Роберта Оуэна!*⁵⁰

Но Гончаров, чувствуя идеалистичность нарисованной картины, сам поправил ее антитезой. (Оттенок горькой насмешки звучит и в сравнении Тушина с Оуэном, пережившим полный крах своих предприятий и умершим в бедности в 1858 г.) Антитезой практического «западничества» Тушина является завершающий роман рассказ о поездке Райского в Англию и во Францию. *Райский пробыл в Англии всего две недели – и не успел даже ахнуть от изумления – подавленный грандиозным оборотом общественного механизма жизни – и поспешил в веселый Париж. Он видел по утрам Лувр, а вечером мышиную беготню, веселые визги, вечную оргию, хмель крутящейся вихрем жизни и унес оттуда только чад этой оргии, не давшей уложиться поглубже наскорю захваченным из этого омута мыслям, наблюдениям и впечатлениям*⁵¹.

Если мы обратимся к великому роману Л.Н. Толстого «Война и мир» (1868–1869 гг.), то увидим, что здесь практически ничего не сказано о роли Британии в наполеоновских войнах. В романе Британия и британцы упоминаются всего три-четыре раза, не больше. Причем складывается впечатление, что Британия была тогда противником России, а не союзником. С первых же страниц задано резко отрицательное отношение к этому государству. Во время беседы блестящего и пустого аристократа князя Василия Сергеевича Курагина с фрейлиной императрицы Марии Фёдоровны (матери Александра I) Анной Павловной Шерер в июле 1805 г. заходит разговор о создании третьей антифранцузской коалиции. Для подготовки договора в Лондон был послан член «Негласного комитета» Н.Н. Новосильцев (Новосильцов). Принципиально важная конвенция, заключенная с британским премьер-министром

⁴⁹ Гончаров И.[А.] Обрыв. Роман. СПб., 2019. С. 726, 728–729, 732–733.

⁵⁰ Там же. С. 734.

⁵¹ Там же. С. 766.

У. Питтом Младшим 30 марта / 11 апреля 1805 г., станет основой не только этой, но и всех последующих коалиций [11, с. 18–23]. Многие современники оценивали тогда этот документ как «более обширный и многозначительный по своему содержанию» из всех договоров, когда-либо соединявших державы против Франции [14, с. 204]. Тем не менее, Толстой устами Шерер (в черновиках романа специально подчеркнута: она живет и мыслит только умом своей высокой покровительницы [4, с. 15]) говорит о том, что поездка Новосильцева в Лондон окончилась безрезультатно и Англия проявила эгоизм, отказавшись эвакуировать войска с о. Мальта.

Более того, читателю дается принципиальная установка: Англия всегда ведет себя предательски, даже когда дело касается блага Европы – борьбы против диктатора Наполеона. *В середине разговора про политические действия Анна Павловна разгорячилась*⁵². Она отказывалась верить в то, что союзники (Австрия, Англия и Пруссия) искренне и деятельно поддержат Россию. *Россия одна должна быть спасительницей Европы. <...> На кого нам надеяться, я вас спрашиваю?.. Англия со своим коммерческим духом не поймет и не может понять всю высоту души императора Александра. Она отказалась очистить Мальту. Она хочет видеть, ищет заднюю мысль наших действий. Что они сказали Новосильцову?.. Ничего. Они не поняли, они не могут понять самоотвержения нашего императора, который ничего не хочет для себя и все хочет для блага мира. И что они обещали? Ничего. И что обещали, и того не будет!*⁵³

Такая идейная заданность сцены в салоне появилась уже в самом первом варианте романа [Там же, с. 14]. Но если в ней мы еще можем уловить нотку иронии автора по поводу изрекаемых Шерер высокопарных истин, то дальше мысль о предательском характере политики Англии усиливается и развивается.

При описании кутежа гвардейских офицеров с участием английского моряка Стивенса автор изображает его, а также холодного и жестокого семеновского офицера Фёдора Ивановича Долохова (о нем будет сказано ниже) как организаторов зловещего пари. Долохов должен сыграть в самоубийственную игру – выпить бутылку рома, сидя на покатоном выступе стены за окном третьего этажа и не держась при этом за края окна. Игра, к ужасу присутствовавших, началась. *Англичанин, выпятив вперед губы, смотрел сбоку*⁵⁴. Долохов смог выполнить условие

⁵² Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 1. М., 1953. С. 7.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Толстой Л.Н. Война и мир. М., 1953. Т. 1. С. 42.

смертельного пари, и Стивенс, с интересом наблюдавший за опасной игрой (*стоял впереди всех, потом ловко поймал брошенную ему пустую бутылку*), молча отсчитал 50 золотых имперIALов⁵⁵. Аллегория здесь более чем ясна: Англия сознательно горячит кровь храбрецов, а после покупает их, чтобы использовать в своих интересах.

Но еще хуже коварных англичан изображены Толстым русские люди, сознательно отказавшиеся от русскости. Так, например, произошло с М.М. Сперанским, награжденным автором крайне нелицеприятной характеристикой. Писатель отмечает самоуверенность его *неловких и тупых движений*, полузакрытые и несколько влажные глаза, ничего не значащую улыбку (когда она исчезает, лицо много от этого выигрывает), тонкий, ровный, тихий голос, необыкновенную (болезненную) белизну лица и рук⁵⁶. У Толстого эта белизна всегда признак нежизненности, мертвечины. Сперанский говорит тихо и учтиво, но каждая фраза выдает презрительное отношение к людям, которых он считает всего лишь послушными орудиями своей воли. К князю Андрею Болконскому он проявляет несколько бóльший интерес, чем к другим, но это объясняется желанием подчинить его себе и также сделать своим адептом, членом узкого круга приближенных (*petit comité*).

Главным свидетельством членства становится приглашение на обед в дом Сперанского перед новым (1810-м) годом. Начало года должно было ознаменоваться торжеством политики реформатора. В действие предполагалось ввести разработанные им законы («конституцию», по выражению Толстого) и начать заседания нового органа (почти что парламента!) – Государственного совета. Поэтому Сперанский встречает князя Андрея как победитель. Но гость сразу чувствует фальшь в словах и поведении собравшихся в *паркетной столовой небольшого домика [у Таврического сада], отличавшегося необыкновенною чистотой (напоминающею монашескую чистоту)*⁵⁷. Он пробует вступить в разговор, но неудачно: *Всякий раз его слово выбрасывалось вон, как пробка из воды; и он не мог шутить с ними вместе. Ничего не было дурного или неуместного в том, что они говорили, все было остроумно и могло бы быть смешно; но чего-то того самого, что составляет соль веселья, не только не было, но они и не знали, что оно бывает*⁵⁸. Толстой рисует картину фальшивого представления, где либералы-западники ведут себя как куклы, заведенные и пущенные в пляс умелым механиком. Князь

⁵⁵ Толстой Л.Н. Война и мир. М., 1953. Т. 1. С. 42–46.

⁵⁶ Там же. Т. 2. С. 546.

⁵⁷ Там же. С. 592.

⁵⁸ Там же. С. 593.

Андрей не хочет быть куклой и с облегчением покидает этот уютный театрчик человеческой самоуверенности и тщеславия.

Примером самоуверенного русского, ведущего себя как немец, является дипломат Билибин – секретарь посольства в Вене, с которым князь Андрей встречается в Брюнне после боя под Кремсом (30 октября [н. ст.] 1805 г.) и победы русских над войсками французского маршала Э.-А.-К. Мортье. Билибин очень работоспособен (*иногда проводил ночи за письменным столом*⁵⁹), но при этом его совершенно не интересует конечный смысл работы, он трудится механически. Разговор Билибина остроумен и интересен, но это не отражение живой мысли и внимания к собеседнику, а заранее заготовленные во *внутренней лаборатории* остроумные законченные фразы, словечки, остроты (*les mots*), имеющие *общий интерес*⁶⁰. Его желтое (в черновиках опять читаем: необыкновенной белизны) лицо, покрытое крупными морщинами (не лицо, а личина, если не сказать, маска), лучится (кривится) напускным весельем даже тогда, когда он произносит циничные речи про мизерное политическое значение кровавых побед *православного российского воинства* (последнее выражение произносится им в беседе с князем Андреем специально по-русски и с презрительной интонацией)⁶¹. Билибин – глава кружка молодых дипломатов, которых он называет *наши* (*les nôtre*), отделяя их и себя от всего остального человечества⁶². «Наши» – это с ужасом уловленное Толстым в российской атмосфере 1850–1860-х гг. ощущение начала атомизации общества, вступающего в эпоху бурного развития капитализма по западному образцу.

Хуже Сперанского и Билибина в романе представлен только Долохов. Он для Толстого, как и Волохов для Гончарова – человек-зверь, человек-дьявол, не затронутый европейской цивилизацией и поэтому похожий, скорее, на азиата. Исследователи уже отмечали коннотацию фамилии Долохов со словом «холод». Вспомним, что в средневековой христианской традиции холод означал реальное присутствие дьявола [12, с. 190]. Здесь Толстой изображает Робинзона наоборот, и мы можем ужаснуться, представив, что такой дикарь будет делать, вернувшись на родину.

XIX век породил слишком много подобных героев, готовых поставить на карту судьбу мира ради удовлетворения своего гипертрофированного честолюбия. Толстому необходимо было показать всю опасность

⁵⁹ Толстой Л.Н. Война и мир. М., 1953. Т. 1. С. 197.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Толстой Л.Н. Война и мир. М., 1953. Т. 1. С. 197–201.

⁶² Там же. С. 202–205.

и, в то же время, все нравственное ничтожество европейских «дикарей». С его точки зрения, для русского человека (европейца по воспитанию и мироощущению) галломания, англomanия или германофилия – опасная болезнь, но азиатчина – неизбежная смерть.

Итак, мы видим, что процесс осмысления идейного наследия Западной Европы в русской классической литературе 1830–1860-х гг. начался с огромного интереса к способности британцев двигаться вперед, сохраняя уникальное национальное лицо (Гоголь). Творчество Гончарова занимает на этом пути положение связующего звена между Гоголем и Толстым. Гончарову не представляется опасным копирование британских достижений во внешних связях, в колониальной борьбе, в процессе развития и использования средств материального производства. Но, с его точки зрения, русскому у себя дома, на родине, следует, прежде всего, стать самостоятельным человеком, пытаясь, насколько возможно, совместить в себе Обломова и Штольца. Процесс осмысления идейно завершился в сочинениях Толстого, где русским предлагалось на основе западного опыта двигаться дальше, прокладывать собственные пути национального развития. Толстой со всей силой своего таланта призывает отказаться от некритического следования за Западом, что неизбежно приведет к утрате русскости и тогда уже не может быть и речи о России как части человеческой цивилизации.

Библиографический список / References

1. Архимандрит Августин (Никитин). Архимандрит Аввакум (Честной) – миссионер, дипломат, востоковед // Альфа и Омега. 2002. № 34; 2003. № 35. URL: <https://www.pravmir.ru/archimandrit-avvakum-chestnoy-missioner-diplomat-vostokoved/> (дата обращения: 03.12.2019). [Archimandrite Augustine (Nikitin). Archimandrite Avvakum (Chestnoy) – missionary, diplomat, orientalist. *Alpha and Omega*. 2002. No. 34; 2003, No. 35. URL: <https://www.pravmir.ru/archimandrit-avvakum-chestnoy-missioner-diplomat-vostokoved/> (date of access: 03.12.2019) (In Rus.)]
2. Егорова И.П. Народный характер в изображении Л.Н. Толстого и И.А. Гончарова. (Ранние рассказы Толстого, сибирские страницы «Фрегата “Паллада”» Гончарова) // Поэтика изображения народного характера в русской литературе второй половины XIX в.: Сб. научных трудов / Отв. ред. Г.Е. Гюбиева. Хабаровск, 1983. С. 13–23. [Egorova I.P. Folk character in the image of L.N. Tolstoy and I.A. Goncharov. (Tolstoy's early stories, Siberian pages of "Frigate 'Pallada' " by Goncharov). *Poetika izobrazheniya narodnogo haraktera v russkoy literature vtoroy poloviny XIX v.* G.E. Gyubieva (ed.). Khabarovsk, 1983. Pp. 13–23. (In Rus.)]
3. Жиякова Э.М. И.А. Гончаров и Вальтер Скотт. (Некоторые наблюдения) // Проблема метода и жанра. Вып. 13. Томск, 1986. С. 197–214.

- [Zhilyakova E.M. I.A. Goncharov and Walter Scott. (Some observations). *Problema metoda i zhanra*. Issue 13. Tomsk, 1986. Pp. 197–214. (In Rus.)]
4. Зайденшнур Э.Е. Как создавалась первая редакция романа «Война и мир» // Литературное наследство. Т. 94. Первая завершенная редакция романа «Война и мир» / Подгот. к изд. и вступ. ст. Э.Е. Зайденшнур. М., 1983. С. 9–66. [Zaydenschur E.E. How the first edition of the novel “War and Peace” was created. *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 94. The first completed edition of the romance “War and Peace”. E.E. Zaydenschur (ed.). Moscow, 1983. Pp. 9–66. (In Rus.)]
 5. Зинина М.В. Образ Англии в творческом сознании Н.В. Гоголя // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 8 (112). С. 173–179. [Zinina M.V. Image of England in the creative mind of N.V. Gogol. *Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2016. No. 8 (112). Pp. 173–179. (In Rus.)]
 6. Золотусский И.[П.] Гоголь в Диканьке. М., 2007. [Zolotusskiy I. Gogol v Dikanke [Gogol in Dikanka]. Moscow, 2007.]
 7. Курило С.А. Космо-Психо-Логос Англии в книге И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 9–16. [Kurilo S.A. Cosmo-Psycho-Logos of England in the book of I.A. Goncharov “Frigate ‘Pallada’ ”. *Tomsk State University Journal*. 2017. No. 422. Pp. 9–16. (In Rus.)]
 8. Курило С.А. Тема английского и российского империализма в книге И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» // Вестник Томского государственного университета, 2018. № 434. С. 19–29. [Kurilo S.A. The theme of English and Russian imperialism in the book by I.A. Goncharov “Frigate ‘Pallada’ ”. *Tomsk State University Journal*. 2018. No. 434. Pp. 19–29. (In Rus.)]
 9. Михельсон В.А. Гуманизм И.А. Гончарова и колониальный вопрос. Краснодар, 1965. [Mikhelson V.A. Gumanizm I.A. Goncharova i kolonialnyy vopros [I.A. Goncharovs humanism and the colonial question]. Krasnodar, 1965. (In Rus.)]
 10. Орлов А.А. Н.В. Гоголь об Англии и англичанах // История. 2019. Т. 10. Вып. 12 (86). Диалог и противостояние Запада и России. История и современность. URL: <https://history.jes.su/s207987840008211-1-1/> (дата обращения: 18.02.2020). [Orlov A.A. Nikolay Gogol about England and the English. *Istoriya*. 2019. Vol. 10. Issue 12 (86). Dialogue and confrontation between the West and Russia. History and modernity. URL: <https://history.jes.su/s207987840008211-1-1/> (date accessed: 18.02.2020). (In Rus.)]
 11. Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005. [Orlov A.A. Soyuz Peterburga i Londona. Rossiysko-britanskiye otnosheniya v epokhu napoleonovskikh voyn [The alliance of St. Petersburg and London. The Russian-British relations during an epoch of Napoleonic Wars]. Moscow, 2005. (In Rus.)]
 12. Рассел Дж.Б. Князь тьмы. Добро и зло в истории человечества / Пер. с англ. И.Ю. Ларионова. СПб., 2002. [Russell J.B. Knyaz tmy. Dobro i zlo v istorii chelovechestva [The Prince of Darkness: Radical evil and the power of good in history]. St. Petersburg, 2002.]
 13. Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807 гг.). М., 1962. [Stanislavskaya A.M. Russko-angliyskiye

- otnosheniya i problem Sredizemnomorya (1798–1807 gg.) [Russian-English relations and problems of the Mediterranean (1798–1807)]. Moscow, 1962.]
14. Файф Ч.А. История Европы XIX в.: В 3-х т. / Пер. М.В. Лучицкой; Под ред. И.В. Лучицкого. Т. 1. С 1792 по 1814 г. М., 1889. [Fyffe С.А. Istoriya Evropy XIX v. [A History of Modern Europe]. Vol. I. From the outbreak of the Revolutionary War in 1792 to the accession of Louis XVIII in 1814. St. Petersburg, 1889.]
 15. Чуковский К.[И.] Дружинин и Лев Толстой // Чуковский К.[И.] Собрание сочинений в 6 т. Т. 5. Люди и книги. М., 1967. Ч. 1. С. 55–125. [Chukovskiy K.[I.] Druzhinin and Leo Tolstoy. *Chukovskiy K.[I.] Sobraniye sochineniy v 6 t.* Vol. 5. People and books. Moscow, 1967. Part 1. Pp. 55–125. (In Rus.)]
 16. Kleespies I. Russia Wild East? Domesticating Syberia in Ivan Goncharov's "The Frigate Pallada". *Slavic and East European Journal*. Spring 2012. Vol. 56. № 1. Pp. 21–37.
 17. Tyler A. If it's not Russian, he hates it. *The New York Times Book Review*. 1987. Sept. 20. Section 7. P. 9.

Статья поступила в редакцию 21.10.2021, принята к публикации 28.11.2021
The article was received on 21.10.2021, accepted for publication 28.11.2021

Сведения об авторе / About the autor

Орлов Александр Анатольевич – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

E-mail: arkigolkin@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-141-153

С.М. Захаров

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина,
399770 г. Елец, Российская Федерация.

Российская молодежь в протестных акциях 2017 и 2021 гг.: сравнительный анализ

С точки зрения автора, важным стимулом протестного участия молодежи является ее значительная погруженность в социальные медиа, которая связана с отсутствием сформировавшегося критического мышления. Интерпретация текущей политической повестки интернет-ресурсами синхронизируется с бытовыми проблемами молодежи, что может способствовать расширению и переформатированию протестной базы. В свою очередь, этим пользуются оппозиционные политические акторы, тонко играющие на проблемах и противоречиях современной России. При сравнении протестных событий 2017 и 2021 гг. автор отмечает схожие причины выступлений и аналогичную социальную базу, где ключевая роль принадлежала молодежи. Различия касаются реакции власти как на информационные поводы, так и на протестные выступления. Фиксируя допуски распространения протестного дискурса и стремясь снизить делегитимационные эффекты, власть продемонстрировала бóльшую обеспокоенность за репутацию В.В. Путина, чем Д.А. Медведева. В свою очередь, протестные выступления подтолкнули власть к расширению возможностей инструментов давления за счет законодательных практик и технологий деанонимизации.

© Захаров С.М., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: молодежный протест, относительная депривация, политическая мобилизация, протестная активность, протестный потенциал, протестные триггеры

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Захаров С.М. Российская молодежь в протестных акциях 2017 и 2021 гг.: сравнительный анализ // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 1. С. 141–153. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-141-153

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-141-153

S.M. Zakharov

Bunin Yelets State University,
Yelets, 399770, Russian Federation

Russian youth in protests in 2017 and 2021: A comparative analysis

From the author's point of view, an important incentive for the protest participation of young people is their significant immersion in social media, which corresponds to the lack of formed critical thinking. The interpretation of the current political agenda by Internet resources is synchronized with the everyday problems of young people, which can contribute to the expansion and reformatting of the protest base. In turn, opposition political actors are not slow to take advantage of this, subtly playing on the problems and contradictions characteristic of modern Russia. Comparisons protest events in 2017 and 2021 the author notes the similar reasons for the speeches and a similar social base, where the youth played a key role. The differences relate to the reaction of the authorities both to informational occasions and to protests. Fixing the tolerances for the spread of protest discourse and seeking to reduce delegitimizing effects, the authorities showed great concern for the reputation of V.V. Putin rather than D.A. Medvedev. In turn, the protests prompted the authorities to expand the possibilities of pressure tools through legislative practices and deanonymization technologies.

Key words: youth protest, relative deprivation, political mobilization, protest activity, protect potential, protest triggers

FOR CITATION: Zakharov S.M. Russian youth in protests in 2017 and 2021: A comparative analysis. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 1. Pp. 141–153. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-141-153

Ухудшение социально-экономической конъюнктуры, отсутствие реальных каналов доступа во власть и эффективных дискуссий с ней, постепенное зарегулирование интернет-активности могут спровоцировать молодежь к политическому действию. Именно она выступает наиболее уязвимой и восприимчивой частью российского общества к накопившимся проблемам. Такая особенность молодежи позволяет говорить о ней как о реальном акторе со значительным протестным потенциалом, который раскрывается по мере углубления общественно-политических расколов. В этой связи интерес представляют протестные выступления 2017 и 2021 гг., где молодежь заняла позицию ключевого политического субъекта.

К числу вопросов, поднимаемых в рамках настоящего исследования, следует отнести определение того, могут ли информационные поводы, распространяемые через интернет-ресурсы, стать причиной протестной мобилизации, и как власть в современной России готова реагировать на подобные вызовы, а также существуют ли проблемы у молодежи, которые способны сохранять стабильно высокий протестный политический потенциал.

В рамках современного научного дискурса тема молодежного протеста вызывает значительный исследовательский интерес. Можно отметить работы Д.А. Аюшеевой [1], М.Ю. Бареева [2], Л.С. Перепелкина [7], Р.В. Пырмы [9], Н.Д. Сорокиной [13], В.В. Титова [14], в которых, в той или иной мере, отмечалось значительное влияние интернет-ресурсов как каналов, способствующих формированию и распространению протестных настроений среди молодежи.

В свою очередь ряд исследователей, в числе которых П.В. Бударин [3], О.Ю. Отроков [5], Н.А. Пономарев [8], П.Б. Салин [11], акцентировали свое внимание на деструктивном характере молодежного протеста и предлагали способы снижения градуса оппозиционных настроений в молодежной среде.

Говоря об источниковой базе исследования, мы сконцентрировали свое внимание на материалах вторичного социологического анализа, полученных негосударственной исследовательской организацией

«Левада-Центр» (признана в России иностранным агентом) и компанией «Медиалогия»; экспертных оценках, опубликованных в научных и публицистических работах; нормативно-правовых актах РФ.

Имеющиеся у автора материалы делают возможным применение сравнительного, исторического и конфликтологического методов.

Сравнительный метод позволил сопоставить две схожие политические реальности и оценить их влияние на развитие политического процесса в современной России. В рамках метода автор сравнивает триггеры (фильмы, снятые представителями Фонда борьбы с коррупцией (ФБК) (организации, признанной в России экстремисткой и ликвидированной по решению суда)), способствующие активации протестного потенциала молодежи, а также реакцию на них со стороны власти; возрастной состав участников протестных событий.

Исторический метод предоставил возможность проследить логику протестной активности молодежи и установить закономерности реакций на нее со стороны власти.

Конфликтологический метод позволил изучить истоки протестной активности российской молодежи и способы разрешения конфликтов, к которым могла прибегать российская власть различного уровня.

В 2020 г. политический дискурс стал сильно зависим от пандемических коннотаций. Власть напрямую демонстрировала связь с ею же создаваемыми ограничениями в тот момент, когда разрешала то или иное мероприятие, наполняла новыми нормами законодательство и т.д. Пандемия постепенно начала превращаться в главную угрозу. Протестная политическая повестка отошла на второй план и была сегментирована на основе региональных политических событий (митинги в поддержку бывшего губернатора Хабаровского края С.И. Фургала, протесты против разработки шихана Куштау Башкирской содовой компанией), а также акции солидарности с гражданами Белоруссии, которые не признали итоги президентских выборов и переизбрание А.Г. Лукашенко на новый срок. Не смогли вывести протесты на федеральный уровень и поправки к Конституции, которые вызывали возмущение у определенно количества граждан в связи с обнулением президентских сроков.

Рассуждая о циклах (волнах) как об объективно существующем феномене, американский социолог И. Валлерстайн отмечал, «что мы интересуемся циклами потому, что они являются одновременно и механизмом, который описывает жизнь исторической системы, и механизмом, посредством которого действует реальная система» [6, с. 20]. Это дает основание посредством сравнительного метода выявить сходства и различия в протестных событиях 2017 и 2021 гг., в рамках которого молодежь продемонстрировала свой политический потенциал.

Триггерами активации протестного потенциала в определенной степени можно считать фильмы, снятые представителями ФБК (организации, признанной в России экстремисткой и ликвидированной по решению суда): «Он вам не Димон» (опубликовано на видеохостинге YouTube 2 марта 2017 г.) и «Дворец для Путина. История самой большой взятки» (опубликовано на YouTube 19 января 2021 г.). По данным социологического опроса, проведенного 29 января – 2 февраля 2021 г. Левада-Центром (1616 чел. в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах, 50 субъектов РФ), «чаще фильм смотрели молодые люди – 37% в группе 18–24 года <...> 59% респондентов в возрасте 18–24 года считают, что информация о фильме похожа на правду, 23% уверены в правдивости <...> Молодежь (18–24 года) в большей степени уверена в виновности президента – 25%»¹.

Выпущенные фильмы вызвали масштабную обратную связь. По состоянию на февраль 2022 г. фильм о Д.А. Медведеве собрал больше 44,5 млн просмотров, отметкой «Нравится» ролик был отмечен более 1,3 млн раз². Фильм о В.В. Путине был просмотрен без малого 122 млн раз, отметкой «Нравится» видео отмечено почти 4,6 млн раз³.

Таким образом, широкий общественный резонанс, который вызвал, в частности, фильм «Дворец для Путина», свидетельствует о значительной эффективности методики распространения подобного контента посредством сети интернет. Это особенно заметно в сравнении с печатной продукцией, а именно – брошюрой «Путин. Коррупция. Независимый экспертный доклад», распространяемой в ходе митингов 2011–2012 гг., которая уже не так известна общественности при схожем «разоблачительном» содержании.

Аудиторный охват, фидбек, значимость личностей вызвали пропорциональную реакцию власти и аффилированных СМИ на фильмы.

Корреспондент медиахолдинга «Дождь» (организации, признанной в России иностранным агентом) Д. Сотников отмечал, что «российские СМИ на расследование отреагировали по-разному, многие публикацию ФБК (организации, признанной в России экстремисткой и ликвидированной по решению суда) проигнорировали. Не писать и не говорить о расследовании решили не только федеральные телеканалы, но и СМИ,

¹ Фильм «Дворец для Путина». Левада-Центр. 2021. 8 февраля. URL: <https://www.levada.ru/2021/02/08/film-dvorets-dlya-putina/> (дата обращения: 9.03.2021). – АНО «Левада-Центр» внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

² Он вам не Димон. YouTube. 2017. 2 марта. URL: https://www.youtube.com/watch?v=qrwk7_GF9g (дата обращения: 26.02.2022).

³ Дворец для Путина. История самой большой взятки. YouTube. 2021. 19 января. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ipAnwilMncI> (дата обращения: 26.02.2022).

которые раньше публикациям Навального уделяли больше внимания»⁴. Д.А. Медведев прокомментировал фильм спустя более чем месяц после его выхода, отметив, что расследование было сделано «по принципу компота»⁵.

Принципиально иной была реакция федеральных СМИ на фильм «Дворец для Путина», которые запустили масштабную кампанию по разоблачению расследования ФБК (организации, признанной в России экстремисткой и ликвидированной по решению суда). Власть понимала, что именно молодежь является целевой аудиторией данного фильма. В этой связи вполне закономерно, что впервые вопрос о собственнике дворца в Геленджике был задан В.В. Путину в ходе встречи президента со студентами вузов по случаю Дня российского студенчества 25 января 2021 г.⁶ Затем тема втягивания молодежи в несанкционированные уличные мероприятия посредством интернета присутствовала в речи В.В. Путина на встрече с участниками акции «Мы вместе» 4 марта 2021 г.⁷

Следует отметить, что дополнительным, может быть, и ключевым, фактором для активизации протестной выступлений 2021 г. можно считать ситуацию вокруг А.А. Навального, где обоснованные претензии юридического характера (нарушение условий испытательного срока) столкнулись с образом «жертвы политического режима», пострадавшей за свою «антикоррупционную» деятельность. Таким образом, внутренние рассуждения в духе диалектики подводили человека либо к осуждению, либо к поддержке и сочувствию, проявляемыми онлайн или офлайн.

Несмотря на значительный резонанс, вызванный указанными триггерами, не следует упускать из вида естественные причины усиления общественного недовольства, в частности, протестной активности молодежи.

Среди ключевых проблем, с которыми сталкивается молодежь, можно выделить: трудоустройство (отсутствие конкурентных преимуществ,

⁴ Сотников Д. Эффект неразорвавшейся бомбы: как СМИ не заметили расследование Навального о Медведеве. Дождь. 2017. 3 марта. URL: https://tvrain.ru/teleshows/notes/smi_o_navalnom-428925/ (дата обращения: 9.03.2021). – Телеканал «Дождь» внесен в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функцию иностранного агента.

⁵ Демченко Н. Медведев назвал «компотом» расследование Навального о его собственности. РБК. 2017. 4 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/04/2017/58e39ba59a79474e0de95933> (дата обращения: 26.02.2022).

⁶ Встреча с учащимися вузов по случаю Дня российского студенчества. Президент России. 2021. 25 января. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/64922> (дата обращения: 26.02.2022).

⁷ Встреча с участниками акции «Мы вместе». Президент России. 2021. 4 марта. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65096> (дата обращения: 27.02.2022).

влекущих невостребованность на рынке труда; сложности с поиском работы по специальности); жилищная проблема (рискованность ипотечного кредитования в ракурсе отсутствия уверенности в финансовой стабильности); недоступность качественного образования (повышение стоимости обучения, тенденция к переходу на дистанционное образование).

В рамках политического дискурса ключевой становится отсутствие эффективной и сбалансированной государственной молодежной политики. В частности, С.Н. Чирун обращал внимание на взаимосвязь протестных настроений и вертикальной социальной мобильности. «Нежелание организовывать социальные лифты для представителей всех слоев общества, а не только для своих сторонников, неизбежно провоцирует экстремистское поведение молодых людей, “выпавших” из дискурса власти» [16, с. 45].

В свою очередь, о запросе на справедливость как факторе протестных настроений говорил Д.В. Руденкин. «Ощущение прогрессирующего дефицита справедливости, честности, свободы и убеждения в примате силы и личного успеха являются важными симптомами, которые говорят о недовольстве человека теми социальными порядками, которые его окружают. И если такое недовольство молодежи действительно обладает массовым характером и склонно со временем усиливаться – то, вероятно, оно вполне может служить катализатором его протестных настроений» [10, с. 3].

Также, рассуждая о взаимосвязи общественных процессов с уровнем протестных настроений молодежи, можно согласиться с мнением социолога К. Манхейма, в свое время отмечавшего, что конфликтное самосознание «молодежи является лишь отражением хаоса, существующего в нашей общественной жизни, а ее замешательство – естественный результат ее неопытности» [4, с. 574].

Не менее важным фактором формирования протестных настроений остается ощущение неустроенности, страх собственной невостребованности. «Страх будущего – это новая форма коллективной фобии, развивающейся у некоторой части молодежи и трансформирующейся в протестные или эмигрантские настроения. Очевидно, что она связана не только с отрицательной оценкой факторов внешней среды, но и с самооценкой поиска себя в жизни, способности адаптироваться», – считали Д.В. Трынов и Я.В. Дидковская [15, с. 126].

Подобные рассуждения исследователей относительно потенциальных катализаторов протестных настроений, на наш взгляд, были характерны для молодежи образца 2017 г., при этом не потеряв актуальности и в реалиях 2021 г.

Возрастной состав участников протестных событий 2017 и 2021 гг. в определенной степени был схож. Согласно данным, полученным компанией «Медиалогия», в результате анализа профилей (около 100 тыс.) участников 98 групп «ВКонтакте», посвященных акциям протеста 26 марта «Он вам не Димон», «17% приходится на людей в возрасте от 18 до 21 года, а 18,4% на людей в возрасте от 21 до 24 лет. Примерно по 13,5% участников приходится на три возрастные группы: 24–27 лет, 27–30 лет, 30–35 лет. Люди старше 35 лет представляют 18% участников. Несовершеннолетних среди участников групп оказалось меньше всех – 5,5%»⁸.

В рамках проведенного 23 января 2021 г. в Москве активистами «Белого счетчика» опроса, на митинге «больше всего оказалось представителей возрастной группы от 25–35 лет (37%) и 18–24 лет (25%). Даже людей в возрасте от 58 до 70 лет оказалось больше школьников – 7%»⁹.

Таким образом, сравнивая протестную активность 2017 и 2021 гг., мы можем говорить о молодежи как о ключевом политическом акторе, при этом отмечая, что младшая молодежь не является основной группой.

Эту мысль разделяла директор исследовательского центра «Особое мнение» Е.Ш. Курбангалеева. Она была не согласна с тем, что «с точки зрения демографических характеристик по сравнению с акциями 2017 года, на которые тогда вышло много студентов, протест помолодел. Скорее, он сдвинулся в сторону диапазона 30–45 лет, а “школота”, которую все ожидали, не пришла <...> Если в 2017 году на улицы вышел юношеский максимализм, то сейчас это глухое, рокошущее раздражение, которое на самом деле даже более тревожно»¹⁰.

Рассуждая о реакции власти на произошедшие в 2017 и 2021 гг. протестные события, можно говорить о гибридном подходе, который объединяет как отработанные схемы противодействия, так и способность корректироваться в зависимости от меняющихся условий в рамках информационного общества.

⁸ Портрет нового оппозиционера: кого объединили протестные группы во «ВКонтакте». Дождь. 2017. 31 марта. URL: https://tvrain.ru/teleshov/notes/medialogija_proanalizirovala_sostav_protestnyh_grupp_vkontakte-431210/ (дата обращения: 27.02.2022). – Телеканал «Дождь» внесен в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функцию иностранного агента.

⁹ Рожкова Е. Далеко не школота. Социологи о портрете и мотивации вышедших на протестные акции россиян. Коммерсантъ. 2021. 30 января. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4670663?id2004826> (дата обращения: 27.03.2021).

¹⁰ Рожкова Е. Далеко не школота. Социологи о портрете и мотивации вышедших на протестные акции россиян. Коммерсантъ. 2021. 30 января. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4670663?id2004826> (дата обращения: 27.03.2021).

Обращая внимание на реакцию власти в рамках протестной активности 2017–2018 гг., А.В. Семенов и Е.С. Попкова указывали на ее преемственность. «Как минимум со времени кампании “За честные выборы” 2011–2012 гг. режим последовательно повышал издержки коллективных действий. Участие в несогласованных акциях увеличивало риски задержания и административного преследования, а в их организации – преследования уголовного» [12, с. 152].

Корреляция между циклами протестной активности и ответными действиями власти в сфере законодательства хорошо прослеживаются на примере КоАП РФ, ст. 20.2 (Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митингов, демонстрации, шествия или пикетирования), в рамках которой изменения и дополнения вводились в редакциях от 2014, 2018, 2020 (последнее можно расценивать как реакцию на события в Москве в 2019 г.), 2021 гг.¹¹ Заметим, что поправки 2018 г. касались ответственности за вовлечение несовершеннолетних в несогласованные акции.

В условиях информационного общества власть чаще находит все более оптимальные способы контроля протестной активности. В частности, Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (п. 1 ч. 4² ст. 10¹)¹² определялась возможность идентификации пользователей организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями по абонентскому номеру, а Федеральным закон «О связи» (п. 6 ст. 44)¹³ предусматривалась идентификация абонента радиотелефонной связи через предоставление оператору документов, удостоверяющего личность.

В рамках доклада «Соблюдение Российской Федерацией Международного пакта о гражданских и политических правах. Предлагаемый список вопросов» экспертами коалиции некоммерческих организаций отмечалось, что «распространение информации о несогласованных акциях грозит блокировкой всего интернет-ресурса без решения суда. Для граждан оно может повлечь административную ответственность, а за “неоднократность” грозит до пяти лет лишения свободы»¹⁴.

¹¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 16.02.2022).

¹² Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2021 № 441-ФЗ).

¹³ Федеральный закон «О связи» от 7.07.2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 30.12.2021 № 465-ФЗ).

¹⁴ Соблюдение Российской Федерацией Международного пакта о гражданских и политических правах. Предлагаемый список вопросов, 2020. URL: <https://memohrc.org/ru/reports/soblyudenie-rossiyskoy-federaciy-mezhdunarodnogo-pakta-o-grazhdanskih-i-politicheskikh>. С. 28.

На практике репрессивные механизмы не были такими жесткими. Роскомнадзор, на основании требований Генеральной прокуратуры, в январе 2021 г. направил уведомление в социальную сеть TikTok о необходимости удалить информацию, вовлекающую несовершеннолетних в противоправные действия. Подобная информация была доведена и до других социальных сетей, информационных ресурсов и СМИ¹⁵. Что же касается непосредственно лиц, призывающих к противоправным действиям, то после их деанонимизации властью распространились ролики с публичными извинениями провокаторов.

Таким образом, власть в условиях информационного общества стремится найти баланс между возможностью контролировать, определять новостную повестку и принципами свободного распространения и доступа к информации, которые в современных условиях занимают важное положение в системе ценностей человека.

Рассуждая о взаимодействии власти с интернетом и социальными сетями, журналист А.В. Плющев отмечал, что «с одной стороны, это мощный инструмент и фактор, консолидирующий оппозиционно настроенных людей. С другой – закрыть их нельзя, поскольку это может привести к намного более масштабным и сильным протестам, чем после любого фильма-расследования. Можно попытаться противодействовать внутри самой среды, как уже много раз бывало, достаточно вспомнить анонимные телеграмм-каналы или того же Соловьева в YouTube»¹⁶.

В условиях протестной активности 2021 г. широко применялись технологии деанонимизации протеста, позволяющие идентифицировать наиболее активных его участников. Их следует расценивать как инновационные. К числу ранее использованных технологий давления можно отнести угрозы об отчислении студентов за участие в протестах, в случае Астраханского государственного университета – отчисление трех студентов¹⁷. Кроме того, лояльными администрациями учебных заведений были в конце января – начале февраля 2021 г. организованы акции в поддержку В.В. Путина (Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева, Московский государственный

¹⁵ В TikTok направлено требование прекратить распространение информации, направленной на вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий. Роскомнадзор. 2021. 20 января. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73294.htm> (дата обращения: 28.03.2021).

¹⁶ Плющев А. Комментарий: Российский протест выходит из интернета на улицу. Deutsche Welle. 2021. 25 января. URL: <https://www.dw.com/ru/kommentarij-rossijskij-protest-vyhodit-iz-interneta-na-ulicu/a-56334388> (дата обращения: 28.03.2021).

¹⁷ Трех студентов астраханского вуза отчислили за участие в незаконной акции. РИА Новости. 2021. 30 января. URL: <https://ria.ru/20210130/otchislenie-1595277988.html> (дата обращения: 1.03.2022).

юридический университет им. О.Е. Кутафина, Белгородский государственный институт искусств и культуры¹⁸, Ульяновский электромеханический колледж¹⁹). Заметим, что подобная технология мобилизации в рамках бюджетных учебных заведений отработана еще со времен «Наших» и «Молодой гвардии».

Таким образом, резонансные общественно-политические события или гипертрофированные социальными медиа поводы способны привести к протестной мобилизации определенную часть молодежи, которая находится в состоянии относительной депривации, обусловленном восприятием политического режима как субъекта, лишаящего ее будущего. В свою очередь, оценивая возможные для себя риски, власть демонстрирует готовность использовать разнообразный инструментарий, который включает усиление ограничительных мер, посредством механизмов правового регулирования, практики по привлечению молодежи с использованием административного ресурса, а также механизмы деанонимизации лиц, развивающих протестный дискурс в сети.

Библиографический список / References

1. Аюшеева Д.А. Участие молодежи в протестных акциях в современной России как способ самоидентичности // Управленческое консультирование. 2019. № 6 (126). С. 147–153. [Ayusheeva D.A. Participation of youth in protest actions in modern Russia as way of self-identity. *Administrative Consulting*. 2019. No. 6 (126). Pp. 147–153. (In Rus.)]
2. Бареев М.Ю., Кучурина И.О. YouTube как фактор формирования протестного потенциала молодежи // Регионоведение. 2019. Т. 27. № 3 (108). С. 572–587. [Bareev M.Yu., Kuchurina I.O. YouTube as a factor in shaping the protest potential of young people. *Russian Journal of Regional Studies*. 2019. Vol. 27. No. 3 (108). Pp. 572–587. (In Rus.)]
3. Бударин П.В. Особенности вовлечения подростков к участию протестной деятельности современной оппозицией в РФ // Теория и проблемы политических исследований. 2018. Т. 7. № 5А. С. 230–237. [Budarin P.V. Features of involving adolescents to participate in protest activities of the modern opposition in Russia. *Teoriya i problemy politicheskikh issledovaniy*. 2018. Vol. 7. No. 5А. Pp. 230–237. (In Rus.)]

¹⁸ Студенты из Москвы и Белгорода рассказали, что их обманом собрали на флешмобы в поддержку Путина. Meduza. 2021. 6 февраля. URL: <https://meduza.io/news/2021/02/06/studenty-iz-moskvy-i-belgoroda-rasskazali-chto-ih-obmanom-sobrali-na-fleshmoby-v-podderzhku-putina> (дата обращения: 1.03.2022). – Интернет-издание «Meduza» внесено в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функцию иностранного агента.

¹⁹ #МыЗаПутина. Василий инквизитор Дронов выгнал студентов Ульяновского электромеханического колледжа на несанкционированный митинг. Ulnovosti.ru. 2021. 4 февраля. URL: <https://ulnovosti.ru/politic/myzaputina-studentov-ulyanovskogo-elektromehaniicheskogo-kolledzha-vygnali-na-nesankcionirovannyj-miting/> (дата обращения: 1.03.2022).

4. Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. М., 2010. С. 537–704. [Mannheim K. *Izbrannoe: Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time: Wartime essays of a sociologist]. Moscow, 2010. (In Rus.)]
5. Отроков О.Ю. Участие в деятельности общественных институтов как фактор снижения протестной активности молодежи // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 1 (90). С. 23–26. [Отроков О.Ю. Participation in the activities of public institutions as a factor for reducing protest activity of young people]. *Society: Politics, Economics, Law*. 2021. No. 1 (90). Pp. 23–26. (In Russ.)]
6. Пантин В.И. Возможности циклически-волнового подхода к анализу политического развития // Полис. Политические исследования. 2002. № 4. С. 19–25. [Pantin V.I. Potentialities inherent in the cycles-waves approach to the analysis of political development. *Polis. Political Studies*. 2002. No. 4. Pp. 19–25. (In Rus.)]
7. Перепелкин Л.С. Антропология современного протестного движения. Ч. 1 // Личность. Культура. Общество. 2021. Т. 23. № 1–2 (109–110). С. 76–83. [Perepelkin L.S. Anthropology of the modern protest movement. Part 1. *Personality. Culture. Society*. 2021. Vol. 23. No. 1–2 (109–110). Pp. 76–83. (In Rus.)]
8. Пономарев Н.А., Белов С.И., Майлис А.А. Противодействие росту вовлеченности молодежи в радикальный политический протест (на материалах массовых выступлений 2017 г.) // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 67. С. 150–169. [Ponomarev N.A., Belov S.I., Mailis A.A. Counteracting the growth of youth involvement in radical political protest (on the materials of the 2017 mass demonstrations). *Public Administration. E-journal*. 2018. No. 67. Pp. 150–169. (In Rus.)]
9. Пырма Р.В. Протестные настроения российской молодежи в цифровой сети // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 6 (42). С. 100–110. [Пырма Р.В. Protest moods of Russian youth in a digital network]. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019. Vol. 9. No. 6 (42). Pp. 100–110. (In Rus.)]
10. Руденкин Д.В. Фактор ценностей в развитии протестных настроений молодежи: итоги пилотного исследования // Мир науки. Социология, философия, культурология. 2019. № 1. [Rudenkin D.V. Factor of values in the formation of protest moods of young people: The results of a pilot survey. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2009. No. 1. (In Rus.)]
11. Салин П.Б. Способы нейтрализации деструктивных аспектов политической деятельности студенческой молодежи // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. Т. 8. № 4 (34). С. 76–81. [Salin P.B. Methods of neutralization of the destructive aspects of the political activities of students]. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2018. Vol. 8. No. 4 (34). Pp. 76–81. (In Rus.)]
12. Семенов А.В., Попкова Е.С. Реакция власти на политическую мобилизацию в России. На примере кампании Алексея Навального 2017–2018 годов // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2020. № 2 (97). С. 142–157. [Semenov A.V., Popkova E.S. Authorities' response to political mobilization in Russia (on the example of Alexei Navalny's 2017–2018

- campaign). *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics. Politeia*. 2020. No. 2 (97). Pp. 142–157. (In Rus.)]
13. Сорокина Н.Д. Новые формы солидарности и протестной активности студенческой молодежи // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / Отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. М., 2020. С. 2765–2773. [Sorokina N.D. New forms of solidarity and protest activity of students. *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsialnom razvitií regionov: Sbornik dokladov VI Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa (Tyumen, 14–16 oktyabrya 2020 g.)*. V.A. Mansurov, E.Yu. Ivanova (eds.). Moscow, 2020. Pp. 2765–2773. (In Rus.)]
 14. Титов В.В., Самохвалов Н.А. К вопросу о некоторых причинах «омоложения» протестных настроений в России // *Via in tempore. История. Политология*. 2020. Т. 47. № 1. С. 211–217. [Titov V.V., Samokhvalov N.A. On the question of possible causes of “rejuvenation” of the protest moods in Russia. *Via in Tempore. History. Political Science*. 2020. Vol. 47. No. 1. Pp. 211–217. (In Rus.)]
 15. Трынов Д.В., Дидковская Я.В. Новая протестная молодежь: самоидентификация, социальное самочувствие и образ будущего // *Tempus et Memoria*. 2019. Т. 14. № 3 (191). С. 118–127. [Trynov D.V., Didkovskaya Ya.V. New protest youth: Self-identification, social well-being and future image. *Tempus et Memoria*. 2019. Vol. 14. No. 3 (191). Pp. 118–127. (In Rus.)]
 16. Чирун С.Н. Причины и формы политического экстремизма в молодежной среде транзитивного общества (региональный аспект) // *Социум и власть*. 2011. № 4 (32). С. 44–48. [Chirun S.N. The reasons and forms of political extremism in the youth policy of the transitive society (regional aspect)]. *Society and Power*. 2011. No. 4 (32). Pp. 44–48. (In Rus.)].

Статья поступила в редакцию 22.09.2021, принята к публикации 21.10.2021
The article was received on 22.09.2021, accepted for publication 21.10.2021

Сведения об авторе / About the author

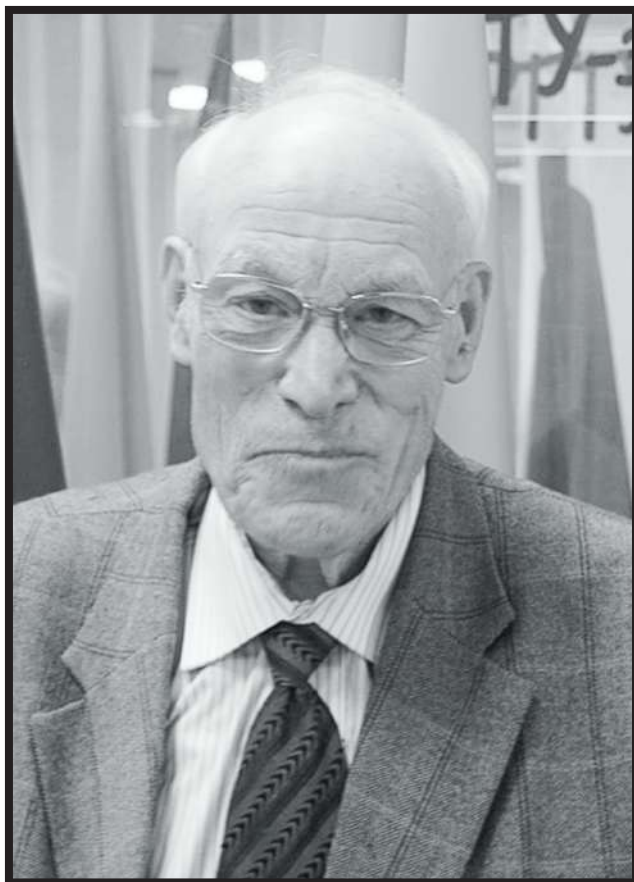
Захаров Сергей Михайлович – кандидат политических наук; преподаватель кафедры философии и социальных наук Института психологии и педагогики, Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина

Sergey M. Zakharov – PhD in Political Science; Lecturer at the Department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Psychology and Pedagogy, Bunin Yelets State University

E-mail: zakharov1201@rambler.ru

In memoriam

Памяти
Аркадия Ивановича Комиссаренко
(1937–2021)

17 декабря 2021 г. ушел из жизни Аркадий Иванович Комиссаренко – доктор исторических наук, профессор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, выдающийся педагог и специалист по истории русского крестьянства XVIII в.

Аркадий Иванович ушел последним из той великой когорты, которая олицетворяла Московский государственный историко-архивный институт (МГИАИ) и была одновременно и его визитной карточкой, и знаком качества научного уровня. Быть учеником А.И. Комиссаренко, как и С.О. Шмидта, Н.П. Ерошкина, Н.И. Басовской, А.Л. Станиславского, А.А. Зимина, – было почетно и ответственно.

Аркадий Иванович Комиссаренко родился 18 июля 1937 г. в Минске, в семье командира Красной Армии. В Москве, куда по роду службы переехала семья, он окончил школу и в 1959 г. – МГИАИ. Его учителем был Н.В. Устюгов – замечательный специалист по отечественной истории феодальной эпохи, основатель студенческого кружка истории СССР досоветского периода (1947), в работе которого участвовал и Аркадий Иванович, а затем и руководил им. Сложилось так, что для А.И. Комиссаренко МГИАИ стал не только «путевкой» в историческую науку, но местом служения и содержанием всей жизни.

В МГИАИ Аркадий Иванович возвращается в 1961 г. аспирантом, после работы в Центральном историческом военно-инженерном музее и Центральном государственном архиве древних актов СССР. Здесь он защищает кандидатскую (1966) и докторскую (1984) диссертации по темам истории зависимого крестьянства Русского Севера, церковного землевладения и секуляризации монастырских земель в середине XVIII в., здесь проходит путь до заведующего кафедрой истории СССР досоветского периода. В 1976 г. Аркадий Иванович возглавил не только кафедру, но и студенческий кружок, который получил новый импульс развития.

Эрудиция Аркадия Ивановича Комиссаренко была уникальной, он был прирожденный преподаватель. Его отличала широта кругозора знаний, но к каждой лекции он основательно готовился: мы, студенты, часто видели его в читальных залах Государственной библиотеки им. В.И. Ленина и Государственной публичной исторической библиотеки. Курс истории СССР с древнейших времен до 1861 г. и спецкурс «Государство и православная церковь в истории России X–XVIII веков» отличались богатой фактографией и обилием информации. Фраза, с которой Аркадий Иванович начинал лекцию, думаю, памятна каждому студенту: «Записывайте, в учебнике этого нет, а вам пригодится!»

Аркадия Ивановича отличала глубокая порядочность и чуткое отношение к студентам. Строго спрашивая на экзамене, он никогда при этом

не «топил» студента, всегда мог отличить растерянность и робость от лени, помочь найти правильный ответ тем, кто «знает, но стесняется». Велика была его помощь и поддержка дипломникам. Он мог три часа ждать в метро студентку, у которой были проблемы с защитой диплома. Студентов он всегда называл по имени и отчеству и только на «Вы». Такое же уважительное отношение прививал Аркадий Иванович и к памяти историков прошлого, даже если не разделял их взглядов. Каждое исследование он призывал начинать с внимательного изучения всех вышедших ранее и затрагивающих даже косвенно тему работ.

Настоящей школой научной работы стал кружок при кафедре истории СССР досоветского периода. А.И. Комиссаренко прививал кружковцам навыки общения с аудиторией, технику подачи материала. На каждом заседании кружка (проходили они по четвергам и были самыми регулярными в институте) велась дискуссия по докладам, которые представляли и студенты, и аспиранты, и преподаватели института, и историки из научно-исследовательских организаций и других вузов. Нередкими были «выездные» заседания – в Географическом обществе, с которым, благодаря А.И. Комиссаренко, у МГИИАИ установились тесные творческие связи, или поездка в Троице-Сергиеву Лавру. Наиболее запомнилась поездка Аркадия Ивановича с группой студентов и аспирантов-кружковцев в Болдино, на место захоронения историка В.Н. Татищева, где мы общими усилиями приводили в порядок разоренное надгробие. Традиционным было и «третье отделение» заседаний – прогулка по вечерней Москве. Традиционными на заседаниях кружка были чаепития, на которых продолжались дискуссии, намечались планы работы, определялись темы исследований.

На заседаниях кружка иной раз впервые читались краткие обзоры курсовых и дипломных работ, кандидатских и даже докторских диссертаций. В работе кружка в это время принимали участие В.М. Кабузан, И.Н. Данилевский, Н.Н. Павленко, Г.Н. Ланской, В.Б. Лушпай, О.Г. Санин, А.Н. Медушевский, В.А. Невежин, В.К. Шацилло, С.А. Мальшкин, С.Г. Нелипович, А.В. Малов, Б.Б. Давыдов... Трудно даже сказать, скольким историкам открыл дорогу Аркадий Иванович, скольких учеников воспитал. Но помнил он их всех.

Аркадий Иванович Комиссаренко внес большой вклад в развитие исследований аграрных отношений на Русском Севере. Он способствовал активизации работы Северного отделения Археографической комиссии Академии наук СССР, много работал в Комиссии по истории крестьянства, Региональном объединении по изучению аграрной истории Европейского Севера России, в научных объединениях по истории

Вятского края и Вычегодского края. Неоднократно А.И. Комиссаренко организовывал в Вологде научные конференции.

При доброте и душевности Аркадию Ивановичу были присущи острое чувство правды и справедливости. Подлости он не терпел и мог прервать отношения с тем, кто был непорядочен в отношениях с коллегами. Тяжело пришлось Аркадию Ивановичу в годы, когда «новое» руководство МГИАИ взяло курс на политизацию учебного процесса. Говорят, что в Министерстве высшего и среднего специального образования СССР в 1986 г. рассматривалась кандидатура А.И. Комиссаренко на пост ректора института. Неблагодарное дело судить о том, как бы развивался МГИАИ, если бы его ректором стал Аркадий Иванович. В той обстановке, при непрерывном политическом давлении, это, вероятно, было бы «губернаторство Санчо Пансы» – справедливое, но поэтому краткое.

Пришедший на пост ректора Ю.Н. Афанасьев взял курс на политизацию института по американским лекалам, отрицая ценность того научного и практического багажа, который был накоплен преподавателями МГИАИ за долгие годы. Казалось бы, образование на основе института Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) было шагом вперед, но не подготовка разносторонне образованных историков-архивистов стала главной задачей «нового руководства» и поддержавших Афанасьева карьеристов. Доходило до того, что с кафедры вновь образованного университета он противопоставлялся архивной отрасли страны.

Был взят курс на вытеснение из университета несогласных. В 1996 г. Аркадия Ивановича вынудили оставить кафедру отечественной истории. Давление оказывалось и на него непосредственно, и на его учеников. Спустя три года, в 1999 г., Аркадий Иванович покинет стены Историко-архивного института, в котором проработал почти 40 лет, выразив протест против разрушения системы высшего образования и пренебрежения главной задачей вуза – подготовкой специалистов высокого класса профессионализма.

Но знания и опыт Аркадия Ивановича будут востребованы. Еще до ухода из РГГУ он преподавал в Московском заочном педагогическом институте (позже – Московском государственном открытом педагогическом университете, далее – Московском государственном гуманитарном университете им. М.А. Шолохова), а в 1999–2017 гг. был профессором кафедры истории российской государственности Академии государственной службы при Президенте РФ (далее – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации). Служение Аркадия Ивановича все эти годы очень

напоминает судьбы «военспецов» первых лет Советской власти: «старые» специалисты могли не разделять официальных взглядов и установок, но они отдавали свои знания, навыки и силы родине и народу, которые остаются неизменными при любом политическом режиме.

Как это ни банально звучит, но историческая справедливость восторжествовала: Аркадий Иванович вернулся в родные стены. Историко-архивный институт возглавил один из его учеников. До самых последних дней Аркадий Иванович продолжал работать, участвовал в заседаниях научных и ученых советов. Его научное наследие – это почти 200 работ, включая 11 монографий (вместе с коллективными). Но это только видимая часть айсберга: ведь и труды его многочисленных учеников не могли бы состояться в своем завершенном виде без его уроков, помощи, совета и поддержки.

Востребованность этого мастера, человека большой эрудиции и великой души была велика. Еще тяжелее его утрата. Но Аркадий Иванович останется в наших сердцах, в своих трудах и в трудах его учеников. В наших сердцах останется его главный завет: быть Ученым – это прежде всего быть Человеком.

*Редколлегия журнала
«Локус: люди, общество, культуры, смыслы»*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы» – всероссийский междисциплинарный журнал, посвященный изучению актуальных проблем истории и политологии.

Постоянные рубрики журнала (появляются в конкретном номере по мере появления статей данной тематики):

- Отечественная история
- Всеобщая история
- Историография, источниковедение и методы исторического исследования
- История международных отношений и внешней политики
- Теория и философия политики, история и методология политической науки
- Политические институты, процессы и технологии
- Политическая культура и идеологии
- Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития
- Политическая регионалистика. Этнополитика
- Конфликтология
- Документ с комментарием
- Критика. Библиография

Редакции журнала неинтересны материалы, основанные на компиляции давно известных фактов! Это не может считаться научной статьей!

Все присланные материалы проверяются при помощи программы «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна превышать 75%.

На любое утверждение (наблюдение, вывод или аргумент), опубликованное ранее, в рукописи должна быть соответствующая библиографическая ссылка.

Журнал строго следит за соблюдением следующих положений этики научных публикаций

Автор не должен публиковать рукопись, по большей части посвященную одному и тому же исследованию, более чем в одном журнале как оригинальную публикацию.

Представление одной и той же рукописи одновременно более чем в один журнал воспринимается как неэтичное поведение и неприемлемо.

Авторами публикации могут выступать только лица, которые внесли значительный вклад в формирование замысла работы, разработку, исполнение или интерпретацию представленного исследования. Все те, кто внес значительный вклад, должны быть обозначены как соавторы. В тех случаях, когда авторы желают отметить вклад других лиц, помогавших в проведении представленного исследования, они могут указать их в разделе «Благодарности».

Все соавторы должны одобрить окончательную версию работы и согласиться с представлением ее к публикации.

Рецензирование

Помогает членам редакционной коллегии принять решение о публикации и, при соответствующем взаимодействии с автором, также может помочь ему повысить качество работы. Таким образом, рецензирование – не просто инструмент отбора, но и средство, повышающее научный уровень статьи.

Рецензент определяет актуальность темы, четкость определения целей и задач исследования, обоснованность выбора методов исследования, структурированность материала, логику доказательной базы, убедительность, стиль изложения материала, обоснованность выводов и т.д. Отмечается также личный вклад автора в решение обозначенной проблемы, логичность и доступность изложения, корректность использования привлекаемых источников. Рецензент выявляет значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не указанные автором. Рецензент также обращает внимание редакционной коллегии на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере его научной компетенции.

Язык публикаций

Журнал принимает к рассмотрению и публикует материалы на русском и английском языках.

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС

ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2022.1

Сайт журнала: j-locus.ru

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 30.03.2022 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 10 п. л. Тираж 1000 экз.